

Международный издательский центр
«Этносоциум»

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
СИУ-РАНХиГС (г. Новосибирск)

С.В. Бирюков, Е.Л. Рябова

**Борьба идей и национальное
политическое развитие
(Франция, Германия, Англия)**

Москва 2016

УДК 327
ББК 60.56

Рецензенты:

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Иларионова Т.С., профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, генеральный директор Института энергии знаний.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политических наук РУДН, доктор политических наук.

С.В. Бирюков, Е.Л. Рябова. Борьба идей и национальное политическое развитие (Франция, Германия, Англия): Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 164 с.

Бирюков Сергей Владимирович - Доктор политических наук, профессор, профессор Кемеровского государственного университета, приглашенный профессор Сибирского института управления (г. Новосибирск) и Восточно-китайского педагогического университета (г. Шанхай).

Рябова Елена Львовна - Доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, главный редактор Международного издательского центра «Этносоциум».

Монография С.В. Бирюкова и Е.Л. Рябовой посвящена изучению взаимосвязей между идейными исканиями европейских мыслителей Нового и Новейшего времени и опытом политических трансформаций и общественного развития тех стран, которые они представляли. Консервативно-центристская и просвещенно-государственническая традиция, заявившая о себе в творчестве целого ряда знаковых фигур европейской мысли, увязывается авторами представленной монографии с проблемами исторического выбора, совершенного формирующимися и эмансипирующимися гражданскими обществами Франции. Особое внимание уделяется авторами проблемам поиска и сохранения своей национально-государственной идентичности стран Европы в контексте общеевропейской истории. Проблема альтернативности национальной политической истории увязывается исследователями с борьбой основных идеологических течений: консерватизма, либерализма, социализма, национализма.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor of Kemerovo State University, a visiting professor of the Siberian Institute of Management (Novosibirsk) and East China Normal University (Shanghai, China).

Ryabova E.L., Doctor of political sciences, Professor, Chief Editor of «Ethnosotsium» international publishing house.

Monograph of S. V. Biryukov and E. L. Ryabova is devoted to studying of the relationship between the ideological quests of the European thinkers of Modern & Contemporary Period and experience of political transformations and social development of the countries they represented. Conservative centrist and enlightened statehood tradition, which has declared itself in the works of a number of iconic figures of the European political thought, linked by the authors of presented the monograph with problems of the historical choice, committed by emerged and emancipated French. The authors are giving the particular attention to searching of the problems of preservation the national and state identity of countries in the context of European History. The problem of alternative character of national political history linked by researchers with the concurrence between the basic ideological trends including conservatism, liberalism, socialism, nationalism.

© С.В. Бирюков, Е.Л. Рябова, 2016.

© Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.

Содержание

Глава 1. Франция: борьба идей и поиск себя

- 1.1. Франция: республика или монархия?.....5
 - Истоки «гибридного феномена».....5
- 1.2. Католический консерватизм XVIII-XIX веков: попытка альтернативы.....21
- 1.3. Консервативный центризм во французской политической мысли: государство и «цветущая сложность».....38
 - Жан Боден: основоположение политического центризма.....39
 - Французский либерализм первой половины XIX в.: между Революцией и Реставрацией.....45
 - Мишель Крозье: тупики государственного бюрократизма и возможности «социальной ткани».....51

Глава 2. Германия: исторические рефлексии и актуальные политические проблемы

- 2.1. Немецкий консерватизм: история одной драмы...58
- 2.2. Германия - держава середины?.....84
 - Истоки проблемы и предыстория вопроса.....84
 - Послевоенные рефлексии и современность.....94

2.3. Фон Штейн и Лассаль: консервативный синтез как упущенный шанс для Германии?.....	103
- Лоренц фон Штейн: основоположение «консервативного социализма».....	106
- Фердинанд Лассаль: к социализму через государство.....	112

Глава 3. Англия: консервативная рефлексия и политические трансформации

1.3 Консервативно-демократический проект Эдмунда Берка: консервативный синтез VS «война всех против всех».....	122
- Гражданское общество как «катастрофа»: несостоявшийся консервативный проект Томаса Гоббса.....	122
- Эдмунд Берк: критика французской революции и обоснование консерватизма.....	125
2.3. О судьбах английского консерватизма: Бенджамин Дизраэли.....	132
- Английский консерватизм: предыстория.....	132
- Специфика и парадоксы английского консерватизма.....	143
- Бенджамин Дизраэли как лицо английского консерватизма.....	148
Список используемой литературы.....	154

Глава 1.

Франция: борьба идей и поиск себя

1.1. Франция: республика или монархия?

В то время как Франция отмечает триста лет со дня смерти Людовика XIV, публицист **Максим Тандонне** недавно выступил со статьей, в которой утверждает, что Франция по сию пору страдает от принципиальной неспособности выбрать между республикой и монархией¹. Сам Тандонне является автором многочисленных книг, в том числе политических биографий президентов Республики, что позволяет ему прийти к известным заключениям.

По его мнению, в других странах Европы, не существует ощущения водевильности, беспомощности и комичной претенциозности, которые рождает французская политическая жизнь. В Германии, Великобритании, Италии, Испании, по мнению автора, общественная жизнь протекает более или менее благополучно, принимаются политические решения, иногда достаточно болезненные, правительство существует и действует с большим или меньшим успехом. Граждане этих стран не испытывают ощущения «текучки» лидеров и постоянного обмана с их стороны.

Действительно ли Франция так сильно страдает, не выбрав окончательно между Республикой и монархией? По замыслу первых республиканских идеологов, идеальная республика вверяет власть своим гражданам. Это положение было впервые закреплено в Конституции 1793 года, оставшись при этом на только на бумаге. Исполнительная власть в рамках этой модели подотчетна гражданам, которые могут уволить министров по ходатайству. В итоге Франция

¹ *Tandonnet M.* La France, République ou monarchie? // <http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/2015/08/12/31005-20150812ARTFIG00194-la-france-republique-ou-monarchie.php>

никогда не соответствовала конституционным декларациям 1793 года, которые не были реализованы.

Конституционная монархия также предоставляет гражданам определенные политические возможности. В конце концов, несколько крупных европейских стран с устойчивыми демократическими традициями являются по форме монархиями, что не мешает им иметь избираемый всеобщим голосованием парламент и правительство во главе с премьер-министром, ответственным перед ним. Семья монарха воплощает собой национальную преемственность. Потомственный правитель в этих странах находится на вершине государственной власти, даже если не отвечает непосредственно за осуществление власти, а его миссия, прежде всего, символическое значение.

Франция, по утверждению Тандонне, имеет гибридную систему, соединяющую черты республики и монархии. Это не республика по своему изначальному замыслу, поскольку деятельность ее институтов и элит ускользает от контроля со стороны сообщества граждан и не служит целям общего блага, сделав страну заложницей нарциссцистских планов горстки политических карьеристов, использующих ее механизмы в своих целях. В то же время она не является и монархией, поскольку в ней присутствует конкуренция различных политических сил, дополненная эскалацией демагогии и обмана. Народ в действительности не является сувереном, а честь и преданность общему благу не являются подлинными ценностями правящего класса.

Эпоха де Голля скрывала эти противоречия в течение десятилетий. Последний использовал для этих целей историческую легитимность, и после 18 июня 1940 года сумел придать этой преемственности особый характер и статус во французской истории. Однако кризис Пятой Республики обнажил эти политические и идеологические конструкции, позволяя открыто ставить вопросы, подобные тем, которые задает в своей статье Тандонне.

Истоки «гибридного феномена»

Однако является ли Франция квазимонархией, облегчённой в республиканские одежды, как пишет в своей статье Тандонне?

Для французских республиканцев – причем как левого, так и правого толка – ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным. При этом сама проблема является не столь очевидной, как может показаться на первый взгляд. Эрнест Ренан, видный исследователь феномена нации, еще в 1882 г. утверждал, что «нация является результатом желания жить вместе... Человек ни является рабом ни нации, ни языка, ни религии, ни течения рек, ни направления горных цепей... Нация – это каждодневной плебисцит»². Однако плебисцит, пусть даже каждодневный, еще не означает наличия республики как устоявшейся системы правления – о чем, собственно говоря, и свидетельствует исторический опыт Франции.

Существует многократно повторяемая легенда: согласно ей, Франция создала нацию, «эскиз которой набросала монархия». Французская нация родилась вместе с революцией, была «удочерена» государством и опирается на республиканские ценности. Говоря о США, Ю. Хабермас говорил о «конституционном патриотизме». В случае Франции вернее говорить об «идеологическом патриотизме». С одной небольшой поправкой: речь идет о легенде или о мифе, который не соответствует реальности. Необходимо вернуться к истории, дабы прояснить истоки этого мифа.

Монархическая идея и традиция во Франции была неразрывно связана с идеями национального величия исторической преемственности, которые со времен аббата Сугерия и Людовика IX Святого с институтом монархии. Непримиримые критики Великой Французской революции Ж. де Местра и Л. де Бональд выдвинули масштабный поли-

2 Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? – Paris, 1997. – p. 32.

тический проект, смысл которого сводится к возвращению к идеальному порядку, сочетающему черты абсолютной монархии и средневековой теократии, что было невозможным даже в условиях реставрации Бурбонов. В 1797 г. де Местр под влиянием идей Э. Берка публикует собственные «Размышления о революции во Франции», главный пафос которых составило утверждение о сатанинском характере совершившегося государственного переворота. При этом все перенесенное в эти годы Францией трактовалось им как «очистительная жертва» – ибо, по мнению де Местра, борьба воинствующих атеистов с католической церковью лишь укрепляла католицизм, а низвержение абсолютизма посредством установления централизованной якобинской диктатуры – лишь создавало, по его мнению, предпосылки для его восстановления.

С этой точки зрения, демократия представляет собой организованное насилие большинства над «достойным меньшинством», а любые демократические процедуры дробят общество, разделяя его на не доверяющие друг другу группы и микрогруппы. Важнейшие же элементы нравственно – политического единства (власть, право, традиции, мораль) не могут быть образованы искусственно, в ходе демократической борьбы сил. Они создаются по воле Бога и должны иметь неразрывную связь с историческим прошлым. Высшим же социальным институтом, имеющим Божественную санкцию и прочные исторические корни, является, согласно де Местру, абсолютная монархия – поскольку именно она лучше и прочнее всего объединяет и сплачивает нацию. Единство народа невозможно без исторической преемственности – ибо едины не только ныне живущие граждане одного государства, но и все прошлые и будущие поколения соотечественников.

Поэтому Франция, согласно де Местру, включала в себя не только 30 миллионов населявших ее тогда «статистических» французов и географическое пространство между

Пиринеями и Альпами, а миллиарды мужчин и женщин, которые жили и умерли на французской земле. Эти миллиарды французов передали своим потомкам возделанные поля, богатую культуру и централизованное государство. Последние, пользуясь всеми этими благами, составляют с ними прочный союз. Однако осязаемым этот союз делает лишь верность каждого француза идее наследственной монархии. Любые же попытки «отбросить прошлое» есть проявление бездумной и преступной неблагодарности по отношению к предкам.

При этом де Местр, будучи ортодоксом в философии, проявлял определенную гибкость в политике. Так, не отвергая однозначно Хартию 1814 г., он находит немало лестных слов в адрес английской конституции, опирающейся на вековые обычаи и традиции. Согласно де Местру, именно неписанный характер основных законов политической жизни Англии, а также представительство в парламенте узкой группы собственников и наличие в нем наследственной палаты лордов делают английский политический строй приемлемым и допустимым. При этом требование расширения этих прав, предоставления правового равенства всем гражданам и отмены всех наследственных привилегий и званий представляются де Местру невыносимыми, а последовательно либеральная политическая система – невозможной и недопустимой. Опыт молодой американской демократии мыслителя также не убеждает: «Нам приводят в пример Америку. Я не знаю ничего более досадного, чем похвалы, расточаемые по поводу этого младенца в пеленках: дайте ему возрасти».

Согласно местровской доктрине, во Франции не должно быть больше привилегированного дворянства, претендующего на какие – либо особые права. Столь же бессмысленно разрушать существующие сословные барьеры: «В Европе больше нет знати». В качестве элитного слоя де Местр предлагает не историческое дворянство, а особый

патрициат. Данная элита, выделяемая по меритократическому принципу (т.е. в зависимости от имеющихся заслуг), должна обладать не «особыми правами», но «особыми обязанностями» – ведь институционализация (закрепление) любых привилегий знати, по де Местру, разлагает нацию. В то же время именно знать призвана осуществлять связь монарха с народом, образуя нечто вроде «семейного совета» при государе. Поэтому новый патрициат – не замкнутое сословие и корпорация, а лишь орган монархии и продолжение верховной власти.

Как хранительнице божественных истин церкви следует наставлять государей, а также готовить переход народов и стран к новому устройству мира, при котором духовная власть, направляемая из единого центра, окончательно подчинит себе светских правителей. Монархически настроенная католическая церковь, преодолевающая ересь «галликанства» (независимой от Рима национальной французской католической церкви), готова к этой миссии. Таков глобальный теократический проект Ж. де Местра.

Великая Французская Революция, разрушив своими идеями и практиками картину величия и единства Франции под эгидой монархии, сделала главным субъектом французской истории народ, то самое «третье сословие», от имени которого учреждалась и должна была действовать Республика. Опираясь на идею нации, революционеры стремились утвердить вместо прежнего аристократического величия «величие нации», воспринявшей идею свободы.

Якобинские революционеры, вдохновившиеся идеями Руссо об объединённом народе и его общей воле, положенной ими в основу государственной власти и ее полномочий, в итоге вместо единства создали ситуацию мировоззренческого и политического раскола французского общества, включая и его элиту. Раскол между монархической традицией национального величия и идеей народности, между революционной и консервативной частями общества стоил

Франции достаточно дорого. Попытки возродить величие как фундамент для будущего единства успеха не принесли.

Так, результате государственного переворота, который совершил 18 брюмера 8 года по новому республиканскому календарю (9 ноября 1799 года) Наполеон Бонапарт, ставший Первым консулом, ситуация резко изменилась. Согласно Курцио Малапарте, это был первый современный государственный переворот («Техника государственных переворотов»). Наполеон Бонапарт, возродивший Империю и понесли знамя прав и свобод в Европу - консолидировал общество, направив его энергию в дело государственного и имперского строительства. Падение Империи вследствие тяжелых военных поражений от сил антинаполеоновской коалиции было великим и подтвердило итоговую слабость монархических институций.

В итоге Францию не удовлетворил режим Реставрации, даровавший ей королевским указом Конституцию 1818 года, подтверждавшую все основные права и свободы народа, провозглашенные Революцией и отражённые в ее основных законодательных актах. Режим, соединяющий порядок и свободу, о котором мечтали Б. Констан и другие видные мыслители послереволюционной эпохи, в итоге так и не возник.

Революция 1830 года свергла не скрывавший своей аристократической природы режим Реставрации и привела к власти «короля-банкира» из Орлеанской династии, обещавшего народу расширение свобод. Однако и он не удовлетворил стремление масс к свободе и равенству, и сам пал жертвой революции 1848 г., когда Франция подключилась к общеевропейской весне народов.

При Луи Бонапарте, племяннике великого императора, пришедшем к власти с помощью общенародного голосования, а затем реставрировавшего монархию с помощью плебисцита, монархической принцип снова восторжествовал, на непродолжительное время успокоив страну. История

повторилась в новом контексте. Государственный переворот Наполеона III, племянника Наполеона I, в 1851 году, привел к формированию бонапартистского политического режима, в течение 20 последующих лет господствовавшего во Франции

Модель бонапартизма характеризовалась следующими основными чертами:

А) Сильная независимая исполнительная власть.

Б) Чрезвычайная политическая роль военных.

В) Всеобщее избирательное право и сильные плебисцитарные элементы.

Всеобщее избирательное право было введено в 1830 году, и в 1840-е годы стало своеобразным кредо бонапартизма. Легитимность власти должна была исходить непосредственно от народа (полемика против избирательных прав для 3-го класса). Уже в 1848 году Луи-Наполеон, племянник императора Наполеона I, был напрямую избран президентом Франции на 4 года. В 1851 году он провел плебесцит, фактически легитимировавший государственный переворот.

Текст, закрепивший этот новый политический статус власти, начинался следующим предисловием: «Французский народ желает поддержать власть Луи-Наполеона Бонапарта, доверяет ему необходимые властные полномочия по продвижению проекта Конституции, который включил в себя базовые положения его Прокламации от 2 декабря»³. 7 миллионов французов, и прежде всего крестьян, голосовали за это на плебесците.

В ноябре 1852 года Наполеон обратил доверие народа в восстановление Империи, которое получило поддержку 8 миллионов голосов. С Республикой было покончено, и Империя была восстановлена во Франции.

С приходом бонапартизма установился стабильный политический режим, который – вопреки прогнозам о его

3 Wilms J. Napoleon III. Frankreich letzter Kaiser. – Muenchen: Beck, 2008.

скором и неизбежном падении – просуществовал в итоге два десятилетия. Секрет его относительной стабильности заключался в соединении исполнительной власти, опирающейся на узкий круг чиновников и военных, с широкими массами (в основном сельского населения) в форме всеобщего избирательного права и народного волеизъявления. Другие политические элементы играли при этом подчиненную роль.

Фактором силы бонапартизма, недооцененном критиками, была его способность не только консолидировать, но также «замораживать» и известным образом реконструировать свою социальную базу, объединяя вокруг себя социальные группы различного происхождения (как традиционные, так и ориентированные на модернизацию). В случае Наполеона *III* и его режима достаточно ярко проявились и недостатки бонапартистского режима – его чрезмерная зависимость от субъективного фактора, ригидность обеспечивающих его сохранение и жизнедеятельность институтов, отсутствие механизма сдержек и противовесов, склонность внешнеполитическим и военным авантюрам и одновременно уязвимость перед лицом их возможных последствий, отсутствие долгосрочной стратегии, а также возможности и желания последовательно решать задачи модернизации общества и экономики. В итоге главная проблема послереволюционного развития – нахождение политической модели, обеспечивающей порядок и свободу – так и не была решена.

Характерны были колебания по вопросу о преимуществах монархии либо республики многих видных французских мыслителей послереволюционной эпохи. Основатель французского либерализма является **Анри Бенжамен Констан де Ребек** (1767 – 1830). За поддержку переворота Наполеона Бонапарта, сделавшего последнего императором, в 1799 г. он был назначен членом Трибуната, одного из высших органов государственной власти. Однако не-

принятие им абсолютной власти из страны вскоре привело его к опале и изгнанию из страны. Возвращение на родину состоялось лишь во время знаменитых «Ста дней», когда Наполеон предложил Констану участвовать в составлении нового конституционного акта. В эпоху Реставрации он был одним из лидеров либеральной оппозиции режиму Бурбонов, а во время «июльских дней» 1830 г. активно способствовал приходу к власти Луи – Филиппа Орлеанского. Соответственно менялись и политические взгляды мыслителя: так, если до наполеоновского переворота он считал наиболее подходящей для Франции республиканскую форму правления, то в эмиграции он постепенно склонился к конституционной монархии.

Младший современник Констана **Алексис де Токвиль** (1805 – 1859), французский политический мыслитель, социолог и государственный деятель, министр иностранных дел Франции после революции 1848 г., также не прошел мимо осмысления этой фундаментальной темы. Творчество Токвиля было вызвано к жизни необходимостью критического переосмысления опыта послереволюционного развития Франции: 1) Промышленной революции, изменившей жизнь городского среднего класса и вызвавшей к жизни «рабочий вопрос»; 2) Неожиданными последствиями пережитой Францией «эпохи революций» - ибо революции 1830 и 1848 гг. показали, что страна еще далеко не пережила социально – политические потрясения, вызванные Великой Французской революцией; 3) Необходимостью переосмысления проблемы свободы (во Франции она была ограничена широкими цензурными барьерами и оторвана от масс) с учетом набиравших силу процессов демократизации в Европе и в Америке.

Как и Констан, Токвиль является приверженцем конституционной монархии (ибо демократия не создает искусственного правительства и тяготеет к тирании большинства) и балансирует между либерализмом и либеральным консерватизмом, больше склоняясь к последнему. Достаточно

вспомнить, что Токвиль, как и Констан, являлся приверженцем конституционной монархии и Реставрации Бурбонов как режима с сильной властью, дающей надежные гарантии свободы. После свержения Бурбонов в 1830 г. он первоначально не принял результатов Июльской революции – но после внесения в Хартию изменений, расширяющих гарантии свободы, безоговорочно присягнул Орлеанам. После революции 1848 г. вошел в правительство, но устранился от общественной жизни после переворота, совершенного Луи – Наполеоном в 1851 г.

Одной из самых серьезных угроз для демократии и свободы является чрезмерная централизация государственной власти; при этом если централизация в смысле введения единых законов – полезное явление, то централизация властных полномочий с вмешательством в дела «нижних этажей» управления уничтожает свободу. Именно последнее произошло во Франции в результате революции 1789 – 1794 гг., упразднившей вольности местной знати, общин и городов под влиянием идей о неразделимости суверенитета народа.

Токвиль характеризует послереволюционное французское государство, опирающееся на всевластную бюрократию, следующим образом: «Это огромная социальная власть безлична; она больше не исходит от короля, но от государства... она – продукт и представитель всех, и подчиняет право каждого воле всех... Это особая форма тирании, которую называют демократическим деспотизмом. Нет больше социальной иерархии, нет четкого деления на классы и строго установленных социальных рангов; народ, составленный из абсолютно похожих индивидуумов, признается за единственно законный источник верховной власти, но лишен всякой возможности руководить и даже контролировать свое правительство»⁴.

⁴ Токвиль А. Старый порядок и революция, Цит.по: <http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=396>.

В результате описанных Токвилем трансформаций «доминирование, предоставленное государству, составляет сердцевину того, что принято называть «французской моделью». Однако французское государство изменялась в ходе истории, что заставляет различать по меньшей мере три ее последовательных модели: помимо монархической модели, которая развивалась во Франции с Филиппа Красивого до Людовика XIV, республиканская модель, которая достигла своего апогея во времена 3-ей республики, и модель Реконструкции, кульминацией которой стала эпоха генерала де Голля⁵.

Между тем, спор между приверженцем монархической и аристократической традиции продолжался достаточно долго. Восстановление Республики после потрясений 1870-1871 гг. Было осуществлено большинством в один депутатский голос и не принесло Франции столь ожидаемого успокоения.

Идеи величия и единства народа в свое время попытались заимствовать и республиканцы, однако из-за едва ли не изначального разделения республиканской традиции на «правую» и «левую» составляющие им зачастую не удавалось убедить в правоте своих идей и консолидировать вокруг себя большинство народа и нации. Что, в свою очередь, регулярно погружало очередную республику в глубокий системный кризис, выход из которого неизменно был связан с глубокими институциональными трансформациями, то есть с переучереждением Республики. Коих в истории Франции оказалось пять.

Республика, где поочерёдно у власти сменили друг друга правые и левые, оказалась в итоге слабой, потерпела ряд потрясений и поражений, самым болезненным из которых оказалась катастрофа 1940 года, когда значительная часть французской элиты просто придала свой народ, отказавшись от сопротивления врагу.

5 *Gauchon P. Geopolitique de la France. - Paris, 2011. - p 54-57.*

Реновацию Республики осуществил в 1950-е годы национальный герой генерал Шарль де Голль. Он соединил монархическую по своему происхождению идею величия с идеей народности в рамках отстаиваемой им концепции суверенитета, соединяющей независимую политику государства с единством нации по базовым внутривнутриполитическим вопросам. Учреждённая де Голлем Пятая Республика стала по сути выборной президентской квазимонархией.

Камуфляж монархии с помощью республиканской риторики и институтов между тем продолжался. Конституция 1958 г. Содействовал решению этой проблемы. Референдум 1962 г., в свою очередь, установил выборность Президента всеобщим голосованием. В результате установилась своеобразная электоральная монархия, в рамках которой укрепилась прямые связи между главой исполнительной власти и народом. Легитимность не опирались больше на наследственность, как при старом режиме, но на избранные личности, стремившиеся воплотить в себе Францию.

«Новая республиканская аристократия», между тем, приняла форму патроната. После ее введения в силу, правящий класс заметно обновился начиная с 1958 года. Большинство деятелей IV Республики ушли с политической арены (чтобы затем частично вернуться в 1981 году). Де Голль, не доверявший нотаблям, сделал ставку на «механиков-функционеров» из государственного аппарата. Однако прежние «патроны», пребывая некоторое время в тени, затем все же взяли свое. В то же время Франция со своей «республиканской меритократией» нисколько ни лицемерила: большинство выпускников «Гранд эколь» являлись выходцами из среднего класса.

В экономическом плане голлизм предполагал постановку экономики на службу политике, когда модернизация была призвана обеспечить мощь государства. При де Голле Франция встала на путь реализации больших проектов, так

или иначе связанных с военным сектором. Масштабность планов создавало ощущение величия; ощущение величия, в свою очередь, камуфлировало смешение республиканских институтов и квазимонархических традиций.

Озабоченность мощью и престижем проявлялась на всех уровнях. Монетаристская политика предполагала превращение франка в сильную валюту. Генерал де Голль отказался его девальвировать в 1968 году. Напротив, он потребовал от США конвертировать доллары, лежавшие в Банке Франции, в золото – как и предполагали Бреттон-Вудские соглашения. Интегрируясь в европейские структуры, Франция в то же время стремилась к защите собственных технологий и препятствовало иностранным компаниям покупать французские фирмы. Все это не могло не привести к неблагоприятным для де Голля политическим последствиям.

Революционные потрясения 1968-1969 годов заставили де Голля уйти в отставку, а созданная им модель сильной «полупрезидентской» республики постепенно утратила свой символический капитал и потенциал благодаря усилиям как левых, так и правых политиков, отдававших приоритет личным и партийным интересам перед интересами единой французской нации. При этом в своих основных чертах эта модель сохранялась в период президентства Ж. Помпиду и В. Жискара д' Эстена (1969-1981).

Так или иначе, в период «Славного тридцатилетия» (1946-1975 гг.) Франция переживала подъем и апогей своей политической модели, соединяющей монархические и республиканские идеи и практики. Каковы же были наиболее характерные черты этой модели?

- республиканская монархия, которая примирила двух антагонистов революционного периода – монархии и республику;
- законодательное ограничение корпоратизма любого рода;
- демонстративный эгалитаризм, который компенсиро-

вался привилегиями элиты, принимая форму «республиканской меритократии»;

- управление экономикой государством по согласованию с социальными партнёрами;

- сосуществование масштабного государственного сектора с частным сектором, пользующимся поддержкой государства;

- твёрдая приверженность национальной независимости, которая сочеталась со своеобразной волей к открытости миру;

- прием иностранцев, и особенно беженцев, при условии их последующей ассимиляции;

- светский характер государства, который сочетался с некоторыми уступками в пользу основных религий, и прежде всего католицизм (поддержка Эльзас-лотарингского конкордата, публичное финансирование религиозных школ);

- особое ощущение жизни, сохранившиеся благодаря налаженной социальной защите и эпикурейским традициям страны.

В свою очередь, придя к власти в 1981 году, Ф. Миттерран попытался скорректировать голлистскую модель через новую национализацию, переход к планированию, индустриальную политику и внедрение «социальной демократии на предприятиях». Эта модель столкнулась с внешними ограничениями и дефицитом бюджета – торговый дефицит достиг 92 млрд. в 1983 году. В качестве выхода возникла идея: покинуть европейскую монетарную систему и девальвировать франк с целью повысить конкурентоспособность экономики – либо же остаться в рамках «концерта» крупнейших капиталистических экономик и изменить свою модель. Однако все эти решительные начинания продемонстрировали свою принципиальную нереализуемость еще до конца первого срока пребывания Миттеррана в Елисейском дворце, столкнувшись с сопро-

тивлением французского общества и политического класса. Его вторая семилетка скорее характеризовалась инерционностью, и о ревизии наследия Пятой Республики президент-социалист и его сподвижники уже не помышляли.

Вызов голлистской модели со стороны таких явлений, как распространение либеральных идей, мондиализация, сецессия элит и децентрализации. В результате несоответствия масштаба личностей французских президентов сложности политической модели и вызовам времени Пятая республика постепенно погружалась в перманентный вялотекущий кризис, периодически сопровождаемый массовыми социальными протестами и политическими скандалами. Модель сильной «полупрезидентской» республики постепенно утратила свой символический капитал и потенциал благодаря усилиям как левых, так и правых политиков, отдававших приоритет личным и партийным интересам перед интересами единой французской нации. Деградация стала необратимой.

С размыванием и мягким демонтажем голлистского наследия происходила утрата величия. Квазимонархические практики, прикрываемые республиканской риторикой, становились все более очевидными. Монархические шарм и блеск, освещавший институты республики, померк вместе с упадком бывшего французского величия. Республиканские ценности также оказались под сомнением, более не находя реального воплощения во французской политике. Обнажился отрыв власти, лишенной масштабных целей и высоких идей, от изменившегося общества и его интересов. И лишь высокая гетерогенность французского общества мешает ему бросить вызов системе, практически израсходовавшей свой символический капитал. Что, однако, не восстанавливает для последней «окно возможностей». А значит – кризис французской политики будет только углубляться.

1.2. Католический консерватизм XVIII-XIX веков: попытка альтернативы

Консерватизм как направление политико-правовой мысли стал реакцией на саму идею и драматический опыт Великой Французской революции, на выдвинутые в философии Просвещения идеи свободы, равенства и братства, а также на лежащую в основе этих идей убежденность в способности человека перестроить общество на основе принципов разумности и пользы. Его начало связывают с публикацией работы английского политического мыслителя Эдмунда Берка «Размышления о революции во Франции» в 1790 году, вызвавшей масштабный общественный резонанс и во многом определившей направление развития консервативной мысли Европы. Главной проблемой его сочинения – вопрос о том, почему английская революция 1640 г. породила в обществе свободу, а Французская – выродилась в неслыханную тиранию. Другими видными представителями контрреволюционной критики выступают католические богословы **Жозеф де Местр** («Исследование Франции», «Заметки о суверенитете» и др.) и **Луи де Бональд** («Теория политической и религиозной власти»), а также несколько менее известный швейцарский политический деятель и писатель Эдуард Галлер. При этом граница между собственно консервативной и традиционалистской мыслью в эту эпоху – учитывая их единый мировоззренческий и ценностный источник – являлась в эту эпоху достаточно условной. Как полагает видный представитель «социологии знания», автор знаменитой книги «Идеология и утопия» Карл Маннгейм, традиционализм отличается от консерватизма двумя основными особенностями. Если консерватизм – это идеология, принимающая в разных странах различные формы в зависимости

от конкретных обстоятельств и ситуации, то традиционализм – по преимуществу психологическое и не выраженное в форме определенной доктрины отвержение нововведений, угрожающих узаконенному свыше укладу. Если консерватизм лишь стремится сохранить существующие нормы и институты, то традиционализм зачастую нацелен на устранение существующих порядков и устоев ради возвращения к какому-либо изначальному «справедливому и естественному» состоянию, подкрепленному традицией и авторитетом сакрального.

При этом к числу общих позиций, разделяемых как консерваторами, так и традиционалистами, могут быть с уверенностью отнесены следующие:

1) Законы истории и общества предопределены Богом, и человек не может ускорить ход истории и перестроить общество по своему плану («Человек способен все изменить в сфере своей деятельности, но он ничего не создает, как в физической области, так и в моральной» (Ж. де Местр);

2) Природа человека сложна и противоречива, а общественные отношения слишком сложны и запутанны – и поэтому переход к простому общественному устройству, а также перестройка его по рациональному плану невозможны и вредны; совершенствование человека может постепенно осуществляться за счет правильного воспитания и образования в рамках существующих институтов («Искусство реформирования правительств заключается отнюдь не в том, чтобы свергнуть их и перестроить на основнии идеальных теорий» (Ж. де Местр);

3) Не общество является продуктом деятельности человека, но человек – продуктом функционирования общества (образования, воспитания), и поэтому его силы недостаточны для его коренной перестройки («Человек существует только посредством общества, и общество творит его для себя» (Л. де Бональд);

4) Попытка человека вмешаться в естественный эволю-

цинный и органический процесс развития общества может принести только вред (поскольку общество – это организм, и его нельзя перестраивать как машину);

5) Предрассудки и традиции (своеобразный «скрытый коллективный разум», вековая мудрость народа) имеют преимущество перед отвлеченным философским и политическим теориями и разумом отдельного человека («разумом софистов и экономистов»), поскольку подкрепляются опытом поколений, и естественно дополняют законы («Каковы бы ни были суждения или предрассудки, они хороши, поскольку они устойчивы. И поэтому так хорошо дополняют законы» (Ривароль);

6) Права человека – это абстракция, лишенная исторических корней, в отличие от конкретных прав англичан или французов (т.н. «историческое право»), и отдельный человек не должен противопоставлять себя обществу как целому (органицизм);

7) Разум отдельного человека в вопросах политики и общественного устройства обречен на ошибку, поскольку не может охватить всей сложности существующих в этой сфере проблем («опыт и история практически всегда противоречат отвлеченным теориям» (Ж. де Местр);

8) Революция не освобождает, а разрушает человека; при этом не столько человек управляет революцией, сколько Революция – человеком (ибо «дальше всех идет тот, кто не знает, куда идет» (Ривароль).

Французский католический консерватизм XVIII-XIX веков имеет своим истоком не только умеренно-консервативное учение Э. Берка, но прежде всего выступает логическим продолжением европейской Контрреформации и католического Возрождения. Католическое возрождение – это интеллектуальное и общественное движение, связанные с возвращением интереса к католичеству у писателей и мыслителей Западной Европы, сложившееся после Французской революции 1789-1794 гг. и ревизии ее результатов в контексте хри-

стианской традиции. Там, где католицизм сохранился в качестве государственной религии — во Франции, в Италии, Испании — произошло реальное и массовое возрождение интереса к его ценностям и связанному с ними образу жизни. И даже в тех станах, где возобладала та или иная ветвь протестантизма, возвращение интереса к католицизму и даже обратное обращение в эту веру стали очевидным явлением. Таким образом, возникал вопрос на более глубокую религиозно-философскую рефлексию в отношении как собственно Революции, так и возможных направлений послереволюционного развития европейских обществ и стран.

В отличие от Берка, стремившегося оградить от натиска революции и революционной идеологии уже существующие институты и порядки, и поэтому являвшегося классическим консерватором, учения его французских последователей Ж.де Местра и Л.де Бональда имеют ярко выраженный традиционалистский характер. Смысл их проектов в основном сводится к возвращению к идеальному порядку, сочетающему черты абсолютной монархии и средневековой теократии, что было было даже в условиях «частичной» реставрации Бурбонов. Сами де Местр и де Бональд изначально обосновывали свои идеи не прагматически и рационально, а посредством ссылок на «высшие установления» и «незыблемые ценности».

Жозеф де Местр (1753 – 1821) – представитель старинного аристократического рода. Учился на юридическом факультете Туринского университета, а незадолго до революции стал сенатором. Саму революцию он встретил в Савойе, которая находилась тогда под властью Сардинского королевства – что в итоге позволило де Местру занять позицию «заинтересованного наблюдателя» по отношению к революционным событиям во Франции. Не принимая изначально многие принципы философии Просвещения, он окончательно занял позицию защиты абсолютизма в связи с событиями 1789 – 1792 гг. Принципы его собственной по-

литической философии складывались постепенно. В 1797 г. под влиянием Берка он публикует собственные «Размышления о революции во Франции», главный пафос которых составило утверждение о сатанинском характере совершившегося масштабнейшего революционного переворота. При этом все перенесенное в эти годы Францией трактовалось им как «очистительная жертва» – ибо, по мнению «савойского викария», борьба воинствующих атеистов с католической церковью лишь укрепляла католицизм, а низвержение абсолютизма посредством установления централизованной якобинской диктатуры – лишь создавало предпосылки для его восстановления.

В 1802 г. де Местр устроился номинальным посланником сардинского короля в Санкт – Петербурге, где провел несколько лет. За эти годы он написал несколько работ, превративших его в видного и известного мыслителя европейского масштаба: «Эссе о руководящем принципе человеческих институтов» (1810), «О сущности божественной справедливости» (1815) и др. Труды, принесшие де Местру европейскую известность, были написаны уже по возвращении во Францию в период бурбоновской Реставрации. К ним соответственно относятся: «О папе» (1819), «О галликанской церкви» (1821), политико-философский трактат «Санкт – Петербургские вечера. Рассуждение о земном правлении Провидения» (1821). При этом все поднятые де Местром политические вопросы рассматривались преимущественно в религиозно-философском контексте.

Хотя сам де Местр никогда не стремился к последовательному и системному изложению своих взглядов, будучи скорее религиозно-политическим писателем, его основные идеи можно систематизировать. Ключевая идея мыслителя – идея безусловной значимости единства общества, государства и народа, освященная католической церковью – которая должна иметь не национальное, но универсалистское призвание и значение.

По глубокому убеждению де Местра, государство – это единое тело, целостный организм, требующий единой направляющей воли; эта воля не может быть воплощена в каком – либо едином коллегиальном органе;

С этой точки зрения, демократия представляет собой не что иное, как организованное насилие большинства над «достойным меньшинством». В то же время любые демократические процедуры дробят общество, разделяя его на не доверяющие друг другу группы и микрогруппы.

При этом важнейшие элементы нравственно – политического единства (власть, право, традиции, мораль), как полагал савойский аристократ, не могут быть образованы искусственно, в ходе демократической борьбы сил. Все эти институты создаются по воле Бога и укоренены в истории соответствующей страны.

Что же является «ядром» санкционированного свыше порядка? Высшим социальным институтом, имеющим Божественную санкцию и прочные исторические корни, выступает абсолютная монархия – именно она лучше и прочнее всего объединяет и сплачивает нацию.

Соответствующим образом решает де Местр и вопрос о «духовных скрепах» общества. Единство народа, по его убеждению, невозможно без исторической преемственности – ибо едины не только ныне живущие граждане одного государства, но и все прошлые и будущие поколения французских соотечественников.

Поэтому Франция, согласно де Местру, это не только совокупность ныне живущих подданных одноименного государства, но органическое пространство, связывающее целое поколения людей, которые жили и умерли на французской земле. Поколения предков заботливо передали своим потомкам такие объединяющие их блага, как возделанные поля, богатую культуру и централизованное государство. Все ныне живущие французы, пользуясь всеми этими благами, составляют с ними прочный вневремен-

ный союз. Жизнеспособным же этот союз делает верность каждого француза идее наследственной монархии, которая является призванием и одновременно честью. Любые же попытки «отбросить прошлое» есть проявление бездумной и преступной неблагодарности по отношению к предкам, и могут вести только к разрушению естественного уклада жизни и как итог – самого французского народа.

Что же касается институциональных оснований единства, то такие артефакты, изменчивые законы, язык и нравы не могут быть символом исторической нации. Такая роль может быть отдана семейству и роду, корни которых теряются в глубине веков. Во главе иерархии этих семей и родов стоит королевский род (фамилия), тайна происхождения которого должна стать легендой и тайной для всех.

Историческая и подлинная Франция – «любимая дочь католической церкви», и посему верный этому призванию свыше французский народ не может надолго отклониться от своей предначертанной свыше природы. Поэтому революционные порывы и увлечения атеизмом – не более чем временное «помутнение сознания» и болезнь, которые могут быть преодолены путем сосредоточения здоровых сил опамятававшегося народа.

Собственно же политическое начало должно быть подчинено «моральной цензуре». В области политики полезными для народа могут быть лишь те ценности и явления, которые связаны с тайной и требуют жертвенного к себе отношения – Родина, королевская власть, авторитет наследственной аристократии и др. То же самое относится и к Конституции, которая должна иметь неписанный характер.

Видимый же текст «разволшебствует» (почти по М. Веберу) саму конституционную идею, и конституцию в итоге перестают уважать и соблюдать: «Существует немало законов, которым нужно следовать, но которые не нужно записывать».

При этом де Местр, будучи ортодоксом в философии, проявлял известную гибкость в политике. Так, принимая

с оговорками дарованную вернувшись Бурбонами Хартию 1814 г., он высказал немало комплиментов в адрес английской конституции, имеющей прецедентную основу. При этом в послереволюционной Англии французскому мыслителю более всего импонирует сохраняющееся присутствие аристократического элемента в обществе и политике. Посему раздававшиеся на другом берегу Ла-Манша требования расширения прав и свобод, гражданского равноправия с отменой всех наследственных привилегий и титулов представлялись де Местру немислимыми, а последовательная политическая либерализация – невозможной, несмотря на весь имеющийся опыт недавно образовавшихся США: «Нам приводят в пример Америку. Я не знаю ничего более досадного, чем похвалы, расточаемые по поводу этого младенца в пеленках: дайте ему возрасти».

Следуя логике умеренного эволюционизма, де Местр полагал при этом, что отдельные усовершенствования социального и политического порядка принципиально допустимы, но лишь при двух условиях: если они не будут иметь формально-правового закрепления и будут инициированы сверху монархом.

Главное же состоит в том, чтобы все эти нововведения никак не ущемили суверенитета монаршей власти, которая должна оставаться вне всяких инноваций.

В то же время принцип единства и целостности общества как единого организма был для него важнее, чем права и привилегии традиционной французской аристократии – ибо обособление любых институтов и «корпораций» неизбежно ведет к атомизации и дроблению общества;

Согласно местровской доктрине, в послереволюционной Франции не должно быть больше привилегированного дворянства, претендующего на какие-либо особые права. Столь же бессмысленно разрушать существующие сословные барьеры: «В Европе больше нет знати». В то же время общество не может обойтись без иерархии и новой элиты.

В качестве такого элитного слоя де Местр предлагает не историческое дворянство, но особый патрициат, который еще предстоит сформировать. Последний, будучи сформированным по меритократическому принципу (т.е. в зависимости от имеющихся заслуг), должен обладать не «особыми правами», но «особыми обязанностями» – поскольку институализация любых привилегий знати, по де Местру, разлагает нацию, мешает ей обеспечивать связь между монархом и народом.

Еще более опасной для государственного и общественного порядка, согласно де Местру, нежели идея сословно – корпоративных прав является идея неотъемлемых «прав человека». В последних он видит лишь «выдумку безответственных лиц, желающих нести как можно меньше обязанностей».

Таким образом, в центре желаемого политического порядка должен стоять абсолютный монарх, обладающий неограниченной властью, ответственный за свои поступки только перед Богом. Возмущение же против короля и его власти равнозначно возмущению против мирового порядка;

В то же время для обеспечения прочности существующего социального порядка, по де Местру, необходима и третья сила, выступающая посредником в отношениях между Богом и королем. Таким посредником является церковь, влияние которой на светскую власть должно быть усилено.

Как хранительнице божественных истин церкви следует наставлять государей, а также готовить переход к новому устройству мира, которое будет иметь теократический характер. Лояльная монархии католическая церковь, преодолевающая ересь «галликанства» (независимой от Рима национальной французской католической церкви), по убеждению мыслителя, готова к этой миссии. Таков, в общих чертах, глобальный теократический проект Ж. де Местра. Результаты же Революции – как с точки зрения эффективности институтов, так и точки зрения реализации принципов декларируемого «общего блага» – неизменно

рассматривались де Местром как «ничтожные» в силу отрыва творцов нового порядка от «корней» и традиции, равно как и в силу их ориентации на потребности не существующего в природе «общечеловека».

В заключение следует отметить, что, хотя стиль полемики и философствования де Местра несколько необычен и даже вызывающ для традиционного богословия, его идеи в целом укладываются в рамки традиционалистского направления. Влияние его идей и стиля ощутили на себе многие мыслители консервативного и традиционалистского направлений, включая русских славянофилов и европейских «новых правых».

Более последовательным и «ортодоксальным» традиционалистом является другой французский мыслитель, современник и единомышленник Жозефа де Местра, **Луи – Амбруаз виконт де Бональд** (1753 – 1840). Его работы отражают точку зрения наиболее последовательных роялистов, которым режим Реставрации казался чересчур «либеральным» и которые с 1825 г. (с момента воцарения Карла X) открыто взяли курс на ревизию положений Хартии 1814 г. Л. де Бональда можно считать одним из идеологов этого течения и процесса. С момента возвращения Бурбонов и на протяжении почти полутора десятилетий он успешно сочетал политическую деятельность с занятиями философией и публицистикой. Консервативный романтик, своей жизнью и деятельностью он вполне соответствовал лозунгу одного из деятелей европейского католического Возрождения: «Мы – дети крестоносцев, и не станем дрожать перед семенем Вольтера!» При этом, отличие от де Местра, он никогда не стремился шокировать читателя оригинальностью суждений и всегда был достаточно однообразен и предсказуем.

Французскую революцию де Бональд встретил зрелым человеком с уже устоявшимся политическим мировоззрением, будучи убежденным сторонником «белых» (белые

лилии – цветок архангела Гавриила и символ династии Бурбонов). Он открыто выступил в защиту абсолютной монархии, сражался в рядах в армии принца Конде против революционных войск («синих» по цвету мундиров), а затем был вынужден бежать из страны, проведя полтора десятилетия в соседней Германии. В 1808 г., воспользовавшись благорасположением утвердившегося у власти императора Наполеона, де Бональд вернулся во Францию и даже получил синекуру в Министерстве народного просвещения, где развил весьма активную деятельность по защите традиционных устоев и норм. В 1814 г. он был избран в палату депутатов, где вскоре превратился в лидера роялистской ультрамонтантской партии. Его влияние на принятие парламентом ряда консервативных законопроектов, включая несколько откровенно репрессивных законов, не подлежит никакому сомнению. Так, в частности, в 1816 г. по его инициативе был принят закон об официальном запрете разводов, а в апреле 1825 г. он инициировал законопроект, предписывающий применять к к осквернившему церковь и предметы культа религиозного культа преступнику отсечение кистей и обезглавливание («казнь отцеубийц»). В 1823 г. за свою деятельность де Бональд был назначен пэром. После июльского восстания 1830 г. виконт-контрреволюционер вполне ожидаемо отказался присягнуть новой Орлеанской династии, оставил политическую деятельность и удалился в свой родовой замок Муна, где и провел остаток своих дней.

Как писатель и философ, де Бональд уделял весьма мало внимания логичности своих построений и соответствию требованиям стиля. Сам метод его философствования был сугубо схоластическим, а оперирование понятиями нередко напоминало игру в бисер. Его политическая теория формировалась методами экзегетики, соответствовала постулатам Священного писания и сводилась к 2 – 3 формулам. Подобной методологии де Бональд следовал во всех своих политико-правовых сочинениях произведения, среди кото-

рых главными считаются «Теория политической и религиозной власти» (1796), «Первичное законодательство» (1802), а также «Философские изыскания» (1818).

Ключевую идею своего учения – идею консолидированной и неограниченной монархии – Бональд обосновывал с помощью почерпнутого из традиционной теологии и довольно своеобразно истолкованного принципа Троичности, согласно которому природное явление распадается на три элемента: причину, орудие и следствие. В общественной жизни эта триада трансформируется в формулу «власть – слуга – подданный». «Троичность» государственности, по Бональду, предполагает наличие абсолютного государя (власти), дворянства (слуг) и народа (подданного). При этом в рамках любой такой триады власть господствует над своими подданными и ограничена лишь возвышающейся над ней фигурой Творца. Отрицание политического плюрализма и разнообразия форм правления доводится Бональдом до логического конца: «Почитатели Аристотеля говорят нам, что он изучил более 150 конституций, как будто существует более двух конституций, одной хорошей и одной плохой: первая состоит в единстве; вторая – в дроблении власти».

Бональд – последовательный отрицатель идеи эволюции, что не является характерным для традиционалистов. По убеждению мыслителя, человек был не в состоянии изобрести язык, письменность, различные виды искусства, многоамный брак и иные институты, формирующих фундамент цивилизации. Все эти институты являются творением Бога и созданы им изначально в неизменном виде. Общество и политика также лишены эволюции, посему вплоть до сегодняшнего дня существует политический порядок, который был установлен Богом при сотворении мира. Такой подход не оставляет места для любых реформаторских идей, поскольку последние неизбежно посягают на божественный по своему происхождению порядок. Следование

этому принципу проявляется у Бональда даже в мелочах. Так, будучи членом департаментского совета, он активно выступал против строительства на территории железной дороги независимо от практической пользы такого нововведения – ибо изначально считал созданиями дьявола любые социальные нововведения, будь то телеграф, кредитные учреждения и даже сами города.

Для мыслителя также характерна весьма оригинальная интерпретации политической истории собственной страны. По убеждению Бональда, до 1789 г. Франция имела «неписанную конституцию» и незаконные вольности, делавшие ее самым свободным государством Европы. Для подтверждения этого тезиса мыслитель ссылается на особое положение магистратуры, на открытость французского дворянства, регулярно пополнявшего свои ряды за счет разбогатевших парвеню из третьего сословия, а также из числа протеже различных знатных покровителей. Вопреки мнению многих критиков монархии, Бональд обнаруживает в интеллектуальной жизни абсолютистской Франции дух «своеобразной свободы», не имевшей, однако, правового закрепления. И даже мало импониовавшие ему Генеральные штаты, по его мнению, самим фактом своего существования подтверждали гибкость монархии, ее способность мобилизовать дополнительную поддержку со стороны общества.

По убеждению мыслителя (и вопреки мнению французских просветителей) было вполне возможным постепенное обновление Франции без всякого террора и жертв, которые принесла с собой революция. Однако, как полагает Бональд (сделавший здесь явную уступку эволюционизму), даже такие косметические изменения были не нужны, поскольку «старый режим» был в любом случае свободнее и органичнее политического порядка, сложившегося после революции. Образцом же политического совершенства для аристократа-контрреволюционера являлся режим, соединяющий

черты абсолютной монархии и теократии. Только при нем, по убеждению виконта, было действительно возможным процветание Франции, равно как и сохранение ее неповторимого социального и культурного своеобразия.

Таким образом, на первый взгляд поверхностные и несколько тяжеловесные рассуждения Бональда вкупе со схематичностью мысли обнаруживают под собой глубокий религиозно-философский смысл, который выливается у автора в полноценную консервативную онтологию.

Принципиально важно и то, что традиция рассматривается Бональдом не как нечто потустороннее и отвлеченное, но как часть актуального политического бытия. При этом следование традиции вовсе не означает у него «застывания» живой жизни, но помещение последней в определенные устоявшиеся (сакральные) формы (церковь, монархия, семья) – что призвано наполнить саму жизнь общества высшими смыслами.

Бональду также присуще восприятие общества как «цветущей сложности», которая обеспечивается именно жесткостью государственных и церковных институтов, а также его иерархическим устройством (с привилегированными позициями аристократии). Примечательно, что он воспринимал институт абсолютной монархии не как что-то застывшее, но как живую действующую силу, вокруг которой складывается определенный жизненный и социальный порядок.

И если де Местр – консервативный мистик, то Бональд – скорее консервативный романтик. Его внешняя простота и «одномерность» вовсе не исключали внутренней глубины мысли и переживаний о судьбе собственной страны. Если де Местр – мастер резких и точных оценок и автор целого ряда пророчеств о судьбах послереволюционной Франции, то Бональд не проявлял к этому особой склонности, оставаясь приверженцем более строго и сдержанного стиля.

И если де Местр идейно близок к ранним славянофилам

с их убеждением в возможности альтернативных («органических») ценностей и путей развития общества, то Бональд – скорее к поздним славянофилам (К. Леонтьеву и М. Каткову) с их этатизмом и твердым намерением «подморозить» Россию для ее же блага.

Какие же из идей де Местра и де Бональда представляются наиболее актуальными и интересными сегодня?

Идея сакральных оснований социального и политического порядка, разрушение которых означает социальную и политическую катастрофу.

Идея консервативной рациональности, которая должна лежать в основе любого порядка.

Идея консервативного католического универсализма, призванного стать альтернативой разрушительным, по его мнению, прогрессистским и революционным теориям, ведущим общество к распаду и катастрофе.

Наконец, большое значение имеет идея единства Европы на базе традиционных ценностей и институтов (национальных институтов под эгидой римско-католической церкви).

Католический консерватизм стал закономерной реакцией на чрезмерный радикализм Великой Французской революции. И если многие идеи этого учения (органицизм, клерикализм, культ неограниченной монархической власти и неприкосновенность сословных привилегий) были отвергнуты последующим развитием политической мысли, то другие (необходимость уважения к государству и к нормам традиционной морали, допущение лишь постепенных и эволюционных изменений общества, критика уравнилельной психологии и чрезмерного индивидуализма) нашли свое продолжение в идеологии либерального консерватизма (или неоконсерватизма), ключевыми разработчиками которой стали А. де Токвиль, Р. Актон, Ф. Хайек, К. Поппер, И. Кристалл и др.

При этом, если идеи Э. Берка способствовали развитию либерального консерватизма, то идеи Ж. де Местра

и Л. де Бональда легли в основу традиционалистской политико- философской традиции. Ее приверженцы выступают не за сохранение статус – кво и «базовых ценностей», но отрицают сам путь развития западного общества, ценности индустриального общества и массовой культуры (т.е. материальную цивилизацию и капитализм, демократию, светский образ жизни, распространению техники и др.) как сатанинское порождение, ведущее человечество к гибели. Вместо этого политические философы – традиционалисты XX века (Р.Генон, М.Вальсан, Ф.Шуон, Т.Буркхардт, М.Элиаде, Г.де Джорджио) призывали вернуться к традиционному сословно – кастовому обществу средневекового типа, вся жизнь которого была бы подчинена следованию высшим духовным ценностям, выраженным в традиционных мировых религиях. Именно в этом видели они единственный возможный путь человечества к спасению.

Политический аспект традиционалистского учения также получил свое развитие в поздних работах известного русского философа Н. А. Бердяева (который продолжил вдохновенную де Местром консервативную линию в русской политической мысли, представленную именами П.Я. Чаадаева и Ф. М. Тютчева). Написанная им в 1923 г. «Философия неравенства» подвергает критике идейные установки либерализма, демократии, социализма и анархизма, призывая вернуться к «высшим духовно – нравственным основаниям» общественной жизни и одновременно отстаивая принципы «творческого консерватизма». Под многими идеями этого сочинения вполне могли бы подписаться де Местр и де Бональд. Еще ближе по духу к идеям французских традиционалистов книга Бердяева «Новое средневековье» (1924), где в качестве идеального общественного строя рассматривается сословно – корпоративная система, во главе которой стоит выделяющаяся своими нравственными качествами элита.

Особый интерес к идейному наследию де Местра и де

Бональда проявляют современные европейские «новые правые» – достаточно пестрая группа философов, социологов, историков, писателей, активно проявивших себя в начале 1970-х гг. во Франции и частично в Бельгии (А.де Бенуа, Ш.Бресоль, П.Виаль, М.Мармен, А.Гобар и др.). В качестве трибуны для распространения своих идей они использовали созданные ими «Клуб друзей Жозефа де Местра», журналы «Л'Орлож» и «Элеман». Заявляя своей целью «возрождение европейской культуры», они усматривали источник ее глубочайшего кризиса в неспособности к созданию новых духовных ценностей. С целью его преодоления они вполне в местровском духе проповедывали отказ от демократических ценностей, рационалистического («просвещенческого») философского наследия, а также проповедовали благотворность социального неравенства и возврат к традиционным национальным ценностям европейских народов («Европе ста флагов и ста языков»). В то же время подобная идеология, периодически проявляясь в рамках платформ различных политических сил европейских обществ и стран, до сих пор не привела к возникновению последовательной альтернативы общеевропейским политическим стратегиям и практикам.

Наряду с этим, происходящее сегодня сближение позиций Ватикана и Русской Православной церкви по ряду значимых общественно-политических проблем (при подчеркнутом сохранении догматических различий) делает актуальным обращение к наследию консервативных католических мыслителей XVIII-XIX веков. В последнем можно усмотреть известную альтернативу как неолиберализму, так и неоконсерватизму, отказавшемуся от целого ряда собственно консервативных ценностей. Изучение этого наследия расширяет пространство диалога двух мировых конфессий, а равно и пространство диалога об альтернативных путях развития объединенной Европы.

1.3. Консервативный центризм во французской политической мысли: государство и «цветущая сложность»

Французский консервативный либерализм, зародившийся в начале XIX века – естественное основание французского политического центризма, основоположенного в XVI веке Жаном Боденом. Французским консервативным либералам с самого еще предстояло отстаивать свое право на существование и на определенное место в рамках политического дискурса в противостоянии с традиционными для Франции условно «правым» этатизмом, радикальным либерализмом и лево-революционным радикализмом (как в анархистской, так и в этатистской версиях). Приверженцам этого направления было весьма непросто добиться в складывавшейся во второй половине XIX века ситуации признания для направления мысли, которое призывало французов отказаться от крайностей и консолидироваться вокруг институтов государства – одновременно настаивая, что само это государство должно быть глубоко реформировано на основе консенсусного и эволюционного подходов, что позволит ему эффективно защищать интересы граждан. Не менее сложным для консервативных либералов было донести до оппонентов мысль о том, что критика в отношении государства не означает самого отрицания государственности как таковой (как это утверждалось у французских леворадикалов социалистического и анархистского толков), а звучащий призыв к аккуратному и тактичному обращению с существующими институтами (в целях преодоления политического и правового нигилизма, заложенного представителями радикального крыла французского Просвещения) – вовсе не является синонимом этатистского конформизма.

Жан Боден: основоположение политического центризма

Основоположником центристской линии во французской политической мысли, стремившейся найти золотую середину в отношениях государства и сложноорганизованного социума (будущего гражданского общества), по праву считается политический философ и правовед **Жан Боден** (1530-1596). Чем же актуален для нашего времени известный сегодня по преимуществу теоретикам государства и права политический мыслитель? Помимо того, что он являлся видным государствоведом и создателем абсолютистской версии теории государственного суверенитета, политической современности он куда более интересен как разработчик стратегии, сопутствующей преодолению угрозы гражданской войны; все необходимые предпосылки для этого сложились в абсолютистской Франции на заре эпохи Нового времени, начало которой было положено религиозной Реформацией в Германии. Порожденная Реформацией кальвинистская идеология, содержащая в себе весьма радикальные для своего времени светские и республиканские идеи, уже в последней трети XIX века стала идейной основой Нидерландской буржуазной революции и способствовала установлению там Республики. На ее основе сложились республиканские партии (движения) в Англии и Шотландии, сыгравшие особую роль в осуществлении Английской буржуазной революции. Для абсолютистской же Франции XVI, где монархия не собиралась уступать своих позиций, он явился идеологией гражданской войны со всеми вытекающими из этого последствиями.

Ситуация той эпохи неплохо известна благодаря свидетельствам, оставленным некоторыми из современников. Согласно им, в последней трети 16 в. Франция после про-

никновения в нее кальвинизма (так, еще к 1555 году, несмотря на преследования, во Франции существовало 5000 кальвинистских общин) оказалась на грани масштабной религиозной войны, которая грозила перерасти в гражданскую. Кальвинисты, следуя заветам своего лидера Жана Кальвина, обосновавшегося в Женеве и превратившего ее в форпост нового вероучения, не признавали сакрального авторитета католической монархии, превратив свои общины (консистории), распространенные в различных регионах Франции, в своего рода самоуправляющиеся республики – что очевидно являлось несовместимым с иерархическими принципами построения средневекового сословного общества. Помимо этого, сплоченные и обладавшие немалыми финансовыми ресурсами кальвинистские общины бросали вызов конкурентам-католикам в торговле и ремесле, что также не могло не стать причиной масштабного недовольства. Но главное – конфликтовавшие друг с другом католики и французские кальвинисты (гугеноты) не признавали принципа веротерпимости и равноправия друг друга (говорить о толерантности – в современном смысле – в их отношениях друг с другом просто не приходилось) неизбежно вели дело к столкновению. К конфессиональному расколу неизбежно добавился и социально-политический: церковь, аморфная Священная римская империя (в течение многих веков претендовавшая на свою долю влияния во Франции), крупные сеньоры и города, используя имеющиеся у них вольности и привилегии, стремились максимально ослабить центральную королевскую власть. Возникла качественно новая, неизвестная в период раннего Средневековья ситуация гражданской войны, в которой участвовали различные социальные слои и группы, консолидировавшиеся не только и не столько по сословной принадлежности, но исходя из групповых интересов. Короли династии Валуа – Франциск II, Карл IX, Генрих III – направляемые их властной и жестокой мате-

рю Екатериной Медичи, раз за разом проявляли слабость и непоследовательность в решении государственных вопросов, усугубляя и без того напряженную политическую ситуацию в стране. Двойственную роль играла в этой ситуации Католическая лига - особая религиозно-политическая партия во Франции, организованная в 1576 году герцогом Генрихом Гизом; последний поставил своей задачей не только борьбу с гугенотами, но и борьбу за престол.

Поэтому надежды на поддержание в стране мира и сохранение ее целостности стали связываться с полновластным монархом, способным обеспечить действие законов и подавить всякое сопротивление своей власти. Подобное предвосхищение абсолютизма оказалось как никогда актуальным: сложившейся тогда обстановке преобладало мнение о том, что даже тирания лучше гражданской войны, хаоса и распада страны, пережившей Католическую лигу, «огненные палаты», 8 гугенотских войн, Варфоломеевскую ночь. Между тем, по-настоящему эффективная монархическая власть могла сформироваться только при условии опоры на определенный социально-политически консенсус, который еще только предстояло сформировать.

Но для утверждения такой полновластной королевской власти требовалось соответствующее философско-юридическое обоснование, новая политико-правовая теория. Ее автором стал выдающийся французский политический мыслитель **Жан Боден** (1530 – 1596). Сын портного из Анже, выпускник и профессор знаменитой Академии Тулузы, он был профессором права в своей alma-mater, адвокатом в Париже, депутатом Генеральных штатов, а затем королевским прокурором и дважды мэром города Лана – представляя тех самых «королевских юристов», образованных представителей «третьего сословия», привлеченных монархами Франции для укрепления государственного аппарата и самой государственности. Примыкая к т. н. «партии политиков» (приверженцев умеренной позиции в религиозных и

политических вопросах), Боден занимал компромиссную позицию в описанном выше споре католиков с гугенотами (так, на штатах в Блуа в 1576 г. он одним из немногих голосовал против запрета гугенотского вероисповедания) и полагал возможным стабилизировать Францию с помощью политической системы абсолютизма (где король возвышается над всеми и является гарантом общих законов). Свои взгляды на государство, а также пути и методы упрочения централизованной монархической власти он изложил в труде «Шесть книг о республике» (1576). Одной из ключевых задач государственной власти Боден определял защиту мира внутри государства.

Отвечая на вызовы современной ему эпохи, Боден призывал рассматривать государство как единственный легитимный Центр, уполномоченный регулировать «цветущую сложность» (дабы избежать «войны всех против всех»). При этом он особенно акцентировал необходимость наличия естественных ограничений у такой высшей и суверенной власти (уважение к жизни и собственности подданных, разумная децентрализация власти и полномочий, привлечение выходцев из третьего сословия к государственному управлению).

При этом под суверенитетом государственной власти Боден понимал ее постоянное и ничем не ограниченное право принимать решения, обязательные к исполнению на определенной территории – что предполагало ее неделимость и абсолютный характер.

Атрибуты суверенитета по Бодену – издание общих для всех подданных и учреждений государства законов, решение вопросов войны и мира, назначение должностных лиц, осуществление правосудия в качестве суда высшей инстанции, осуществление помилования.

При этом неограниченность королевской власти во все не означала ее права на произвол. По мнению Бодена, естественные законы не позволяют суверену вмешиваться

в дела семьи, нарушать принцип веротерпимости и взимать незаконные подати. Уважение к последним, как полагал мыслитель, являлось принципиальным отличием монархии от «вотчинного» (сеньориального) правления.

Примечательно, что приверженец абсолютизма Боден был одним из первых мыслителей Нового времени, обосновавших необходимость децентрализации в системе государственного управления. Неделимость суверенитета на практике, по его убеждению, вполне может сочетаться с дифференциацией (разделением) власти и управления – что допускало и обосновывало передачу королевской властью части своих полномочий назначаемым должностным лицам на местах.

Выражением «межсословного компромисса», по мнению Бодена, являлось государство, где в управлении участвовали бы представители различных сословий и слоев общества. Аристократический элемент подобного правления, по мнению мыслителя, проявлялся в назначении монархом на должности знатных и лучших людей, а демократический – в открытии доступа к должностям всем свободным и разумным индивидам независимо от происхождения; в условиях Франции XVI века последнее являлось ключевым условием гражданского мира.

Значение идей Бодена многосторонне, и состоит не только в философско-юридическом обосновании абсолютной централизованной монархии, а также в том, что она предвосхищает многие идеи и принципы политико-правовых мысли Нового времени (в частности, идея естественного закона и естественных прав, общественного договора и суверенитета как важнейшего атрибута государства). Не менее значима его роль как своего рода основоположника традиции «политического центризма» применительно к условиям переживавшей в его эпоху масштабные трансформации Франции. Помещение Боденом в центр политической жизни суверенного государя-

монарха и самого института государства в качестве арбитра и гаранта прав и интересов различных слоев общества создавало качественно новую модель политического порядка и управления. Правивший при его жизни Генрих III не стал «успокоителем» Франции, и абсолютизм в ней стал устанавливаться позже – при Франциске I, и достиг своего расцвета при Генрихе IV, принесшем стране долгожданный социальный и религиозный мир после принятия Нантского эдикта в 1598 году. Впереди Францию ожидала Фронда - череда антиправительственных смут, произошедших в 1648-1653 гг. и фактически представлявших собой новый виток гражданской войны, выход из которой потребовал значительных политических усилий.

В наиболее полной мере воплотил в жизнь политический идеал Бодена «король-солнце» - приведший Францию к состоянию «цветущей сложности» Людовик XIV де Бурбон, получивший при рождении имя Луи-Дьёдонне («Богоданный», Louis-Dieudonné), также известный как Людовик Великий (Louis le Grand) — король Франции и Наварры с 14 мая 1643 г. Он правил страной 72 года — дольше, чем какой-либо другой европейский монарх в истории. Однако нарушение баланса между «цветущей сложностью» общества и институтами абсолютистского государства в пользу последнего привели Францию к революции, которая сокрушила до основания «старый порядок»; при этом рожденный революцией новый порядок не отвечал ожиданиям его вдохновителей и творцов, весьма далеко уйдя от заявленных идеалов «свободы, равенства и братства». Осмысление этого парадокса вдохновило творческий поиск идеологов французского либерализма XIX века, попытавшихся уже в новых условиях найти и обосновать политическую модель, соединяющую начала порядка и свободы (то есть все того же социального и идейного разнообразия).

Французский либерализм первой половины XIX в.: между Революцией и Реставрацией

Французский либерализм первой половины XIX в. (в недрах которого постепенно сложилось либерально-консервативное и центристское по своему характеру направление мысли) изначально был связан с осмыслением трагического опыта Великой Французской революции (когда вместо обещанных свободы, равенства и братства получились неслыханная тирания и террор), политического значения и последствий Империи Наполеона Бонапарта, а также протекавшей в течение всей первой половины XIX в. борьбы между старой феодальной знатью и утверждавшимся в общественно-политической жизни буржуазным классом Франции. В силу этого, французскому либерализму был изначально присущ сравнительно умеренный и компромиссный характер идей и учений, стремление и найти сочетание сильной власти (как гаранта порядка) со свободой личности. В силу изначальной двойственности политических позиций, после дарованной Людовиком XVIII Хартии 1814 г. (вкуче с обещанием «царствовать, но не править»), французские либералы раскололись на два основных лагеря. Такие видные фигуры из их числа П.-П. Руайе-Коллар (лидер консервативного крыла либеральной партии), Ф. Гизо и К. Жордан полностью поддержали режим Реставрации как «строй, к которому стремилась Франция с начала революции». В то же время такие видные его представители, как Лафайет, аббат Сийес, Б. Констан и А. Барро, изначально поддерживавшие политику Бурбонов как «соединившую легитимность со свободой», перешли затем в оппозицию к королевской власти.

Идейным основоположником французского либерализма по праву считается **Анри Бенжамен Констан де Ре-**

бек (1767 – 1830). Либерализм Констана имеет цензовый, изначально ограниченный и охранительный характер, и стремится во имя обеспечения индивидуальных свобод устранить большинство французского народа из политики – что явно было невозможным в послереволюционных условиях. Он представляет собой попытку возрождения политических принципов Ш-Л. Монтескье («О духе законов») и покоится на убеждении самого мыслителя в том, что в рамках политической модели, отсекающей политические крайности, можно эффективно и успешно управлять страной, исполненной многообразных противоречий и конфликтов. Однако последующее развитие Франции начиная с эпохи Реставрации показало, что намерение подморозить ситуацию с помощью более гибкой модели едва ли была реализуемым в тех условиях. Для удержания страны от новых разрушительных кризисов, конфликтов и новых революций Франции требовалась не новая стратегия «замораживания», но стратегия гибких эволюционных изменений, позволяющих смягчать остроту общественных кризисов и «разломов», эффективно управляя обществом как естественным проявлением «единства во многообразии». В этой связи должна была быть глубоко переосмыслена роль, задачи и функции самого государства – исходя из качественно нового понимания природы государственной власти.

Автором учения, содержащего ответы на эти вопросы, стал младший современник Констана **Алексис де Токвиль** (1805 – 1859), французский политический мыслитель, социолог и государственный деятель, министр иностранных дел Франции после революции 1848 г. Творчество Токвиля было вызвано к жизни необходимостью критического переосмысления идейного наследия классического либерализма с учетом следующих новых исторических обстоятельств: 1) Промышленной революцией, изменившей жизнь городского среднего класса

и вызвавшей к жизни «рабочий вопрос» - что сделало средние и пролетарские слои активными участниками общественно-политической жизни; 2) Неожиданными последствиями пережитой Францией «эпохи революций» - ибо революции 1830 и 1848 гг. показали, что страна еще далеко не пережила социально – политические потрясения, вызванные Великой Французской революцией; 3) Необходимостью переосмысления проблемы свободы (во Франции она была ограничена широкими цензовыми барьерами и оторвана от масс) с учетом набравших силу процессов демократизации в Европе и в Америке. Как и Констан, Токвиль являлся приверженцем конституционной монархии (ибо демократия не создает искусного правительства и тяготеет к тирании большинства) и балансирует между либерализмом и либеральным консерватизмом, больше склоняясь к последнему. Изначально Токвиль, как и Констан, являлся приверженцем конституционной монархии и Реставрации Бурбонов как режимов с сильной властью, способных предложить надежные гарантии свободы. После свержения Бурбонов в 1830 г. он первоначально не принял результатов Июльской революции, опасаясь возможного ограничения политических свобод новой династией – но после внесения в Хартию изменений, расширяющих гарантии свободы, безоговорочно присягнул Орлеанам. После революции 1848 г. Токвиль даже вошел в правительство в качестве главы МИД, но устранился от общественной жизни после переворота, совершенного Луи-Наполеоном в 1851 г., не желая служить новому режиму единоличной власти.

Гораздо важнее для нас из творческого наследия Токвиля – его суждения о сущности политических изменений, происходивших в современную ему и наполненную противоречиями и конфликтами эпоху.

По его убеждению, важнейшей характерной чертой современной эпохи (второй половины XIX в.) является

набирающий силу демократический процесс («демократическая революция» или «великий демократический переворот»), который ведет к установлению формально-правового равенства и устранению всех форм авторитарного государства и сословного общества. Как консервативный либерал, Токвиль относится к принципу равенства далеко не апологетически. Существующее при демократии равенство, по его мнению, вовсе не является залогом свободы, (поскольку оно проще и привлекательней для людей, а сохранение свободы требует известных усилий), и люди часто предпочитают его свободе, создавая тем самым «новый деспотизм».

Что же, по мнению Токвиля, позволит демократии избежать своих крайних проявлений и последствий? Для этих целей демократия должна одновременно опираться на равенство и свободу, иначе при ней возможно установление тирании большинства, подавляющего личность («тирания однообразия мышления и поведения людей, не терпящих инакомыслия»). При этом сама демократия является уязвимой. Одной из самых серьезных угроз для демократии и свободы является чрезмерная централизация государственной власти; при этом если централизация в смысле введения единых законов – полезное явление, то централизация властных полномочий с вмешательством в дела «нижних этажей» управления уничтожает свободу. Именно последнее, по мнению Токвиля, произошло во Франции в результате революции 1789 – 1794 гг., упразднившей вольности местной знати, общин и городов под влиянием идей о неразделимости суверенитета народа.

Токвиль характеризует послереволюционное французское государство, опирающееся на всевластную бюрократию, следующим образом: «Это огромная социальная власть безлична; она больше не исходит от короля, но от государства... она – продукт и представитель всех,

и подчиняет право каждого воле всех... Это особая форма тирании, которую называют демократическим деспотизмом. Нет больше социальной иерархии, нет четкого деления на классы и строго установленных социальных рангов; народ, составленный из абсолютно похожих индивидуумов, признается за единственно законный источник верховной власти, но лишен всякой возможности руководить и даже контролировать свое правительство» («Старый порядок и революция»).

Поэтому общество, желающее ограничить безудержную экспансию государства, призвано опираться на механизм разделения властей, а также на институты местного самоуправления, суда присяжных, свободу вероисповедания и печати (все это, взятое в совокупности, препятствует тирании большинства и государственного аппарата). Принципиально те же самые институты служат эффективным барьером на пути революции – радикального процесса, уничтожающего общественные устои, законы и институты.

Таким образом, значение творчества А. де Токвиля состояла в попытке соединить демократию с либерализмом, и показать, что лишь определенная самоорганизация эмансипировавшегося в результате нескольких революций гражданского общества (с созданием ряда автономных институтов) способна защитить его от экспансии централизованного государства и его бюрократии (также являющихся порождением Великой Французской революции). В контексте поставленной нами проблемы не менее значимым является следующее заключение Токвиля: революция, приведшая к гипертрофированному усилению института государства, одновременно показала пределы возможностей последнего в деле управления усложняющимся обществом. Главное же состояло в том, что невероятно усилившееся в результате Революции и последовавшей за ней наполеоновской диктатуры ослабило «цветущую сложность» - то есть

социальное, экономическое и культурное многообразие Франции, обеспечивавшее ее процветание в ушедшую абсолютистскую эпоху (автономные права городов, цеховых корпораций, университетов). В итоге само послереволюционное государство, руководствуясь идеями рациональности и общественного блага, превратилось в деспотического Левиафана. Однако, согласно глубокому убеждению Токвиля, этатистский деспотизм не может обеспечить полноценное развитие общества. Поэтому необходимо вернуть «цветущей сложности» жизненную силу и собственные, автономные права уравновесить государство горизонтальными по своей природе институтами (местное самоуправление, суды присяжных, свободная пресса, общественные объединения). Одновременно с этим, вырастающий из логики процессов всеобщей демократизации «демократический деспотизм» представляют собой другую крайность, также разрушающую социальные механизмы, воспроизводящие всю тоже «цветущую сложность» - и посему те же самые горизонтальные институты призваны противостоять крайним модификациям «воли большинства». Подобные предостережения Токвиля были и остаются актуальными для французских и иных апологетов «воли большинства» любого толка, а равно для «левых» и «правых» этатистов, традиционно имеющих сильные позиции в этой стране.

Но были ли в конечном итоге услышаны эти предупреждения? Переключка эпох – характерное явление политической истории и процесса развития политической мысли во Франции. Франция подтвердила обнаруженные Токвилем социально-политические закономерности в голлистскую эпоху, когда произошло известное успокоение гражданского общества за счет усиления государства как социально-политического модератора после учреждения Пятой республики. Однако подобное усиление государственных институтов снова обернулось известным ущемлением социальной динамики и социального многообразия (все той

же «цветущей сложности»). Реакцией на это «ущемление» стало появление в 1960-70-е годы во Франции (помимо активизации радикальных политических движений) ряда теорий, авторы которых стремились критически осмыслить новые проблемы, возникшие в жизни развитого индустриального общества (позднего Модерна): деидеологизацию, формирование массового общества, конвергенцию общественно – политических систем, кризис бюрократического аппарата и модели «общества всеобщего благоденствия». Помимо этого, кризисные явления в жизни современного общества вызвали к жизни концепции, пытающиеся ревизовать либо скорректировать традиционные концепции элиты, демократии и государственной власти с целью адаптировать политическую и экономическую систему современного общества к вызовам времени. Решение этой проблемы виделось не в создании новой идеологии (ибо к середине века наступило разочарование в традиционных идеологических доктринах), а в нахождении правильной универсальной концепции управления (государства, бюрократии и элиты). Результатом этой ревизии стал отказ как от классической концепции демократии (либеральной), так и классической концепции бюрократии (веберовской).

Мишель Крозье: тупики государственного бюрократизма и возможности «социальной ткани»

Ключевую роль в формировании этих новых взглядов на государство, власть и бюрократический аппарат сыграл **Мишель Крозье** (1922 - 2013) – выдающийся французский социолог, много лет проработавший в качестве профессора социологического отделения Института политических исследований в Париже. Многие важные заключения были сделаны им и его коллегами во время работы в рамках Центра социологии организаций, главным объектом изучения

которого были особенности реального функционирования и неформальные отношения в рамках государственных бюрократических учреждений.

Будучи приверженцем веберовской теории «социального действия», он одновременно подверг серьезной корректировке структурно-функционалистский взгляд за его упрощенность и схематичность. Ключевая исходная идея рассуждений М. Крозье – идея кризиса современных моделей государства и государственной бюрократии, вызванная их возрастающим несоответствием сложности современных обществ.

Главные сочинения М. Крозье, принесшие ему мировое признание и известность – «Феномен бюрократии» (1963), «Блокированное общество» (1970), «Актер и система» (написанный совместно с Э. Фридбергом, 1977), «Общество не изменить декретами» (1979), «Стратегия изменения. Будущее французского общества» (1982), «Современное государство – скромное государство» (1987). Рефлексии Крозье, осмыслявшего специфику социальных и властно-управленческих практик современной Франции, удивительным образом повторяют многие из заключений Токвиля, сделанных применительно к условиям французской послереставрационной эпохи.

По глубокому убеждению Крозье, общество представляет собой не просто совокупность взаимодействий, но целостную и сложную систему. Системный характер социального ансамбля, таким образом, не позволяет реформировать его или изменять через волевое решение одного или даже большинства индивидов – вне зависимости от идеологических либо политических обоснований такого решения.

Вопреки приверженцам социального конструирования (социалистам либо доктринальным либералам), результаты коллективного усилия, по мнению Крозье, часто оказываются совершенно противоположными тому, чего хотели в начале действия его участники. Возникают так называемые

«обратные аффекты» или «порочные последствия» («l'effet pervers»), которые представляют собой неизбежное следствие сложных и запутанных отношений взаимозависимости между людьми.

Однако подобная взаимозависимость не делает человека заложником неких стихийных сил, но, напротив, является залогом его свободы. По мнению Крозье, именно системный характер общественного устройства позволяет избежать жесткого детерминизма, который мог бы превратить человека в игрушку для всех сил, влияющих на него («Никто не запрограммирован. Системы, конечно, ориентируют действия людей, но не детерминируют прямо то, что они делают»). При этом Крозье, в отличие от доктринальных либералов, не уповает на способность социальной системы к некоей «безграничной саморегуляции». Всякая система, по его мнению, нуждается в минимальном регулировании, иначе ей угрожает энтропия, т.е. деградация — это общий закон, актуальный для социальных систем любого вида.

Институционализация рассматривается Крозье как естественный процесс, вытекающий из самой логики социальных отношений. Люди, сталкиваясь между собой и взаимодействуя, вступают в переговорные отношения («игры»), в результате чего возникают определенные «правила игры», воплощенные в различных социальных институтах и организациях, регулирующих поведение «актеров». Игры лежат в основе всех коммуникаций людей в обществе.

Синтез этих трех составных частей общественного организма (индивида, институтов и «правил игры») составляют схему, напоминающую парсоновскую, но заметно превосходящую ее по глубине.

В итоге центральным понятием концепции общества М. Крозье, синтезирующим такие его характеристики, как взаимодействие, системы и игры, становится понятие «коллективная ткань» («le tissu collectif»). Под ней он подразумевает «весь ансамбль отношений (от самых спонтанных до

самых институтированных), игр (более или менее формализованных), систем профессионального, экономического, социального, культурного обменов; ансамбль, без которого деятельность индивидов была бы невозможной».

Крозье убежден, что современное общество неуклонно развивается в сторону усложнения, а роль принудительных механизмов снижается (поскольку, согласно Крозье, в рамках сложной информационной системы власти все сложнее «поймать» индивида);

«Коллективная ткань» (совокупность взаимодействий между членами общества) составляет, согласно Крозье, главный «капитал» современного сложного общества, и является главным условием его развития. В итоге общества, отличающиеся богатой «коллективной тканью», создают благоприятные условия для расцвета личности и инициативы индивида. В обществах с обедненной «коллективной тканью» отмечаются поведения «ухода» и «бегства» от действительности (возникает феномен т.н. «блокированного общества», который социолог обнаруживает во Франции 1970-х годов).

Главное же заключается в том, что в обществе, основанном на сложном взаимодействии и обмене, отношения власти трансформируются из жестко иерархических и зависимых в относительно свободные и равноправные, где оба участника властного отношения условно равноправны и зависят друг от друга («Господин Дюпон, богатый нотабль небольшого провинциального городка, просит господина Дюрана, скромного ремесленника, провести ремонтные работы в его доме. Самим фактом такой просьбы между ними устанавливаются властные отношения»). В итоге властью обладает сторона, контролирующая «зону неопределенности» и диктующая условия «обмена» (если господин Дюран получает просьбу в условиях отсутствия конкуренции, то и господин Дюпон не лишил себя возможности провести ремонтные работы);

Однако современное (то же французское) государство, власть которого по - прежнему основана на бюрократи-

ческом принуждении, не способно гибко управлять в новых условиях, что порождает его кризис, замещение неформальными сетями влияния («Главная проблема наших западных обществ — глубокий кризис наших моделей управления перед лицом роста сложности и человеческой свободы»; или иначе: «Современный кризис — это кризис частичной дезинтеграции инструментов социального контроля перед вызовом, брошенным сложностью»). С кризисом управления в современном обществе тесно связаны кризис власти и бюрократии («Процессы интеграции и роста взаимозависимости лишили действенности структуру, подобную архитектурному ансамблю в виде столбов и переходов, где один этаж опирается на другой. Мы намного ближе к структуре в форме пчелиных сот, в которой все зависят от всех и в то же время все контролируют всех, в которой никто не командует, но все подчиняются»).

Проявлениями кризиса бюрократии, по Крозье, соответственно являются:

А) Возникновение в рамках бюрократической организации большого числа различных правил и инструкций, противоречащих друг другу, вокруг которых развиваются неформальные отношения - торг, шантаж и коррупция;

Б) Вследствие централизованного характера управления лица, принимающие решения наверху, не знают ситуации на местах, а лица, действующие и знающие ситуацию на месте, не имеют необходимых полномочий;

В) В рамках сложного бюрократического аппарата происходит изоляция друг от друга различных уровней – в результате различные группы в аппарате преследуют цели, не соответствующие общим целям организации;

Г) В рамках бюрократической организации возникают многочисленные неформальные системы власти, действующие против общих интересов и правил, и не вносящие никакого позитивного вклада в общее дело («Изучая таким образом организацию, можно открыть вторую структуру

власти, параллельную той, которая видна в официальной схеме, кодифицирована и узаконена»);

Д) В результате бюрократическая организация работает неэффективно и на минимуме своих возможностей (бюрократия, по словам Крозье, превращается в «организацию, которая неспособна ни корректировать саму себя в устранении своих собственных ошибок, ни приспособливаться либо адаптироваться без кризиса к трансформациям своего окружения»).

Для выхода из подобного кризиса «проникновения» необходимо «овладеть сложностью» общественных отношений, разработав новую систему «общих правил игры», сделав институты управления более гибкими и своевременно реагирующими на запросы общества (по мнению Крозье, «главное правило демократического режима» состоит в том, что «именно правители должны приспособиться к народу, которому они должны служить, а не народ должен подчиняться проектам и прихотям своих правителей»).

Для этого не подходят ни технократический подход, делающий ставку на простое сокращение госаппарата, ни либеральный, полагающийся на рыночное саморегулирование. Решением проблемы является «косвенная стратегия изменений», когда реформа проводится поэтапно и первоначально направлена на наиболее сопротивляющиеся блоки и звенья (т.н. «узлы»), и одновременно – на те из них, которые наиболее восприимчивы к инновациям (т.н. «чувствительные точки»).

Таким образом, концепция М. Крозье предлагает ответ на многие вызовы с которым столкнулось современное высокоразвитое общество, и содержит комплексную программу его модернизации. Его рекомендации сегодня не могут игнорировать ни государственные управленцы, ни менеджеры частного сектора, ни разработчики стратегии административной реформы во Франции, ни социологи, ни политологи, ни юристы. Таким образом, его методика универсальна и может быть использова-

на представителями всех основных гуманитарных наук.

Но главное для нас заключается в том, что М. Крозье в сходном с А. Токвилем ключе обнаруживает и акцентирует известные потолки этатистской и бюрократической модернизации во Франции, подчеркивает необходимость вернуть «цветущей сложности» («социальной ткани») как ключевому фактору общественного развития ее значение и роль.

При этом социолог принципиально не отказывается от идеи государства как естественного и необходимого центра сложной игры, призванного направлять и координировать общественное развитие в разных областях. В то же время Крозье подчеркивает ограниченность возможностей государства в условиях усложнения общественной жизни, равно как и ограниченность его способности к самореформированию. Следствием этих рефлексий стала идея «скромного государства» – продолжая логику Бодена с обратного конца, с позиций интересов «цветущей сложности». Рынок тоже не признается универсальным регулятором этой сложности. Речь, скорее, идет о конвергенции государства и гражданского общества, об их эволюционной трансформации и взаимной адаптации.

Таким образом, французские консерваторы различных эпох, приверженные ценностям центризма и эволюционизма, преодолев влияние различных склонных к крайностям теорий, не стали ни сторонниками гиперэтатизма, ни приверженцами «неограниченной игры рыночных сил» - но остались верны идее разумного баланса власти государства и механизмов, поддерживающих социальное разнообразие («цветущую сложность») – последовательно выступая при этом за социальный мир, за компромисс между государством и обществом (в лице различных его сегментов). Для Франции, пережившей в своей истории целую череду революций и попыток государственно-бюрократической модернизации, сделанные ими заключения и выводы остаются неизменно актуальными.

Глава 2.

Германия: исторические рефлексии и актуальные политические проблемы

2.1. Немецкий консерватизм: история одной драмы

Историческая судьба немецкого консерватизма весьма драматична. Немецкое национальное сознание, казалось бы, самой судьбой предназначенное к культивированию ценностей религии, семьи, честного и самоотверженного труда, законности, породило в ответ на кризисы исторического развития идеологические и политические феномены, приведшие в XX веке к масштабнейшей национальной катастрофе саму Германию, Европу и все человечество. За искоренение нацизма (обоснованное и неизбежное) немцы заплатили фактическим разрушением позитивной национальной консервативной традиции. В рамках политической системы ФРГ признавался только «конституционный патриотизм», а все политические и идейные течения, стоящие «правее» платформы ХДС-ХСС, автоматически относились к неонацистской части идеологического спектра и автоматически маргинализировались. Любая попытка рефлексии по поводу накопившихся проблем развития страны неизбежно упиралась в потолок из запретов, и немногие решались мыслить «поверх барьеров». Попытки генерирования новых и умеренных, укладывающихся рамки послевоенного идеологического консенсуса форм консерватизма («ордолиберализм» (Ф.Бем, В.Ойкен, Л.Микш), **католический неоконсерватизм** сформировавшийся на основе христианской социальной философии (Г.Гундлах, И.Меснер,

А.Раушер, Г-Б.Штрайхофен), **национал – консерватизм**, развивающий идеи идеи «консервативной революции» и ницшеанской критики культуры (А.Молер, Г.Рормозер, К.Хорнунг, Г.-К. Кальтенбруннер), **технократический консерватизм**, (Г.Люббе К.Штайнбух, П.Иордан), **политико-экологический неоконсерватизм** (В.Вебер, Р.Херцог), **просвещенный неоконсерватизм**, стремящийся ввести демократию в «управляемые рамки» (В.Хеннис, К.Зонтхаймер и др.)⁶ оказались не слишком плодотворными.

По глубокому убеждению автора, Германия, для того, чтобы стать полноценной «державой в центре» (Герффрид Мюнклер)⁷ в европейской геополитике, должна, помимо, всего прочего, выработать подлинно центристскую по своему духу политическую культуру и сделать ее преобладающей в обществе.

Является ли современная Германия страной победившего центристского консерватизма? Да, но преимущественно с формальной точки зрения. Центристская (с уравнивающими и балансирующими друг друга различными политико-идеологическими элементами) политическая платформа является в Германии результатом социального и политического конструирования послевоенного периода, а не эволюционного развития политической и идеологической традиции. Сегодня эта модель, сформировавшаяся еще в на заре политической истории ФРГ, сталкивается с вызовами как из «левой», так и из «правой» части политического спектра. Для этого требуются значительные рефлексивные усилия, которые бы соединили современную политико-идеологическую реальность с конструктивной политико-идеологической традицией.

Каковы же причины столь глубокой аберрации немецкой консервативной традиции, приведшей к итоговой аннигиляции самого немецкого консерватизма как направ-

6 Френкин А.А. Феномен неоконсерватизма // Вопросы философии.-1991.- №5.

7 Münkler H. Macht in der Mitte. Die neuen Aufgaben Deutschlands in Europa. - Ed. Körber-Stiftung, Hamburg 2015.

ления мысли? Своеобразную версию ответа на этот вопрос предложил Карл-Густав Юнг (1875 – 1961) – видный швейцарский психолог и философ культуры, представитель психоанализа. Примечательно, что сам критик немецкого исторического и культурного опыта родился в семье протестантского священника, при этом дед и прадед его (по происхождению немцы) были врачами. Более того - дед Юнга когда – входил в кружки немецких романтиков в Берлине, но вынужден был перебраться в Швейцарию с рекомендацией А. фон Гумбольдта после ареста и запрета на преподавание во всех немецких землях (был дружен с Карлом Зандом, убийцей знаменитого сочинителя Коцебу за его «прорусскую» деятельность).

Специфику германской нации и истоки германского национализма – социализма Юнг связывал со своеобразным комплексом Вотана. Последний рассматривался им как отказ от культуры и эксплуатация самых темных сторон коллективного бессознательного. Германия, по мнению знаменитого швейцарца, слишком тяжело пережила стирающую национальные особенности промышленную модернизацию, ответом на которую и стало возрождение архаических форм сознания.

Другим истоком упомянутого германского комплекса, по Юнгу, стало постоянное историческое «запаздывание» страны и народа. Немцы слишком поздно оказались в Дунайской долине, не преуспели в строительстве империи и в деле завоевания колоний. Параллельно с этим, по Юнгу, Германия пережила целую серию глубоких морально-психологических катастроф: Реформацию, крестьянские и религиозные войны, усиливавших раскол страны. Глубокие переживания относительно произошедших бедствий немецкую склонность к отвлеченному теоретизированию, к увлечению теориями и учениями, внушаемость и постоянный поиск вождя для себя.

Подобное объяснение представляется нам излишне

упрощенным и метафоричным. На взгляд автора, истоки культурно-психологического комплекса, воспрепятствовавшего складыванию у немцев последовательного эволюционного консервативно-центристского мировоззрения, лежат более глубоко. И связаны они со специфическим вариантом ответа на повторяющиеся «вызовы истории» (А. Тойнби) и кризисы национально-политического и национально-государственного развития, который вылился в своеобразный комплекс идей и установок, ключевыми из которых являлись:

Склонность к изоляционизму и известное недоверие к внешнему миру (как культурно и политически чуждому пространству);

Идея ограниченности национального пространства и находящихся в нем ресурсов;

Рассмотрение немцев как «молодого народа» - что, помимо признания его творческого потенциала, выводило его из-под культурно-цивилизационных стандартов «чужеродного» романского (т.е. католического в своей основе) мира;

Этатизм – помещение государства в центр культурной и политической жизни, наделение его функцией консолидации и мобилизации всех ресурсов народа в целях будущих свершений;

Милитаризм – рассмотрение войны как естественного, дополнительного (и даже основного) инструмента политики, средства решения национальных задач;

Консервативный революционизм и радикализм – стремление разрушить неестественный и унижающий нацию политический и социальный порядок, с целью учредить (восстановить) порядок более органический, основанный на национальных ценностях.

Очевидно, что весь этот комплекс идей, убеждений и верований едва ли был совместим с принципами эволюционного, творческого и центристского консерватизма. В этой связи очень важно выяснить исторические, но прежде

всего - идейные и мировоззренческие истоки германского мобилизационного мифа, приведшего в XX веке к драматическим последствиям для многих стран и народов.

Истоком описанного выше мировоззренческого надлома стала Реформация – своеобразная экстатическая и революционная реакция немецкого национального самосознания на катастрофу (вернее, на феномены катастрофического сознания, сложившиеся на рубеже XV- XVI веков), которая одновременно выступала как механизм радикализации национального самосознания в ответ на угрозу достоинству народа и самим основаниям его жизни. Выход из ситуации многовекового безвременья, связанного с ожиданиями общеевропейской катастрофы и даже конца света, а равно и способ возвышения «маленького немецкого человека» заключался в глубоком переосмыслении самой сути христианского учения: оправдание через веру ставило верующего выше любых церковных институций, авторитетов и установлений, давая ему надежду на спасение благодаря индивидуальному духовному усилию.

Обобщенно, целями Реформации как движение являлись исправление официальной доктрины римско-католической церкви, преобразование церковной организации (и обрядности), пересмотр взаимоотношений церкви и государства.

Сторонники Реформации в Германии подразделялись на два основных направления – умеренное и радикальное. Умеренное направление составляли представители низшего дворянства (т.н. имперские рыцари, идеологами движения которых были Ульрих фон Гуттен и Генрих фон Зиккинген), бюргерство и часть светских князей, рассчитывавших использовать движение для конфискации церковных земель и получения большей самостоятельности от Священной Римской империи Германской нации (именно они незадолго до выступления Лютера отправили в Рим знаменитые «Сто обид немецкой нации» - своеобразную «жалобную книгу» от сословий). Перечисленные слои вы-

ступали за умеренные и ограниченные по масштабу реформы – формирование дешевой национальной церкви, упразднение влияния Ватикана, укрепление светской власти (общемперской или княжеской). К радикальному направлению (или крылу) Реформации относились крестьяне и плебейские слои города, выдвигавшие радикальные требования о полном упразднении феодальных отношений и учреждении социального равенства. Общими для обоих направлений Реформации было признание принципа «оправдания верой», предпочтение Священного Писания перед Священным Преданием (история церкви, подвигов ее святых и других благих деяний, которые обеспечивали ей авторитет), а также права мирян «оправдываться верой» без посредничества священников.

Идейным вдохновителем и крупнейшим идеологом Реформации стал немецкий теолог, бывший монах августинского ордена Мартин Лютер (1483 – 1546). Сын саксонского горного мастера, рано переживший разочарование в жизни (из-за осознания непреодолимой греховности человека) рано ушедший в доминиканский монастырь. Впоследствии курфюрст саксонский Фридрих Мудрый пригласил его на должность профессора созданного им в Виттенберге университета. Его заслуга состоит в формулировке религиозных и политических лозунгов, которые сплотили сторонников Реформации на первом ее этапе. Собственно Реформация началась с того, что Мартин Лютер (в ответ на решение папы Римского продать в Германии очередную партию индульгенций для финансирования строительства собора святого Петра в Риме) прикрепил 31 октября 1517 к входу к одной из церквей города Виттенберга свои знаменитые «95 тезисов» (в которой он осудил несовместимые с духом христианства папские индульгенции, и прежде всего – порядки и нравы римской курии), и той реакции, которую они вызвали. При этом политические позиции самого Лютера менялись – так, первоначально он обращался

к недовольному существующими порядками рыцарству («священному дворянству германской нации») с призывом созвать собор, лишить папу светской власти и провести реформу церкви, попутно защищая земледельцев против купцов («Всякий, кто владеет сотней гульденов, может ежегодно сожрать одного мужика, сидя за печкой и угощаясь пирогом»). При этом Лютер после получения поддержки от земельных князей после Вормского рейхстага 1521 года отказался от всяких намеков на радикализм, поддержав весьма умеренную политическую платформу «княжеской партии» (желавшей ослабления власти Ватикана и экспроприации его земельных владений в Германии), резко осудив восставших крестьян и призывая к расправе над ними. В последние годы своей жизни реформатор страдал от сильных депрессий, окончив свою жизнь в 1546 г. на полпути к родному городу.

Лютеровская программа реформы церкви получила закрепление в т. н. Аугсбургском вероисповедании (1555), составленного его сторонником Филиппом Меланхтоном и ставшем своеобразным компромиссом между сторонниками и противниками Реформации после нескольких десятилетий тяжелой и кровопролитной борьбы.

Главное же для нас заключается в том, что своими идеями Лютер способствовал созданию не просто более дешевой, но именно национальной церкви, а также укреплению национальной и культурной идентичности, переведя Библию на немецкий язык. В то же время своими идеями он воспрепятствовал процессу политического объединения Германии, посодействовав ее конфессиональному расколу и отложив объединение на несколько столетий. Реформация в Германии вылилась в гражданскую войну, которая отбросила страну в развитии на десятилетия назад. При этом М. Лютер отказывался от какого-либо радикального переустройства германской государственности, и его политическим идеалом оставалась свободная от церковных

ограничений светская княжеская власть (т.н. модель «княжеского абсолютизма»). Последний представлял собой не вполне равноценную замену католическому универсализму Габсбургов, пытавшихся объединить Германию (тогдашнюю Священную Римскую Империю Германской нации) на принципах конфессионального единства (проект Карла V Габсбурга, последнего из коронованных в Риме императоров, отказавшегося утвердить Аугсбургский мир и оставившего это неоднозначное политическое наследие своим потомкам)⁸. Последнее могло бы заложить фундамент для эволюционного, творческого консерватизма, способного сплотить существовавший тогда «германский мир» и некоторые другие связанные с Империей страны в единое цивилизационное и политическое целое. Однако история выбрала иной путь.

Германский раскол времен Реформации заложил основу для следующей общенациональной катастрофы – Тридцатилетней войны. Выход из послевоенной разрухи, что примечательно, осуществлялся на основе военно-бюрократической модели, сложившейся в Пруссии начиная со второй половины XVII века. Радикализация национального сознания в ответ на вызовы и угрозы национальному достоинству и существованию превратились в своеобразный механизм «вызова-и-ответа». Наряду с этим, именно в XVIII веке оформляется «германский дуализм», в рамках которого «просвещенному абсолютизму» военно-бюрократической монархии Фридриха Великого (1712-1788)⁹ противостоят воплощенные в персоне императрицы Марии-Терезии (1717-1780) принципы «непреклонного» католицизма, которая была убеждена в том, что именно религия призвана обеспечить неразрывную связь между монархом и народом. Отныне конкуренция двух этих проектов будет во многом определять содержание «немецкого вопроса», и итоговое

8 *Maissen Th.* Geschichte der Frühen Neuzeit. - Beck C. H., 2013. – p. 43-44.

9 *Greve U.* (Hrsg.). Friedrich der Grosse. Dem Staate dienen. – Husum, 1986. – p. 5-15.

поражение Австрии в XIX веке будет способствовать торжеству более радикальных и этатистских подходов в борьбе за «национальное единство».

Вследствие пережитых ею потрясений и расколов Германия долгое время находилась на периферии европейской истории. Надлом Реформации и катастрофа Тридцатилетней войны поместили ее в состояние своеобразного безвременья, когда национальное самосознание не находило необходимой «почвы» для своего развития. Не имея опыта существования в едином государстве, немцы предпочитали говорить об общности на основе любви к «родной стране» (Heimat). Сама структура Священной римской Империи, ослабленной вследствие войн и кризисов, не предполагала возникновения общенемецкого патриотизма. XVIII век и эпоха Просвещения подтвердили отсутствие необходимых оснований для формирования последнего. Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781), к примеру, горько резюмировал еще в 1765 году: «Мы хотим быть патриотами и не имеем даже нации». Ситуация в гораздо большей степени способствовала утверждению космополитического мировоззрения (Weltbürgertum).

Оживление идейно-политической жизни Германии началось с конца XVIII в., когда в германские земли постепенно переместился центр политической мысли национально-консервативного толка. Последнее было неслучайным. Революционные войны с 1792 года вызвали во всей Европе не только революционные ожидания, но и одновременно с этим – рост национального самосознания, идею борьбы за права своего народа, которая нередко принимала форму brutального национализма. Трансформации германского самосознания, вызванные к жизни событиями в соседней Франции, выглядели особенно удивительно на фоне давящей и застойной атмосферы еще первых десятилетий XVIII века Великая Французская революция стала своеобразной точкой бифуркации, самым своим примером

приведя широкие слои немецкого общества в движение и способствуя колоссальному эмоциональному подъему.

В ответ на это оживление среди немецкой интеллигенции выделилась группа писателей и публицистов, приверженных идее перемен и республиканского правления. Среди них были такие известные имена, как **Фридрих Шиллер** (драма «Валленштейн», «История Тридцатилетней войны»), **Иоганн-Вольфганг Гете**, **Иоганн-Готлиб Фихте** («Речи к германской нации»), **Генрих фон Клейст**. Следствием изменившихся настроений стали крестьянские восстания в Бадене, Саксонии, Пфальце. Открыто проявилось и недовольство горожан – так, например, весной 1793 г. произошло восстание ткачей в горных округах Силезии, а в Майнце на короткое время была провозглашена республика. Однако вскоре дороги видных немецких мыслителей разошлись. Разбуженное событиями в соседней Франции и последующим наполеоновским нашествием немецкое национальное сознание сформировало два варианта ответа на вызов истории, и оба они лежали в плоскости культуры. При этом первый вариант ответа был общечеловеческим и творческим, второй – шовинистическим и изоляционистским. Представителями первого направления мысли были упомянутые выше **Ф. Шиллер**, **И.-В. Гете** и **И.-Г. Гердер**, второго – **Г. фон Клейст** и **И.-Г. Фихте**. Сам германский национализм родился по европейским меркам достаточно поздно, но постепенно принял достаточно жесткие формы – в чем, проявилась известная закономерность.

В то же время революция в соседней стране, принесшая самой Франции упразднение абсолютизма, конституцию и Декларацию прав человека и гражданина, в самой Германии вдохновила прежде всего приверженцев *Weltbürgertum*. Именно под влиянием французских событий **Иммануил Кант** (1724-1804) пишет свой знаменитый труд «К вечному миру» (1795), где заявляет не только идею мирного сосуществования наций, но и идею единого че-

ловечества. В центре кантовской философии лежит нравственный закон (или категорический императив), требующих от человека поступать так, чтобы его поведение было образцом для других людей («максимой, которая бы стала всеобщим законом»), и подчинялось правилу «относиться к человеку всегда как к цели, и никогда – как к средству». То же время революционный террор и связанные с ними потрясения привели к разочарованию в революции и ее принципах некоторых и числа первоначально приветствовавших ее немецких мыслителей – например, того же самого **И.-Г. Гете**, выразившего свои сомнения в знаменитой эпопее «Герман и Доротей» (1797).

Продолжателем «общечеловеческой линии» в немецкой мысли выступил выдающийся немецкий философ и историк **Иоганн-Готфрид Гердер** (1744-1803), выразивший свои взгляды в «Идеях к философии истории человечества» (1784-1791 гг.). Философия Гердера основана на идее, что человечество в своем развитии закономерно приходит к гуманизму, т.е. к совершенному порядку социально-политического устройства и отношений между людьми. Историческое развитие имеет прогрессивный, восходящий характер, который ведет его к идеалу, но не напрямую, а через эпохи, выразителями духа которых были отдельные выдающиеся народы (Египет, Персия, Греция, Рим, европейские народы, и в том числе немцы).

Весьма неоднозначным было отношение разбуженной немецкой мысли к личности Наполеона Бонапарта. С одной стороны, как представители демократического, так и представители романтического направлений приветствовали революционные идеи, которые несла на своих революционных штыках в Германию его армия – равно как и введение им в действие в германских землях знаменитого Кодекса, провозглашение равенства подданных перед законом и упразднение привилегий знати. Достаточно спокойно восприняли большинство немецких мыслителей и окон-

чательное упразднение Бонапартом Священной Римской империи с созданием в 1806 году сателлитного и конфедеративного Рейнского Союза.

В этой ситуации на фоне развалин «великого прошлого» великий **Фридрих Шиллер** (1759-1805) утешал себя мечтой о культурной силе германского народа, не зависящей от судьбы его правителей. В сходном ключе рассуждал великий современник и земляк Шиллера – **Иоганн-Вольфганг Гете** (1749-1832). Залогом единства немецкого народа он считал немецкий язык и культуру, распространению которой он уделял особое внимание. Неслучайно, что он говорит об исторической миссии немецкого народа, связанной не с государственностью, но с культурой: «Германия – ничто, но каждый германец в отдельности значит много... Надо, чтобы германцы рассеялись и были рассеяны, как евреи, для того, чтобы к благу всех наций и во всей силе развить ту массу добрых качеств, которые заложены в них самих». В то же время, более позднее поколение немецких мыслителей, рассуждавших об исторической судьбе немецкого народа, попытались соединить «немецкую идею» с идеей государственности, и их национализм уже носил не «культурно-просветительский» (как у Гете и Шиллера), но уже достаточно жесткий и шовинистический характер.

Так, отказ Наполеона от более глубоких социальных преобразований породил в отношении него обвинение в «предательстве» идей революции со стороны его некоторых прежних поклонников, которые с этого момента перешли на позиции антинаполеонизма и радикального патриотизма, призывая Германию к освобождению от тех, кого еще недавно называли «освободителем». Подобными мотивами отныне руководствовались в своем творчестве и **Иоганн-Готлиб Фихте**, **Генрих фон Клейст** (1777-1811) и **Эрнст-Мориц Арндт**. У романтически настроенного Клейста национальное чувство постепенно трансформировалось в чело­веконенавистничество (знаменитая драма «Арминиево

побоище», посвященная победе древних германцев над легионами Квинтилия Вара).

Иоганн-Готлиб Фихте (1762-1814) - один из виднейших представителей немецкой классической философии, профессор основанного в 1810 году Берлинского университета, разработавший концепцию полусоциалистического и автаркического по своему духу «Закрытого торгового государства». Последняя представляла собой идеализацию прусских порядков (то есть того, что Освальд Шпенглер назовет «пруссим социализмом»). Под впечатлением побед Наполеона Фихте печатает свои «Речи к германской нации», проникнутые враждой к чужеземцам и их культуре.

Главное, что внесли Фихте и его единомышленники в политическую повестку дня – отказ от соединения национального и общечеловеческого, идейный разрыв с романской Европой, шовинизм как обоснование национальной мобилизации и этатизма. С точки зрения последних, немцы как юный народ не имели больше целью включение в пантеон других народов и культур, но в качестве новообретенных пассионариев противопоставлялись остальной Европе. Консервативный политический романтизм замкнулся в своих пределах, и уповал уже в большей степени на государство.

Одной из наиболее характерных (в политическом смысле) фигур консервативного романтизма являлся **Эрнст Мориц Арндт** (1769-1860) - апологет консервативного романтизма, закрепление шовинизма, милитаризма и этатизма. Первоначальный антинаполеоновский пафос перерастает у него в шовинизм и ксенофобию. Арндт принимал участие в мобилизации народа против оккупации Германии Наполеоном. Он по праву считается одним из выдающихся лириков эпохи освободительных войн против Наполеона. Деятельность Арндта оценивается по-разному: последний являлся не только германским патриотом, но также шовинистом, антисемитом и антиславянином.

Немецкий литературный романтизм конца XVIII – середины XIX веков (от Гельдерлина до Адельберта фон Шамиссо) в целом уложился в консервативно-изоляционистскую линию Фихте, соединяя веру в особый путь развития Германии с надеждой на обретение (либо возвращение) подлинного величия Германии. Рационализм французского Просвещения был в целом чужд немецким романтикам, что подчеркнуло отличия путей духовных исканий интеллектуальных сообществ двух стран. Такие представители романтического направления, как Новалис (1772-1801), в своем труде «Европа или христианство», вышедшем в свет в 1799 году, или братья Шлегель, развили в итоге концепцию национальности, радикально отличную от французской концепции государства-нации, которая опиралась на рационалистическую идею договора между государством и гражданами. Романтики, напротив, представляли нацию как живой организм, гаранты существования которого являются традиции и вера, язык и культура. Немецкий романтизм адаптировал тогда несколько иррациональных концепций нации и одновременно обратился к революционному прошлому, к идее реставрации Священной Римской Империи (в том виде, в котором она существовала в Средние века), к идее «органической Европы», в которой нашлось бы достойное место «немецкому народу». С прежде торжествовавшим космополитизмом, таким образом, было покончено, а «консервативно-революционный» комплекс, получивший развитие в последующие десятилетия, приобрел вполне зримые очертания.

Таким образом, немецкое Просвещение, достигнув столь выдающихся вершин в лице Гете и Гердера, но не смогли должным образом укорениться в рамках немецкой идейно-политической традиции. Особую роль в ревизии идейного наследия российского Просвещения сыграл **Георг-Вильгельм-Фридрих Гегель** (1770-1831) – с помощью методов своей диалектики развернувший едва ли на 180 градусов

национально ориентированную традицию германской политической мысли. В чем же конкретно заключалась интеллектуальная ревизия (и в равной степени инверсия), осуществленная Гегелем? Персональная биография мыслителя была небогата событиями. Он работал домашним учителем, преподавал философию сначала как приват-доцент в Иене (свою «Феноменологию духа» он закончил как раз за день до сражения по Иеной), далее в Нюрнберге, и затем – в качестве профессора Гейдельбергского и Берлинского университетов. При этом его собственно политические взгляды постепенно эволюционировали от радикализма к консерватизму. Так, в юности Гегель активно приветствовал Французскую революцию (хотя и осуждал якобинский террор), восхищался Наполеоном и презирал Пруссию, радовался победе французов в битве под Иеной (посадив вместе с друзьями «дерево свободы» на центральной аллее) – однако в последние годы жизни стал прусским патриотом и верноподанным идеологом охранительного толка.

В наиболее целостном и полном виде учение Гегеля о государстве и праве изложено в «Философии права» (1820) – сочинении, которое он пишет, живя при дворе прусского князя. При его написании он выполнял социальный заказ, стремясь обосновать положение о том, что существующая в Пруссии конституционная монархия является наилучшей из всех существующих форм правления. Описав гражданское общество как раздираемое противоречиями и не способное решить свои проблемы состоянием, где каждый думает преимущественно о себе и руководствуется рассудком («В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него – ничто»), Гегель последовательно перешел к апологии государственной власти в ее автократической форме.

Государство в форме конституционной монархии объявляется Гегелем высшим воплощением Мирового духа, а также свободы и права – при этом, по мнению философа, отдельные люди не имеют права его критиковать, так как

их разум слишком слаб для того, чтобы понять его подлинное значение и миссию. Государство представляет собой единый организм, в котором растворяются отдельные граждане и их частные интересы. Как пишет Гегель: «Истинный гражданин не просто любит свое отечество, но живет в нем и ради него» - то есть, иначе говоря, ценен только как «функциональный элемент» в государственной машине. Развивая эту логику, Гегель утверждает, что княжеская власть, воплощающая в себе дух государства, стоит «выше ответственности, выше избрания и борьбы партий, выше договорных соглашений и обязательств», представляя собой автократию.

В своей «Философии истории» Гегель прямо указывает на предопределенность истории разных народов географическими факторами. Все народы, в соответствии с его подходом, делятся на исторические и неисторические. При этом только в исторических воплощен мировой дух, именно они создают великие государства, осуществляют территориальную экспансию. Неисторические народы (в т. ч. славяне) – выступают как объект их покорения и не имеют самостоятельной ценности для истории. Главное воплощение миссии «исторического народа» – создание великого государства, выражающего национальный дух. Такое выражающее национальный дух государство как естественный враг всех иных государств должно утверждать свое существование путем войны, которая нравственно оправданна и укрепляет дух и единство народа.

Таким образом, учение Гегеля представляет собой значимый в контексте наших рассуждений вариант синтеза национал-радикализма и этатизма. Отказавшись апологии прогресса и своеобразного космополитизма, Гегель в итоге перешел к обоснованию политического конформизма и культуре военно-бюрократической прусской государственности. Связав воедино национальный дух и государство автократического типа, он объявил миссией подлинного

государства войну как средство осуществления призвания исторического народа. С кантовской космополитической и пацифистской традицией было покончено. При этом, поскольку Гегель все же оставался в русле своеобразного этатистского консерватизма, для завершения процесса формирования мобилизационного мифа требовался такой важный идеологический компонент, как праворадикальный революционизм. При этом завершение этого синтеза пришлось уже на первую треть следующего, XX века.

Между тем, логика исторического процесса также не способствовала национально-эволюционному решению «германского вопроса». Победа над Наполеоном, достигнутая группой союзных европейских держав, образовавших впоследствии «Священный союз», также не способствовала решению «германского вопроса». Было очевидно, что восстановление Империи в прежней форме уже невозможно. В итоге Венский Конгресс 1815 года, обеспечив некоторое приращение территории самой Пруссии, одновременно принял решение о создании конфедеративного Германского Союза (Deutscher Bund), состоящего из 39 де-факто суверенных государств без полномочного центра. Законодательным органом этой конфедерации являлось собрание во Франкфурте, любое решение которого фактически парализовалось необходимостью наличия квалифицированного большинства в две трети голосов.

«Весна народов», вылившаяся в революции в землях Австрии и Германии, также не привела к восстановлению германского единства. Деятельность Национально-Ассамблеи во Франкфурте, в составе которой доминировали германские либералы, закончилась фактической неудачей. Долгие дебаты между сторонниками «великогерманского» (с участием Австрии) и «малогерманского» (без участия Австрии с доминированием Пруссии) подходов к объединению страны закончились голосованием 27 марта 1849 года, поддержавшим большинством в четыре

голоса «малогерманский вариант» (в силу неприемлемости позиции Австрии, требовавший включить в состав будущего Союза свои негерманские территории). Роспуск парламента в июне 1849 года подтвердил сохранение «германского дуализма» и продолжение раскола Германии. В течение нескольких последующих лет Пруссия пыталась консолидировать вокруг себя своих сторонников в рамках «малогерманского проекта», в то время как Австрия, намеревавшаяся создать «Великогерманскую конфедерацию», собрала вокруг противников Пруссии (Ганновер, Саксонию, Баварию и Вюртемберг).

Победа великогерманской концепции национального объединения над малогерманской означало победу Пруссии, исключение из процесса объединения Австрии и поражение ориентированных на нее государств Рейнской Германии – торжество национализма над универсализмом (который отождествлялся с католической династией Габсбургов), начал унификации над разнообразием. Прусский политический проект вследствие побед 1866 и 1870 годов получил пространство и возможность для реализации. В конечном итоге для объединения Германии потребовалось еще несколько войн и общее изменение ситуации в Европе, на что ушло более двух десятилетий. В результате как германские либералы конституционалисты, так национал-радикалы в связке с «консервативными романтиками» не были удовлетворены в своих ожиданиях.

Бисмарковское объединение Германии «железом и кровью», тем временем, удалось. Ее основой стала консервативная модернизация с акцентом на этатизм и милитаризм, предполагавшая сохранение позиции традиционной элиты, государственный характер лютеранской церкви, ограничение роли политических партий и новых (буржуазных по своему происхождению) политических элит. Консервативные романтики (равно как и консервативные революционеры) и либералы не получили удовлетворения своих чаяний,

будучи вытесненными на обочину политической жизни.

Особенно примечательной в этом контексте была борьба Бисмарка с партией Центра – германский национализм приобрел антикатолический подтекст и пафос, избавляясь от влияния католической универсалистской традиции. Одновременно уменьшалось региональное и конфессиональное разнообразие Германии, ослабевали содержательные основы для национального единства, разрушался сам фундамент для возможного консервативного центризма. Как результат, в Германии не сложилась общенациональная консервативно-центристская партия, способная обеспечить устойчивое и эволюционное развитие страны; между тем, «правый» и «левый» полюса германской политики продолжали накапливать свой потенциал, постепенно радикализируясь и готовясь к итоговой «схватке за Германию», пришедшейся на 1920-30-е годы.

Идеологической основой германской версии консервативного центризма в послебисмарковскую эпоху мог стать национал-либерализм **Макса Вебера** (1864-1920) (колебавшегося между национализмом и либерализмом в течение всей своей политической карьеры) – однако практически последний шанс закрепить традицию центристского, эволюционного консерватизма. Формула консенсуса была следующей: экономический подъем и политические свободы как фундамент для настоящего и будущего национального величия; однако правящий слой Германии отказался от построения подобного консенсуса, уповая на всеобщую лояльность государству и его институтам. В итоге катастрофическое поражение в Первой Мировой войне и последовавшее за ним падение монархии в ноябре 1918 года создали ситуацию политического вакуума и поставили страну на грань еще одной (теперь уже социалистической) революции и национальной катастрофы. Однако общий надлом и морально-психологическая травма никуда не исчезли. Слабая и полуполитимная Веймарская республика,

существовавшая в условиях перманентного кризиса, едва ли могла создать предпосылки для возникновения консервативного центризма. Ожесточенная борьба правых и левых, политическая поляризация общества открыли дорогу к власти нацистам.

Следует признать, что свой немалый вклад в ослабление эволюционно-консервативной традиции в истории немецкой политической мысли внесли некоторые видные представители классической германской геополитики.

Германская традиция геополитической мысли была тесно связана с идеей о ограниченности жизненного пространства Германии и необходимости компенсации этого фактора за счет территориальной экспансии. Обоснование необходимости экспансии стало составной частью мобилизационного мифа, не оставляя пространства для формирования эволюционного консерватизма как формы общественного сознания. Так, германский исследователь Отто Данн, рассуждая о проблеме восприятия национальной территории в немецкой истории XIX-XX веков утверждает, что в немецкой истории 1813-1990 годов, оцениваемых автором как единый период, в отношениях между нацией и территорией присутствовала одна специфическая дилемма. Последняя была связана с неясностью вопроса о соотношении между собственно нацией и территорией, которая впоследствии переросла в имперскую традицию¹⁰. Нация и территория в немецкой мысли долгое время рассматривались в отрыве друг от друга, что создавало известный простор для «геополитического воображения». В то же время, описанный нами мобилизационный миф позволял определенным образом увязать воедино понятия национального и территориального.

Немецкие мыслители посленаполеоновской эпохи, отказавшись от идеи о «всемирной отзывчивости немецкого

¹⁰ *Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770 – 1990. – München, 1993. – p. 124-168, 197-218.*

духа», последовательно развивали положение о «пространственной замкнутости» страны и об ее «естественных границах». Последние, с одной стороны, создают чувство безопасности, а с другой – являются исходным пунктом для дальнейшего развития.

Наиболее значимые представители этой когорты мыслителей – Иоганн-Готлиб Фихте, Артур Мюллер (1876-1924) и Фридрих Лист (1789 – 1846), во многом предвосхитившие будущую науку о границах. Их подход подразумевал, что любая великая держава должна быть отграничена от соседних стран морями и высокими горами. Главной идеей на время становится идея «оборонной самодостаточности».

В частности, видный немецкий экономист, политик и публицист Фридрих Лист рассматривал «Срединную Европу» как переходный этап в процессе создания всемирной германской Империи. Главным требованием Листа был доступ Германии к морям, без которого, по его мнению, «немецкий народ был бы подобен птице без крыльев»¹¹.

Развивая этот подход, упоминавшийся нами идеолог германского единства Франц Мориц Арндт предлагал рассматривать Германию в качестве «середины нашей планеты» и «центрального пункта европейской жизни». Границы Германии, согласно Арндту, должны были простирались от Северного до Балтийского и от Черного до Балтийского морей. Именно в этом случае, согласно мыслителю, Германия смогла бы обладать «двумя руками и двумя глазами», с помощью которых она смогла бы «контролировать всю Европу»¹².

В свою очередь, на рубеже XIX-XX веков идеи избранности и экспансии были дополнены природно-географическим детерминизмом, благодаря чему произошел перенос биологических закономерностей на политику. Как справедливо отмечает польская исследовательница Анна Вольф-Повеска, атмосфера политического мистицизма, которая

11 List F. Um deutsche Wirklichkeit. Seine Schriften in Auswahl. - Stuttgart: Kroner, 1938.

12 Arndt E.M. Staat und Vaterland: eine Auswahl aus seinen politischen Schriften. - München, 1921.

определяла состояние народной идеологии и политическое развитие Германии еще в первой половине XIX века, побуждала многих мыслителей использовать естественно-географическую аргументацию в пользу германского объединения¹³. Мобилизационный миф получил, таким образом, очень сильное идеологическое подкрепление.

Свое логическое завершение этот подход получил в творчестве **Фридриха Ратцеля** (1844-1904), видного географа, этнолога и социолога своей эпохи, стоявшего у истоков классической германской геополитики. Ратцель сформулировал ключевые для классической немецкой геополитики понятия «антропогеография», «политическая география» и «жизненное пространство».

Для Ратцеля было характерно отождествление государства с «живым организмом». В итоге пространство постепенно превращается в детерминируемую государственной волей категорию. Государство оказывается неразрывно связанным с определенными функциями обеспечения, интеграции и поддержания коллективных идентичностей, а также с определенной идеологией (в рамках которой он выступает как «народное тело», «культурное тело», «Отечество»).

По мнению Ратцеля, общая «ситуация господства» определяется в зависимости от пространственного положения государств. Сформулированный им в этом сочинении закон гласил, что «государственное пространство», понимаемое в качестве «жизненного пространства», должно возрастать вместе с ростом населения страны. Последнее предполагает неизбежное изменение границ, выступающих в качестве периферийных органов государства¹⁴.

Таким образом, Ф. Ратцель рассматривал переход государств от малых пространственных форм к более круп-

¹³ *Wolff-Poweska A.* Chancen und Risiken der Mittellage der Deutschen // *Welt-trends*. – 1994. – Nr 4. – p. 48.

¹⁴ *Ratzel F.* Politische Geographie. – Oldenbourg – München – Berlin, 1897; Его же. Die geographischen Bedingungen und Geetze des Verkehrs und der Seestrategie *Geographish Zeitschrift*. – 1903. – Nr 9. – p. 489-513.

ным как проявление «естественного права растущих пространств». Границы в рамках его теории рассматривались как «постоянно изменяющиеся органы государства».

Из рассуждений Ратцеля о «жизненном пространстве» вытекает его требование к Германии наращивать свое «государственное пространство», что требовало от нее стремиться к изменению границ и покорению «периферийных областей». Ратцель выступает как принципиальный критик «малогерманской концепции», отвергая для Германии принцип «один народ – одно государство». Анализируя логику развития исторических (то есть национальных) движений, Ратцель к заключению о «запоздалости» создания немецкого национального государства в центре Европы и необходимости территориальной экспансии.

Концепция Ратцеля получила свое дальнейшее развитие в рамках классической немецкой геополитики, и, в частности, в творчестве **Карла Шмитта** (1888 – 1985). Ключевые понятия его теории – «пространство», «Империя», «большое пространство», «интервенция», «политическая идея», «права народа» – обозначили качественно новую политическую реальность, неразрывно связанную с последовательно актуализирующимся мобилизационным мифом.

В апреле 1919 года Шмитт представил свою теорию «больших пространств» общественности. На место преодоленных «прав человека», по его мнению, должен был прийти новый, основанный на «правах народа» порядок «Больших пространств». Последний императивно содержал в себе запрет на вмешательство в дела «большого пространства» любых чуждых и внешних по отношению к нему сил¹⁵.

По мнению Шмитта, каждое «крупное государство» в рамках данного «большого пространства» призвано создать собственную Империю, придав таким образом, собственной конституирующей идее форму гегемониального

¹⁵ Schmitt K. Staat, Grossraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916-1969. – Berlin: Duncker & Humblot, 1995.

порядка. В то же время неразрешенным у Шмитта остается противоречие между статичной по своему характеру идеей определенного территориального порядка и динамичным характером описываемых им геополитических процессов. Вследствие этого остается до конца неясным, что представляют собой «большие пространства», объединенные политической идеей Империи¹⁶.

Известную незавершенность концепции Шмитта стремился компенсировать в своем творчестве другой классик немецкой геополитики, его современник **Карл Хаусхофер** (1869-1946). Последний опирался на учения Ратцеля и Челлена. Ревизия духа и принципов Версаля, младогерманство, идея торжества немецкой культуры и духа – вот те идейные основы, которые вдохновляли творчество мюнхенского теоретика «больших пространств».

В конечном итоге, именно Хаусхофер придал геополитике нормативный характер. Для него, как и для Ратцеля, «политика государств является неизбежным следствием их географических данных». Хаусхофер полагал, что геополитическое сознание государства должно в решающей степени определяться «пространственным пониманием», «пространственным сознанием» и «волей к оружию».

Из этих рассуждений вытекает идея мира, состоящего из замкнутых, автаркичных и конкурирующих друг с другом «пространств», которые сосредоточены в континентальной Европе. По мнению Хаусхофера, «угнетение немецкого народа, а также 40 миллионов других национальных меньшинств» должно быть преодолено благодаря глубокому преобразованию общеевропейского пространства.

Анализируя общее положение дел в Европе и в мире, Хаусхофер пришел к выводу, что «в современной ситуации насильственное изменение и реорганизация пространства имеет «плодотворный и конструктивный базис»¹⁷.

16 *Schmoeckel M.* Die Grossraumtheorie. - Berlin: Duncker & Humblot, 1994. - p. 157.

17 *Haushofer K.* Bausteine zur Geopolitik. - Berlin: Vowinckel Verlag, 1928. - p. 24.

Упреждая возможные упреки, Хаусхофер осуждал те немногие голоса в Германии, которые требовали «уважать интересы других наций и в качестве равноправного партнера бороться за их интересы»¹⁸.

Одновременно Хаусхофер ставил вопрос о жизнеспособности государств Восточной Европы»¹⁹, оспаривая само их право на существование.

При этом хаусхоферовское видение организации «больших пространств» не предусматривает никаких межгосударственных отношений внутри предполагаемого Рейха. Одновременно с этим Хаусхофер полагал, что либеральная демократия чужда восточно- и средневропейскому пространству, где может привести к «смещению духовного и политического порядков»²⁰. Таким образом, после обоснования идеи экспансии необходимо было связать последнюю с логикой развития государства как «политического организма», и более конкретно - с консервативно-революционной проблематикой.

Решение этой задачи обеспечил все тот же **Карл Шмитт** – не только геополитик, но и виднейший праворадикальный правовед, политолог и социальный мыслитель. По своим политическим взглядам – последовательный критик идеологии и политики либерализма, теоретик тотального господства и десизионизма (выбора народа) в ситуации угрозы его жизненным интересам, ценностям и самому существованию. Вместе с **Артуром Меллером ван ден Бруком** (1876-1925), **Хансом Фрайером** (1887—1969), **Освальдом Шпенглером** (1880-1936) и **Эрнстом Юнгером** (1895-1998) они образовали группу консервативных мыслителей, предсказывающих закат демократии и создание нового типа государства и общества, основанных на принципах «тотального» господства. Средством достижения этой цели объявлялась «революция справа» (*Revolution von rechts*)

18 *Haushofer K.* Bausteine zur Geopolitik. – p. 208.

19 *Op.cit.* – p. 147.

20 *Op.cit.* – p. 98.

или «консервативная революция», соединяющая политический радикализм и революционные средства борьбы с национально-консервативными целями, не имеющими ничего общего с традиционным консерватизмом.

Таким образом, Карл Шмитт и связанные с ним идеологи консервативной революции завершили процесс радикализации национального сознания и дали обоснование новой версии мобилизационного мифа – антилиберального и праворадикального, соединив правый этатизм и консервативный революционизм в единое целое. Шмитт в значительной степени определил собственно политическое содержание этого мифа – этатизм, идея чрезвычайного правления и выбора народа, обоснование войн. Сформировавшаяся в 1931 году под влиянием идей видного геополитика и политолога платформа праворадикального межпартийного Гарцбургского фронта (Немецкая национальная народная партия **Альфреда Гугенберга** (1865-1951), Национал-социалистическая немецкая рабочая партия Адольфа Гитлера, объединения «Стальной шлем» и Пангерманский союз) окончательно легитимировала претензии национал-социалистов и открыла им дорогу к власти.

Таким образом, в Германии не сложилась устойчивая традиция консервативного центризма, опирающаяся на эволюционизм, консолидацию вокруг институтов государства, с одновременным признанием обязанности государства поддерживать гражданский мир и создавать условия для реализации творческих сил народа. Вместо этого в немецкой национальной политической традиции проявилась склонность к поочередному генерированию национального мобилизационного мифа в ответ на катастрофу либо угрозу последней. Мобилизационный миф был связан с идеями узко понятого национализма, изоляционизма, шовинизма, этатизма, ксенофобии и милитаризма. Мобилизационный миф, его политическое воплощение, в свою очередь, неизбежно вело к новым военно-политическим катастрофам.

Подобная интеллектуальная традиция, последовательно укрепляясь и укореняясь в немецкой политической мысли, не оставляла места для центристского, эволюционного и творческого консерватизма как идеологии национального развития. Все это имело драматические последствия для политического будущего Германии, приведя страну к двум военно-политическим катастрофам в течение XX века и фактической элиминации национально-консервативной и традиции. Вместо которой Германии было предложено культивировать представление о «банальности добра» (Ульрих Бек). Процесс возрождения последней неизбежно будет долгим и сложным, и потребует учета всей полноты последствий методологических ошибок и интеллектуальных спекуляций, совершенных предшествующими поколениями немецких мыслителей. Вместе с тем, современное поколение немцев впервые имеет возможность развивать национальную идею, которая не содержит имперских тезисов о необходимости завоевания новых территорий и борьбе за «жизненное пространство». Последнее создает фундамент для развития консерватизма творческого и эволюционного типа, не связанного с прежними радикальными концепциями и подходами.

2.2. Германия - держава середины

Истоки проблемы и предыстория вопроса

Современное состояние общеевропейского политического процесса неизбежно ставит вопрос о перераспределении влияния в масштабах ЕС, и о новой роли Германии как лидирующей силы этого объединения. Какой же будет новая германская стратегия во главе трансформирующейся Европы, и удастся ли ей избежать прежних ошибок, которые привели в свое время к тяжелейшим

поражениям, масштабнейшим человеческим трагедиям и колоссальному отчуждению от других европейских народов и стран. Как полагает российский эксперт Андрей Фурсов, кризис еврозоны – одно из важнейших событий 2011 года, у которого несколько уровней и целый спектр политических последствий²¹. По мнению эксперта, этот кризис свидетельствует о кризисе неолиберальной системы и глобализации в целом. Известная искусственность Евросоюза в том виде, в каком он конструировался, стала проявляться уже в конце 1990-х годов. Кризис 2008 года сделал эту искусственность более чем очевидной. В переживающей кризис Европе выделяется постнеолиберальный лидер – Германия как центр «каролингского ядра» (Германия, Франция, Северная Италия), который призван консолидировать Европу на качественно новых основаниях. Внешне это выглядит как **распад глобальной системы на блоки, напоминающие «большие пространства» или «пан-регионы»**. Подобные импероподобные образования (ИПО) предполагают, согласно Фурсову, соединение атрибутов наднациональной власти, суперконцерна и ордена, а также комбинацию институционально-иерархического и сетевого принципов. По форме они представляют собой более или менее органичные наднациональные блоки с населением не менее 300–350 миллионов человек²².

Современная Германия – кандидат номер один на роль создателя политического объединения подобного типа. Показательно, что имперский дискурс постепенно возвращается в повестку дня в самой Германии. Так, берлинский историк Г. Мюнклер пытается реабилитировать имперский дискурс, рассматривая империю как воплощение порядка, противостоящего хаосу, и призывает к превращению Европы в «субцентр имперского пространства», преодолеть

21 Фурсов А. Пятый Рейх. – <http://via-midgard.info/news/25082-andrej-fursov-vozrozhdenie-pyatogo-rejxa.html>.

22 Фурсов А. Пятый Рейх.

вающий свою «периферийность» по отношению к США²³. Развивая эту тему, публицист А. Позенер в своей опубликованной в 2007 году книге утверждает, что Европа должна стать «мировой державой» и «Империей будущего»²⁴. В свою очередь, социологи У. Бек и Е. Гранде развивают концепцию «космополитической Европы», которая, по их мнению, должна прийти к модели «новой Империи», основанной на «экспансии без гегемонии», «мультинациональных гражданских структурах» и «сетевой власти» и принципе «космополитического суверенитета»²⁵.

По глубокому убеждению автора, Германия, для того, чтобы стать полноценной «державой в центре» (Герффрид Мюнклер)²⁶ в контексте процессов структурирования европейского пространства, должна, помимо, всего прочего, выработать подлинно центристскую по своему духу политическую культуру и превратить ее основание не только общественных настроений, но и политических трендов.

Достижению этого «срединного состояния» препятствовали как историческая раздробленность Германии, как и выработанная в качестве средства преодоления последней мобилизационная стратегия, вылившаяся в особый военно-бюрократический стиль политики и управления («пруссский путь»).

Последствия раздробленности для Германии были весьма тяжелыми и неоднозначными. Многовековая раздробленность создавала в немецком сознании ощущение исключенности из истории, «выпадения» из общеевропейского процесса. Она формировала специфическое локалистское мироощущение, ощущение ограниченности

23 Münkler H. Imperien. Die Logik der Weltherrschaft - vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. - Berlin, 2005. - p. 247.

24 Posener A. Imperium der Zukunft: Warum Europa Weltmacht werden muss. - München, 2007.

25 Beck U., Grande E. Das kosmopolitische Europa. - Frankfurt am Main, 2007. - p. 14-29, 85-128.

26 Münkler H. Macht in der Mitte. Die neuen Aufgaben Deutschlands in Europa. - Ed. Körber-Stiftung, Hamburg 2015.

собственных возможностей, территории и ресурсов – что, в свою очередь, компенсировалось культурологическим, цивилизационным, а затем и геополитическим воображением, которое вылилось на завершающем этапе в «классическую» германскую геополитику и теорию «консервативной революции».

Волею судеб, Германия несколько раз в своей истории в центре общеевропейских кризисов и потрясений именно в те моменты, когда концентрация внутренних проблем и противоречий была едва ли не максимальной. Подобное взаимоналожение внутренних и внешних проблем либо ослабляло Германию, и одновременно раз за разом побуждало ее к внутренней мобилизации к экспансии как средству самоутверждения и инструменту внутренней консолидации. Оба варианта развития ситуации на практике приводили к сокрушительному поражению Германии, утрате ею суверенитета и политической субъектности (полностью либо частично), ограничению ее совокупного веса в Европе. Причиной подобной «навязчивой повторяемости» является отсутствие собственного центристского по духу внутри- и внешнеполитического проекта.

Так, католический в своей основе проект Священной Римской Империи Германской нации (962-1806) – своеобразного предвосхищения «Срединной Европы» - потерпел в свое время историческую неудачу, что означала разрыв связи между германским и формирующимся европейским пространствами; при этом изначально столь печальная судьба имперского проекта не казалась предрешенной. Так, после ряда побед и укрепления Империи в правление **Фридриха II Барбароссы** (1194 – 1250), его наследники постепенно утратили многие его завоевания и ослабили Империю, превращая ее в рыхлое и неустойчивое образование; последнее было вызвано как внутренними противоречиями, так и возросшим влиянием института папства.

Сильная политическая раздробленность, сохранявшаяся

яся в Германии вплоть до учреждения Второй Империи в 1871 году, имела свои истоки в эпохе зрелого Средневековья. Она стала очевидной после конца правления Гогенштауфенов (правили Империей до 1268), и в дальнейшем только усиливалась.

Между тем, именно в условиях раздробленности Германии стал возможен прецедент гармоничного сосуществования собственно германских частей Империи с таким изначально «негерманским» ее фрагментом, как Богемия (своеобразный прообраз нешовинистического отношения Германии к Центральной и Восточной Европе). Данный прецедент был связан с деятельностью **Карла IV** (1316-1379), короля Богемии, и с 1335 года – императора Священной Римской Империи германской нации, который не только основал «Злату Прагу», но и превратил ее в один из властных центров Восточной Европы.

Богемия с эпохи раннего Средневековья принадлежала к Империи, но не входила в состав Германии. Как единственное формально самостоятельное королевство (с 1198 года) в составе Империи, она игра в ее составе особую роль. Карл IV, который унаследовал богемскую корону от своей матери, был первым императором, который одновременно являлся и богемским королем. Возможности его влияния в рамках Империи были ограничены, вследствие чего Богемия превратилась в центр его политики. Он сделал Прагу своей столицей, основав там в 1348 году первый средневропейский университет. Именно Карла пригласил в Прагу большое число ученых и мастеров различных искусств из разных стран, превратив ее в итоге в четвертый по величине город тогдашней Европы. Благодаря сотрудничеству с польским королем Казимиром Великим (1310-1370) и Людовиком I Венгерским (1326-1382), он сумел значительно поднять политический вес Восточной Европы, что способствовало в итоге укреплению позиций

Габсбургов в общеевропейском масштабе²⁷.

Закат проекта Империи с Германией в качестве ее «сердцевины» неразрывно связан с судьбой **Карла V Габсбурга** (1500-1558) – человека классического Средневековья, жившего и правившего в бурную эпоху Реформации. Карл V Габсбург — король Испании (Кастилии и Арагона) под именем Карлос I с 23 января 1516 года, король Германии с 28 июня 1519 по 1556 годы, император Священной Римской империи с 1519 года. Крупнейший государственный деятель Европы первой половины XVI века, внёсший наибольший вклад в историю среди правителей того времени. Карл V — последний император, официально коронованный римским папой, он же — последний император, отпраздновавший в Риме свой триумф.

Карл был сыном герцога Филиппа Бургундского и испанской инфанты Хуаны. Родным языком был французский, к которому позже добавился кастильский. Благодаря скрещению династических линий Карл получил в наследство огромные территории в Западной, Южной и Центральной Европе, доньше никогда не объединявшиеся. Никто из европейских монархов, ни до, ни после, не имел так много титулов. Владения Карла были необычайно велики; в них, согласно меткому выражению «никогда не заходило солнце».

Вместе с императорской короной Карл получил в свои руки линии сообщения между Нидерландами и Альпами и готовился выбить французов с итальянской половины великого средневропейского пути. Интересы наций не принимались во внимание в политике Карла V: нидерландцы составляли его администрацию в Испании, а немецкие наемники отправлялись в итальянские походы. Но Карл должен был приспособляться к установившимся политическим обычаям в разных странах. Управляя неограниченно в Неаполе, он был связан собраниями сословных представителей в Кастилии, Арагоне, Сицилии, Нидерландах, Германии.

²⁷ Poepelman H. Mittelalter. – Muenchen, 2011. – p. 104.

В Нидерландах каждая область имела особые привилегии, а в Германии император, в силу условий своего избрания, мог созывать рейхстаг, издавать законы, заключать договоры с другими державами лишь с согласия совета курфюрстов; он не имел права вводить в Германию иноземные войска. Чтобы добиться в Германии какого-либо общего решения, приходилось входить в целый ряд частных соглашений с князьями. Эти пестрые условия вносили в судьбу монархии Карла V, любившего сравнивать себя с Карлом Великим, резкие колебания и неожиданные перемены, побуждая его быть не только и не столько сюзереном, сколько арбитром в сложных взаимоотношениях различных частей Империи²⁸. Однако масштабным планам императора по консолидации империи на основе католической религии было не суждено сбыться.

Вскоре после его воцарения в Германии начался большой церковный раскол. Многие князья и города, расположенные к Реформации, отделились от римской церкви и высказали этим враждебное отношение к Карлу, который остался верен католичеству.

Карл V вступил в решительную борьбу с Мартином Лютером и его последователями. Будучи (исходя из принятой сегодня хронологии) человеком эпохи Нового времени, в своих непоколебимых убеждениях он оставался человеком Средневековья. К моменту его восшествия на императорский престол уже пал Константинополь, была открыта Америка, заявил о себе Ренессанс, но сам Карл V оставался верен католичеству и традиционным представлениям о принципах устройства Империи и сословной иерархии. Однако сорокалетняя борьба с «ересью» не принесла успеха и вынудила католиков Германии пойти на компромисс, закрепив в 1556 году в Аугсбурге знаменитый принцип «Чья земля – того и вера», что означало не только переход духовной власти в германских землях в руки курфюрстов, но и последующее разделение Германии по религиозному

28 Виттер Р.Б. История Нового времени. – Москва: ЧеРо, 1999. – С. 22.

принципу, надолго отложившее ее объединение. Германия осталась в раздробленном состоянии и не смогла стать «серединной» консолидированной Европы.

Сославшись на нездоровье, покинул пост императора, отказавшись подписать закреплявший итоги Реформации Аугсбургский мир 1556 года. После отречения Карла V Папа Римский отказался освятить коронацию его наследника Фердинанда, которого в нарушение принятой процедуры наделили властью курфюрсты. Таким образом, Реформация фактически сорвала консервативно-романтический проект объединения Европы вокруг «германского мира» и Империи, этот проект, разделив Германию по конфессиональному принципу и лишив Империю объединяющей ее конфессиональной основы. Поражение католического проекта Империи означало фактический отказ германского мира от интеграции в систему европейского универсализма.

После этого империя вела инерционное существование, будучи сведенной на «нет» потрясениями Тридцатилетней войны и окончательно ликвидированной в результате наполеоновского завоевания. Сложившийся политический вакуум постепенно заполнили Габсбурги и Пруссия, выдвинувшие свои собственные политические проекты.

При этом пути «германского мира» и династии Габсбургов стали разделяться уже после заключения Аугсбургского мира, окончательно разойдясь в 1849-1866 годах, когда «малогерманская» модель (во главе с Пруссией и без Австрии) объединения взяла верх над «великогерманской» (с участием Австрии).

В результате объединяющей силой и медиатором Центральной и Восточной Европы стала консолидированная католической династией Габсбургов Австрийская (с 1849 года – Австро-Венгерская) Империя. Проигрыш «великогерманского» проекта Австрии «малогерманскому» проекту означал победу лютеранской и военно-бюрократической

Пруссии в общегерманском масштабе, и поражение «центристской» и более умеренной Рейнской Германии. Прусский дух с его устремленностью к экспансии, мобилизации и автократии был мало совместим с идеологией «державы центра» - в отличие от так и не состоявшегося тогда более умеренного «рейнского проекта», основанного на началах политического многообразия и традициях регионализма. Дело в том, что в политико-географическом смысле политический центр Германии в течение многих десятилетий находился главным образом в Берлине и в Вене, но никак не на Рейне. Характерно, что послевоенная ФРГ (в «усеченном» виде воплощавшая в себе идею «державы центра») сложилась именно как «Рейнская Германия» - включив в себя население, которое в судьбоносный для германского объединения период с 1815 по 1866 годы в большей своей части придерживалось антипрусской традиции. Так, например Рейнланд и Вестфалия оказались под властью Пруссии лишь на основе Венского конгресса, а в войне 1866 годов на стороне Австрии выступили крупнейшие немецкие государства того времени – Бавария, Вюртемберг, Баден, а также Ганновер и Нассау. Связь с нарождающимся «Вторым Рейхом» была при этом неприемлемой для многих, служивших «старому режиму» - представителей политической элиты, офицеров, служащих, учителей.

«Железный канцлер» Отто фон Бисмарк, скреплявший Германию именно военно-бюрократическим методами, вел активное наступление не только против «либералов-прогрессистов», но и против Католической партии «Центра» - подлинно центристской, защищавшей политическое многообразие, права католиков, а также национальных меньшинств Второго Рейха (поляков и эльзасцев). В итоге «пруссский проект» окончательно победил, отложив «центристскую альтернативу» на неопределенное будущее.

Однако идея Германии как «державы середины» и политического медиатора Восточной (и в перспективе – боль-

шой) Европы неожиданно напомнила о себе в разгар Первой Мировой войны. Весьма мощный резонанс в Европе вызвала книга Фридриха Науманна «Срединная Европа», вышедшая в свет в 1915 году. Написанная видным политическим публицистом и депутатом германского Рейхстага, книга посвящена обоснованию стабилизирующей и доминирующей роли Германии в рамках обозначенного им пространства «Срединной» (Центральной) Европы. Проект Науманна предполагал объединение Рейха с Австро-Венгерской монархией с последующим присоединением к этому «ядру» всех восточно- и центральноевропейских государств.

Убеждение Науманна в том, что именно в процессе войны, в реках крови и в страданиях народов будет создано новое государственное устройство, дополнялось и соответствующим «геополитическим императивом». Последний предполагал объединение Рейха с Австро-Венгерской монархией с последующим присоединением к этому «ядру» всех восточно- и центральноевропейских государств, расплженных, по словам автора, «от Северного и Восточного морей до Альп, Адриатического моря и дунайского «Южного круга». По мнению Науманна, необходимо было «мыслить это пространство как некоторое целое, как составленный из многих членов братский союз, как оборонный союз, как экономическую область»²⁹.

В свете ожидаемой победы в Первой Мировой войне двух «срединных держав» Науманн прогнозировал, что западные границы объединения пройдут «примерно от Нижнего Рейна до Альп», а «восточный рубеж» - «от Курляндии справа и до Румынии слева»³⁰. Исследуя проблематику взаимоотношений конфессий и национальностей в пределах «среднеевропейского пространства», Науманн говорит об открывающихся возможностях единого «экономического народа». Предполагается также создание Таможенного

²⁹ *Naumann F. Werke* : in 6 Bd. Köln ; Opladen, 1964. Bd. 4 : Die Politik des Schützengrabens; Mitteleuropa. - p. 3

³⁰ *Ibid.* p. 8.

Союза и Экономического Сообщества, что призвано было сделать Центральную Европу ведущим фактором мировой экономики. Наряду с привлекательностью идеи Центральной Европы как самодостаточного «большого пространства» восточноевропейских мыслителей в проекте Науманна смущала идея «мягкой ассимиляции» в его рамках восточноевропейских наций.

Наряду с привлекательностью идеи Центральной Европы как самодостаточного «большого пространства» восточноевропейских мыслителей в проекте Науманна смущала идея «мягкой ассимиляции» в его рамках восточноевропейских наций. Стратегия ассимиляции и подчинения в итоге взяла у мыслителя верх над стратегией умеренности и политической медиации. Военные авантюры и преступления Третьего Рейха, вызванные в том числе навязчивой идеей господства над «неполноценным» славянским миром, как казалось, и вовсе похоронили саму идею Германии как «державы середины». Однако после Второй Мировой войны она достаточно неожиданно получила новую жизнь и новое прочтение.

Послевоенные рефлексии и современность

Конрад Аденауэр был первым канцлером ФРГ, последовательно проводившим в жизнь «антипрусскую» линию. Так, еще в декабре 1945 года он заявил в беседе с представителем британской оккупационной администрации, что величайшая ошибка, которую британцы совершили в отношении Германии, было то, что они позволили «безумной Пруссии» установить свое владычество над Рейном³¹. Правительство британских лейбористов во главе с Клементом Эттли предприняло тогда же ряд шагов, знаменовавших

³¹ Ribhegge W. Preußen im Westen. Kampf um den Parlamentarismus in Rheinland und Westfalen 1789-1947. - Münster, 2007. -p. 42.

победу «морских» держав над Пруссией. Помимо создания Рейн-Вестфалии, оно всемерно содействовало переносу политического «центра» Германии с берегов Шпрее на берега Рейна, определив еще до создания ФРГ местом пребывания западногерманского правительства именно Бонн, что существенно трансформировало геополитическую традицию в сторону либерализма и общеевропейских ценностей, создав возможности для самоутверждения Западной Германии в новом качестве и умеренном ключе.

Именно послевоенное поколение немцев получило возможность развивать национальную идею, которая не содержала бы имперских тезисов о необходимости завоевания новых территорий. Заявленная известным немецким журналистом и экспертом по внешней политике Ф.-Р. Аллеманном формула «Бонн – не Веймар» является наиболее точной в этом отношении. В своей одноименной книге он пришел к заключению, что поражение 1945 года «уничтожило национальный нерв» и одновременно создало новые перспективы развития³². Аллеманн, в частности, призвал извлечь из «немецкой катастрофы» «новую национальную энергию», благодаря которой «творение победителей превратилось бы в результат творчества самих немцев»³³. Предпосылкой этой разительной перемены, по мнению эксперта, стало то, что в сознании немецкого народа после Второй Мировой войны произошли глубокие «не столько политические, но прежде всего идеологические сдвиги, последствия которых глубоко отразились на политической жизни, на отношении людей к государству и к его конкретным формам»³⁴. Естественным ориентиром во внешней политике для возрожденной Германии оставалась Европа, которая предоставляла стране возможность выхода из того «состояния слабости», в котором она оказалась после 1945 года. В результате все то, в чем Германии было отказано на национальной по-

32 *Alleman F.-R. Bonn ist nicht Weimar. - Köln, 1956. p. 115.*

33 *12 Alleman F.-R. Bonn ist nicht Weimar. - p. 83.*

34 *Alleman F.-R. Ibid. p. 415.*

чве, было перенесено на «наднациональный уровень»³⁵.

Подобное изменение мировоззренческих ориентиров общества позволило немецким исследователям по-другому рассмотреть проблему самоопределения Германии в рамках общеевропейского пространства.

Важной частью этих дебатов были споры о концепции германского нейтралитета и пацифистского движения, которые развернулись еще в период существования «железного занавеса». Для приверженцев подобных подходов Европа 1980-х годов являлась безмолвным, бесполезным, оделенным на сферы влияния континентом, и Германия должна была – исходя из своего политического положения – стать вдохновительницей процессов, целью которых бы являлось преодоление границ между политическими блоками.

Критическому переосмыслению подверглось прежде всего «срединное положение» Германии в Европе. В свое время именно оно рассматривалось берлинским историком Х. Шульце как проявление ее неминуемой «исторической судьбы». В своем труде «Веймарская Германия 1917-1933» он, в частности, писал: «Ключевой константой немецкой истории является срединное положение в Европе, немецкой судьбой является география»³⁶. В то же время, по мнению историка А. Хильгрубера, именно «срединное положение» Германии «превращает ее в безвольный объект многочисленных манипуляций, что оказывает вполне определенное влияние на немецкую политику»³⁷.

Изменение политической ситуации накануне падения «железного занавеса» привело к изменению оценок и суждений. Именно обострение конкуренции между Востоком и Западом привело к утрате Германией ее исторического «срединного положения». И было вовсе неслучайным, что именно во время ослабления напряжения в отношениях

35 *Alleman F.-R.* Ibid. p. 128.

36 *Schulze H.* Weimar. Deutschland 1919-1933. - Berlin, 1982. - p. 18.

37 *Hillgruber A.* Ein Pfad und drei Holzwege: was Amerika in der deutschen Frage falsch gemacht hat // Deutschland-Archiv. 1984. Nr. 4. S. 368-376.

между двумя частями Европы немцы снова начали открывать для себя «светлые» и «темные» стороны своего географического положения. Осознанное значение геополитической ситуации, в свою очередь, мобилизовало усилия, направленные на создание нового европейского порядка, в рамках которого бы Германия играла бы роль посредника в урегулировании существующих конфликтов. Эта миссия, согласно исследователям, являлась неизбежным проявлением «европейского выбора» Германии с момента создания ФРГ. Подтверждение этому – ряд концептов, которые стали выдвигаться немецкими политиками и интеллектуалами еще в период существования разделения Европы на два военно-политических блока.

Важной частью этих дебатов были споры о концепции германского нейтралитета и пацифистского движения. Для их приверженцев Европа 1980-х годов являлась безмолвным, бесполезным, оделенным на сферы влияния континентом, и Германия должна была – исходя из своего политического положения – стать вдохновительницей процессов, целью которых бы являлось преодоление границ между политическими блоками. Так, берлинский историк П. Брандт, сын бывшего канцлера ФРГ, вместе с Х. Амоном желали видеть в «Средней Европе» «землю мира» - жители которой, свободные от предубеждений, вытекающих из политической реальности, создали бы в итоге единое государство. Освобождение Германии от членства в военных блоках, в свою очередь, могло бы создать шанс для создания «сферы разрядки» и фундамента для мира на всем европейском континенте³⁸.

Развивая эту тему, бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, указал на неразрывную связь между политическим позиционированием Германии и ее взаимоотношениями с соседями: «Мы, немцы, имеем гораздо больше соседей, чем

38 Brandt P., Ammon H. Patriotismus von Links // Venohr W. (Hrsg.). Die deutsche Einheit kommt bestimmt. - Bergisch-Gladbach 1982. - S. 158.

все другие нации Европы. Географическое расположение в середине нашего относительно маленькой, но густонаселенной части земного шара делает для нас весьма сложным делом жизнь в мире со всеми соседями, которые живут как на периферии континента, так и на его островах или полуостровах. В течение столетий достаточное количество друзей оказалось на нашей земле. Если рассматривать географию и историю Европы, увидит, что отсутствие мира красной нитью проходит через всю судьбу немцев»³⁹.

Характерно в этой связи, что Германия, мыслившая себя неотъемлемой частью объединенной Европы, еще на исходе «холодной войны» предлагала собственный вариант «мягкой интеграции», переосмысливая прежние геополитические концепты. Так, бывший председатель СДПГ, известный пропагандист идеи «Европы регионов» Петер Глоц в одной из своих статей, написанной еще в 1986 году, открыто призвал «использовать концепцию «Срединной Европы» как инструмент второй фазы политики разрядки». Глоц также высказал пожелание о том, чтобы границы между Прагой и Франкфуртом, Веной и Будапештом были снова преодолены: «Срединная Европа: что побуждает нас к интенсивной торговле и к тесному переплетению наших глубоко родственных культур»⁴⁰. Срединная Европа, согласно Глоцу, представляла собой версию немецкого пути к разрядке, приглашение к открытости культур небольших государств Центральной и Восточной Европы. При этом последнее, по мысли политика, не должно было вести к созданию какого-либо германского командного «центра» в Европе, но о выдвижении Германией мирной инициативы, ведущей к смягчению политического и блокового противостояния.

Падение «железного занавеса» и объединение Германии изменили сложившуюся ситуацию, что в переносе столицы на берега Шпрее с возникновением «Берлинской респу-

39 Schmidt H. Die Deutschen und ihre Nachbarn. - Berlin, 1990. - S. 13.

40 Glotz P. Deutsch-böhmische Kleinigkeiten oder: Abgerissene Gedanken über Mitteleuropa. - «Die Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte». 1986. Nr. 7. p. 585.

блики», но не привели к возрождению прусской традиции, но скорее уравнивали рейнскую концепцию возросшим восточногерманским влиянием. Масштабная дискуссия о перспективной внешнеполитической стратегии 1990 года (тематически связанная с аналогичными дискуссиями 1950-х и 1970-х годов), ставшая реакцией на произошедшие изменения, не позволила сформулировать глубокий и содержательный ответ на волнующие германскую и европейскую общественность вопросы.

Так или иначе, именно благодаря Елисейскому договору 1990 года и ситуации после объединения ФРГ и ГДР Германия впервые четко определила размер своей территории, будучи консолидированной в качестве национального государства и не ставя более под вопрос национальные границы.

Современное поколение немцев впервые имеет возможность развивать национальную идею, которая не содержит имперских тезисов о необходимости завоевания новых территорий. Последнее позволило немецким исследователям по-другому рассмотреть проблему самоопределения Германии в рамках общеевропейского пространства.

Германия, полагавшая себя неотъемлемой частью объединенной Европы, еще на исходе «холодной войны» предлагала собственный вариант «мягкой интеграции», переосмысливая прежние геополитические концепты. Так, еще в 1992 г. политолог Х. Мауль высказал убеждение в том, что Германия призвана действовать на международной арене как «цивилизованная сила» (*Zivilmacht*), содействуя распространению цивилизованных принципов международной политики на региональном и глобальном уровнях, причем не только мирными, но и военными средствами⁴¹. Развивая эту идею, другие исследователи высказывали мнение о том, что «пока германское будущее лежит

⁴¹ *Maull H.W.* Deutschland als *Zivilmacht* // Schmidt S. Handbuch zur deutschen Außenpolitik. - Wiesbaden, 2007. S. 73 f.

в Европе, Германия останется цивилизованной силой»⁴².

В качестве альтернативы концепции *Zivilmacht* исследователь М. Штаак выдвинул идею о Германии как о «торговом государстве» (*Handelstaat*), имеющего своей целью «экономическое развитие и максимизацию благосостояния» и действующего «в кооперации с важнейшими транснациональными актерами... за счет использования ресурсов мягкой силы (*soft power*)»⁴³. В свою очередь, Ю. Гросс полагал оптимальной для Германии «стратегию многополярности», позволяющую приспособиться к реалиям глобального мира и имеющую своей целью стабильность для Европы⁴⁴.

Однако после 2008 года ситуация изменилась, что вызвало к жизни иное понимание «европейской миссии» Германии. В частности, У. Герот, с 2007 года возглавляющий берлинское бюро Европейского Совета по международным отношениям (*European Council on Foreign Relations, ECFR*), в своем выступлении 2012 года в Аахене так обрисовал свое видение новых германских задач в объединенной Европе: «Германия должна продемонстрировать стратегический взгляд и лидерские качества... Благодаря евро Германия стала мировой державой. Несмотря на это, она, к ущербу для себя, не понимает – или не хочет понять – что евро по самой своей природе является политическим»⁴⁵.

Профессор публичного права К. Шенбергер, в свою очередь, описал, каким образом изменилась миссия Германии в связи с общеевропейским финансовым кризисом: «Гегемония в рамках ЕС требует от немецких элит и немецкой общественности того, к чему Германия с учетом ее положения в центре Европы всегда стремилась: отказ от национальной интroversии; внимательное изучение, наблюдение

42 *Weisskirchen G.* Wandel durch Annaeherung // *WeltTrends*. - N 44. Herbst, 2004. - p. 116.

43 *Staac M.* Handelsstaat Deutschland: deutsche Außenpolitik in einem neuen internationalen System. - München, 2000. - p. 29-32.

44 *Groß J.* Stabilität im Chaos: deutsche Strategie im 21. Jahrhundert. - Baden-Baden, 1998. - p. 70.

45 См.: *Deutschland radio Kultur*. 2012. 11 Juni.

и оказание влияния на соседей; определение собственных интересов с учетом интересов партнеров». Исходя из изменившейся ситуации и новых открывшихся перед Германией возможностей, автор категорично заключает: «Ни ментальная и институциональная сосредоточенность на себе, ни ограничение управлением собственной территорией непозволительны для бундес-республики... Германия должна нести бремя гегемонии, даже если оно оставляет болезненные следы на ее плечах»⁴⁶.

Впрочем, в германской экспертной среде звучали и более сдержанные оценки перспектив Германии в складывающейся ситуации. Так, например, по мнению Х. Кунднани из Европейского Совета по международным отношениям, «Германия способна перерасти свои «естественные рамки». Соседи больше не в силах ее сдерживать, однако Германия недостаточно велика для того, чтобы стать гегемоном»⁴⁷.

Все сказанное выше позволяет заключить, что исходная «идея ЕС», предполагавшая создание общеевропейского «мирного порядка» за счет «сдерживания Германии» с помощью блоковых структур и за счет включения других стран, исчерпала себя. Германия, неоднократно до этого проявлявшая устремления к доминированию на континенте и ставшая инициатором двух мировых войн, долгое время была «уравновешена» с учетом ее возможной «третьей попытки». Сегодня же «третья попытка» неизбежна. Безусловно, она едва ли примет форму традиционного реванша и не будет основана на «лобовом» противопоставлении германских интересов и идентичности общеевропейским ценностям. На месте идеи доминирования над континентом окажется идея лидерства и консолидации ради совместного выживания и движения вперед. Интересы крупных корпораций очевидно будут продвигаться под лозунгами «экономической эффективности»; они же

46 Schönberger Ch. Hegemon wider Willen. – «Merkur 752». Januar 2012. p. 1.

47 Kundnani H. Paradoxon Deutschland: eine geoökonomische Macht in der Zwickmühle. – «Internationale Politik». 2011. N 6. p. 67.

послужат обоснованием для демонтажа остатков европейского социального государства. Не будет возврата к германскому национализму и шовинизму – вместо этого в противовес устоявшимся национальным суверенитетам, видимо, будут поощряться «малые национализмы» и региональные идентичности. «Малым нациям» вместо ассимиляции в духе германской мысли XIX-XX веков будет предложена своеобразная опека со стороны Берлина. Оппонентами «нового германского порядка» как в Европе, так и в самой Германии выступят приверженцы традиционной концепции национального государства, радикальные левые и радикальные правые, а сторонниками и сподвижниками – либералы, умеренно правые и системные левые (социал-демократы, постепенно переходящие на позиции социал-либерализма). Так или иначе, возникновение нового глобального центра силы – большого импероподобного пространства «Европа» с германским ядром станет еще одной попыткой реализации проекта «Срединной Европы» с Германией в роли медиатора. Дальнейшая и постепенная мягкая ревизия целого ряда постулатов и ограничений германской внешней политики в этой связи неизбежны. Что будет означать последнее для российских интересов? Подобная консолидация европейского пространства будет стимулировать Россию эффективнее выстраивать свое «большое пространство», продвигая идею евразийской интеграции, одновременно выработывая новую стратегию взаимодействия как со странами ЦВЕ, так и с другими европейскими государствами – причем используя не прежние идеологемы и набивший оскомину экономикоцентричный подход, но предлагая свой собственный вариант «soft power». Известная подвижность и неоднозначность политической ситуации в самой Германии предоставляет России определенный шанс – разумеется, при условии глубокой модернизации ее внешнеполитической стратегии.

2.3. Фон Штейн и Лассаль: консервативный синтез как упущенный шанс для Германии?

Особого внимания в общем контексте дискуссий об истоках неудачи германского центристско-консервативного проекта в XVIII-XIX веках заслуживают доктрина и концепт **«консервативного социализма»**, оригинальным образом соединяющие в себе определенную национальную традицию и стремление адаптироваться к социальным вызовам эпохи, направив общество и страну по пути эволюционного и одновременно динамичного развития на основе творчески переосмысленных национально-консервативных ценностей. «Консервативный социализм» (способный интегрировать в себя «левый консерватизм» как комплиментарное направление мысли), — это идеология, основанная на гармоничном сочетании национальной и социальной идей, и в силу этого отрицающая любые идеологические концепты, предполагающие гипертрофию одного из этих начал в пользу другого (фашизм, «классический» революционный марксизм, нетворческий изоляционистский консерватизм и др.). Столь же неприемлемыми для данного направления мысли являются гипертрофированный этатизм, упрощенный эгалитаризм, бюрократический конформизм, а равно любое нетворческое либо демагогическое прочтение национальной либо социальной идеи.

В то же время именно трагическое противопоставление национальной и социальной идеи в первые десятилетия XX века, а затем их неорганичный деструктивный синтез в рамках национал-социалистической доктрины являются, на взгляд автора, истоком потрясений и трагедий, перенесенных (и привнесенных далее в Европу) Германией в прошлом веке. Тем более актуальным, как представляется, выглядит анализ возможных направлений «консервативно-социалистического синтеза», актуализировавшихся в

истории немецкой политической мысли накануне эпохи потрясений.

Истоки драмы центристского консерватизма, разрушенного и дискредитированного вследствие экспансии правого радикализма, принявшего на завершающей стадии в 20-30-е годы XX века форму праворадикального революционизма с целью создания «нового порядка», на взгляд автора, коренятся в триумфальной эпохе «железного канцлера» Отто фон Бисмарка.

Внутренняя политика канцлера Бисмарка, согласно Максиму Веберу, содержала известный парадокс: реализуя на практике интересы национальной буржуазии, он стремился не допустить участия последней в политической жизни и ее адекватного политического представительства, не дав по сути сложиться новой и востребованной временем политической и партийной элите страны, способной взять на себя ответственность за нее в будущем. Сложилась парадоксальная ситуация, когда Германией, шедшей по пути буржуазной модернизации, управляло прусское дворянство, контролировавшее бюрократический аппарат и армию – что породило систему «фальшивого управления государством» и известные деформации политического развития⁴⁸. Такой специфический вариант модернизации (без буржуазной по своему смыслу аграрной реформы), по мнению Б. Мура, вел к социально-политическому кризису, надлому и «скатыванию» в тоталитаризм⁴⁹.

Взяв за основу традиционное прусское представление о самодостаточности государства и его независимости от других субъектов политики, Бисмарк последовательно маргинализировал различные политические силы страны – представителей консервативного центризма (Католическую партию Центра), либералов (включая представителей национал-либерального течения, подобных

48 *Haffner S.* Der Verrat. – Berlin: Verlag 1900, 1993. – p 7/8.

49 *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. – Boston, 1966. – 559 p.

упомянутому М. Веберу), социалистов (регулярно подавляя их и одновременно используя в качестве конъюнктурного политического инструмента – в зависимости от складывающейся политической ситуации).

В результате именно «железный канцлер» не дал сформироваться политическому пространству, той политической среде, в рамках которых мог произойти синтез воззрений умеренных консерваторов, признающих необходимость глубоких и неконъюнктурных социальных реформ, с социалистами, признающими роль государства как главного социального арбитра и регулятора. Национальные интересы, идея германской государственности, социальная проблематика остались изолированы друг от друга, не будучи интегрированными в единый общенациональный политический дискурс. В результате после падения кайзеровской монархии в 1918 году возник политический вакуум, который сопровождался политической поляризацией общества и активизацией радикалов «слева» и «справа». Политический раскол способствовал падению слабой и неконсолидированной Веймарской республики – открыв дорогу к власти национал-социалистам.

Источниками синтеза, формирующего полноценную центристскую (в перспективе – центристско-консервативную) платформу, могли стать учения, сформированные такими изначально разными мыслителями, как Лоренц фон Штейн и Фердинанд Лассаль. В то же время движение мысли консерватора фон Штейна, обосновавшего создание социального государства необходимостью избежания революции, равно как и движение мысли социалиста Лассаля (признание государства социальным арбитром (ночным сторожем) в целях защиты интересов рабочих), встретившись с друг другом в определенной точке политического дискурса, обеспечивали искомый консервативно-центристский синтез. К этому вела содержательная логика их учений.

Лоренц фон Штейн: основоположение «консервативного социализма»

Особое значение в данном контексте имеют взгляды «консервативного социалиста» Лоренца фон Штейна. Без этой фигуры любое рассказ об истории как консервативной, так и социалистической мысли XIX в. останется неполным. **Лоренц фон Штейн** (1815–1890) — видный немецкий философ-государствовед, историк, экономист, профессор университетов в Киле и Вене, автор глубоких и оригинальных сочинений об обществе, государстве, праве. Основные сочинения: «Социализм и коммунизм в современной Франции» (1842), «История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней» (в трех томах), «Учение об управлении» (второй том издан после смерти Штейна), «Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии» (третий том издан посмертно) и др.

Примечательно, что фон Штейн — один из ярких и убежденных противников коммунизма, тонкий и последовательный критик работ Маркса. Характерно, что свою теорию «надклассовой монархии» он разрабатывал как альтернативу марксизму и как средство «спасения» исторического прогресса от «искажения» в виде социальных революций. Философские взгляды Штейна базируются на учении Гегеля, что вполне логично приводит его к помещению государства в центр политической жизни общества (впрочем, без преувеличения его значимости). В то же время, для более глубокого понимания глубокого и неординарного характера взглядов мыслителя важен исторический и культурный контекст, в котором сложилось его учение.

По своему происхождению, Лоренц фон Штейн — потомок имперских рыцарей, что внешне не коррелирует с его оригинальным учением в духе «государственного социализма». С точки зрения родословной — потомок имперских

рыцарей. Весьма знаменит был его отец, Генрих-Фридрих Штейн – убежденный консерватор, отрицавший революцию и идеологию равенства, но одновременно не приемлющий монархического и бюрократического произвола. В качестве противовеса подобному произволу он последовательно отстаивал местные вольности и старые земские чины, в которых видел защиту индивидуальной свободы. Назначенный прусским королем Фридрихом – Вильгельмом Третьим на министерский пост в 1807 г., Штейн – старший осуществил ряд реформ, с помощью которых пытался упредить революцию. В результате этих преобразований были уничтожены сословные преимущества, отменена личная зависимость крестьян от помещиков, был узаконен свободный переход земли к новым собственникам (т.е. крестьяне и бюргеры получили возможность покупать дворянские имения). Одновременно Штейном была осуществлена реформа управления городов и областей. В соответствии с «Прусским городским уставом» в отдельных общинах, а затем и в целых провинциях были созданы выборные советы, а раскладка налогов и попечение о благоустройстве были вверены местным выборным лицам вместо чиновников. Все эти учреждения планировалось увенчать государственным собранием народных представителей, которые бы имели совещательный голос при короле и его министрах. Однако в 1810 г. по требованию Наполеона, опасавшегося обособления вассальной Пруссии, Штейн – старший был отправлен в отставку.

Эпоха фон Штейна-младшего — это эпоха укрепления Пруссии как государства, ставшего затем становым хребтом единой Германии. Эпоха, когда задачи национально-государственного строительства неожиданным образом переплелись с проблемами социально-классовых антагонизмов, столь ярко явивших себя в серии европейских революций 1848 г. Неординарность исторической ситуации требовала в качестве «ответа» новой идеологии, предлагающей новую

модель интеграции немецкого общества (и европейских обществ в целом), в роли которой уже не могли выступать ни традиционалистский консерватизм Ж. де Местра и Л. де Бональда, ни «стихийный» либерализм приверженцев «laisser-fair», ни радикальный социализм в духе О. Бланки.

Ответом на запросы времени стала оригинальная немецкая версия «левого консерватизма», предложенная Л. фон Штейном, которого одни историки политической мысли зачисляют по «либеральному ведомству», а другие — пытаются представить в качестве идейного предтечи идеологии социализма (например, К.С. Гаджиев), не проясняя глубокого своеобразия штейновского социализма и его индейных оснований. С точки зрения автора, Л. фон Штейн, (подобно Ф. Лассалю, речь о котором пойдет позднее) является «синтетическим идеологом», осуществившим весьма оригинальное и жизнеспособное соединение национально-консервативной (в обновленном и творческом смысле) и лево-эволюционной (реформистской) идей, которое выступило и выступает в качестве конструктивной умеренно-левой (общенародной) альтернативы как «революционному марксизму», так и ортодоксальному «нетворческому» консерватизму и «социально безответственному» либерализму рубежа XIX–XX вв.

В отличие от Лассалья, фон Штейн пришел к своей версии «левого консерватизма» и «государственного социализма» не «слева», а «справа». То, что присутствовало у Лассалья в форме некоторой политической интуиции, у фон Штейна обрело завершённую форму с учетом исторических особенностей Пруссии и Германии периода его жизни и деятельности. При этом, благодаря гибкости ума и глубокому пониманию политической современности, он сумел избежать крайностей «национал-изоляционизма» и апологетики военно-бюрократических традиций прусского государства, которые были свойственны И.-Г. Фихте («Письма к немецкой нации») и О. Шпенглеру («Пруссачество и социализм»),

а также радикально-либерального «антигосударственного пафоса», присущего учению В. фон Гумбольдта, отрицавшему национальное «начало» в пользу общечеловеческого.

В своих рассуждениях Штейн исходит из того, что развитие общества (и, прежде всего, — института собственности) неизбежно ведет к образованию двух противоположных классов, «двух полюсов человеческого общения» — собственников и не-собственников. Вследствие этого жизнь общества наполняется классовой борьбой, а государство (в итоге захвата государственных «рычагов» классом собственников) превращается в орудие господствующих классов (феодалов или «промышленных собственников»), служит их частным интересам вместо того, чтобы служить общим интересам и быть социальным арбитром.

Особая роль в рамках социальной системе отводится фон Штейном государству. Если в обществе каждый руководствуется своей индивидуальной волей и отсутствует свобода, то государство органично соединяет индивидуальные воли в единое целое, подчиняет их общей воле и утверждает подлинную свободу. Однако последнее вовсе не приводит к социальной гармонии - в ответ на подобное позиционирование государства класс не-собственников вступает в борьбу, приводящую к революциям; этим, по Штейну, «объясняется весь ход европейской истории».

Рассуждая подобным образом, фон Штейн приходит к выводу **о неизбежности пролетарской революции при капитализме**. Пролетариат, обреченный в условиях господства «промышленных собственников» на «вечный механический труд», рано или поздно осознает себя как «единое целое» (т.е. как класс) и выступит против класса угнетателей и поддерживающего их государства. Руководствуясь идеями социализма и коммунизма, он грозит уничтожить социальный строй, основанный на частной собственности, и в итоге — саму свободу.

Возможно ли избежать этого сценария? Согласно фон

Штейну, для его предотвращения **государство должно превратиться из «орудия частных интересов» в инструмент общей пользы**, в «высший союз», в котором гармонически взаимодействуют все слои и классы общества. Сама же государственная власть должна быть самостоятельной и дистанцироваться от классов.

Какая же форма правления более всего способствует решению этой задачи? Для выполнения этих условий, по мнению мыслителя, не подходит ни абсолютная монархия (поскольку она основана на произволе одного лица), ни демократическая республика (в ней государственная власть недостаточно сильна и подотчетна обществу, что в итоге приводит к установлению власти неимущих, устанавливающих классовую диктатуру – что для фон Штейна является едва ли не аналогом охлократии по Платону).

Поэтому единственный выход, согласно мыслителю — в установлении конституционной монархии, где «начало власти органически сочетается с началом свободы». Это, в свою очередь, достигается посредством разделения властей – монархической (княжеской), законодательной и исполнительной. В сочетании с народным представительством, это создает гарантии правопорядка и прав личности.

Каков же главный политический результат? Независимая государственная власть сплачивает общество, решает «социальный» и «рабочий» вопросы, преодолевает влияние вредных идей (коммунизма). Последнее позволяет сохранить существующую экономическую и политическую систему, основанную на частной собственности, придав ей большую социальную направленность.

Таким образом, по замыслу Л. Штейна, монарх возвышается над всеми ветвями власти, является гарантом соблюдения законов и инициатором социальных реформ в интересах ущемленных слоев населения (способствует повышению уровня их образования, производительности труда, уровня потребления и др.). Что касается идей Штей-

на о «надклассовом» характере государства, то это не столько утопия, сколько отражение реального положения вещей в Германии в 1870–80-е годы. Прусское (а далее — и общенемецкое) государство, осуществлявшее экономическую модернизацию, укреплявшее институты власти и стремившееся по мере возможностей решить «**рабочий вопрос**», действительно отстаивало по преимуществу национальные интересы, постепенно приводя их в равновесие с социальными. И именно прусским государством были заложены основы для гармоничного соединения в политике принципов консерватизма (монархия как воплощение национальной идеи), либерализма (экономические свободы, обеспечившие объединенной Германии мощный экономический рост) и социализма (адресная и взвешенная социальная политика).

Однако отказ германской монархии от дальнейших реформ привел ее к закономерному крушению в ноябре 1918 г. а неспособность либералов (в союзе с социал-демократами находившимися у власти в период Веймарской республики) успешно решить социальный вопрос привел к торжеству национал-социалистов, которые, извратив до предела как консервативную, так и социалистическую идею, надолго похоронили надежды на достижение искомого консервативно-центристского синтеза.

Помимо этого, фон Штейн может с полным основанием рассматриваться как идейный предтеча правого, реформистского крыла германской социал-демократии, к которому принадлежат такие видные фигуры, как **Э. Бернштейн**, **К. Каутский**, **Ф. Эберт** и другие видные деятели этого направления. Его идея сочетания национально-консервативных (в творческом смысле) и социальных начал более чем актуальна для объединенной Европы, которая — вопреки его рекомендациям — сделала акцент на либеральное и социальное начала в ущерб национально-консерватизму.

Однако консервативно-центристский и консервативно-социальный синтез были принципиально невозможны

без эволюции в заявленном направлении представителей германской социалистической (и в том числе марксистской по своему истоку) мысли. Своеобразным «зеркальным близнецом» для фон Штейна на «левом» фланге немецкой политики выступил его младший современник Фердинанд Лассаль, биография которого является едва ли не диаметрально противоположной по своему характеру и содержанию биографии основоположника «консервативного социализма».

Фердинанд Лассаль: к социализму через государство

Общий контекст наших рассуждений делает весьма актуальным обращение к фигуре Фердинанда Лассаля - политического деятеля и мыслителя, который, пропустив Марксово учение «через себя», сумел предложить альтернативу его «ортодоксальной» версии, и более того — наметить альтернативные стратегии развития рабочего и левого движения еще в XIX веке.

Фердинанд Лассаль (1825–1864) — политический мыслитель, философ и идеолог, один из влиятельнейших руководителей рабочего движения 60-х годов XIX в. в Германии. Он родился в городе Бреслау (ныне — Вроцлав) в состоятельной еврейской семье. Проявив блестящие и разносторонние способности в гимназии, он далее учился на юриста в Бреславском и Берлинском университетах.

Общественная деятельность многообещающего молодого юриста Лассаля началась в 1846 г. выступлением в качестве адвоката в процессе в защиту графини Гартфельд против произвола ее мужа, влиятельного прусского магната. Процесс тянулся до 1854 г. (с перерывами) и был выигран Лассалем; однако по обвинению в похищении документов (а похитили их в действительности друзья молодого юриста), благодаря которым ему удалось выиграть процесс, он был заключен в тюрьму.

Между тем, адвокатская карьера не удовлетворяла яркой и необузданной натуре молодого интеллектуала-неогегельянца, что побудило его влиться в революционное движение. Так, во время революции 1848 года он руководит подготовкой восстания в Дюссельдорфе. Тогда же Лассаль знакомится с таким же, как он сам, молодым «эмансипе» **Карлом Марксом**, оказавшим на него большое влияние. К этому же времени относится и участие обоих социалистов в леворадикальной «Новой рейнской газете», где Лассаль проявляет себя как яркий публицист. Однако одной леворадикальной публицистской деятельностью Лассаля не исчерпывалась. Арестованный в конце 1848 г. за свое участие в подготовке восстания, Лассаль был освобожден в мае 1849 г.

Лассаль и его учение – детище своей эпохи, когда в социально-политической жизни Германии все более актуализировался «рабочий вопрос». В 60 – е годы XIX в. в Пруссии, в период борьбы либерального бюргерства против полицейской и феодальной реакции в ответ на революцию 1848 года, впервые заявило о себе и рабочее движение Германии. Его очагами стали округа больших индустриальных предприятий в Рейнской области, Саксонии и Силезии. Поскольку рабочие сначала выражали свои требования разрозненно и беспорядочно, их пытались организовать деятели из среды прогрессивной буржуазии. Так, мелкобуржуазный радикал и депутат Шульце-Делич стал разъяснять рабочим значение взаимопомощи и рекомендовал создавать свободные производительные товарищества. Однако эти советы более подходили для мелких мастеров, но не для фабричных и заводских рабочих. Против подобных рекомендаций резко выступил молодой журналист и адвокат Лассаль (изменивший незадолго до этого написание своей фамилии на французский манер после поездки в Париж), едко высмеявший «рецепты» Шульце-Делича рабочим.

Бурная политическая активность не стала между тем

препятствием для философской рефлексии и литературного творчества. Помимо политической деятельности, Лассаль проявил себя как философ («Учение Гераклита Темного из Эфеса» (1858), правовед («Система приобретенных прав» (1861) и поэт (трагедия «Генрих фон Зиккинген», посвященная одной из трагических и величественных фигур эпохи Реформации в Германии).

Но главный труд Лассаля, в котором изложены его основные политико-правовые воззрения — **«Программа рабобтников»** (русский перевод — 1920).

Однако рамки «буржуазной оппозиционности» и «прогрессивности» изначально оказались для Лассаля слишком тесными, не отвечающими масштабу событий, которые ожидали переживавших мощный общественный подъем Пруссию и Германию.

В 1862 г. Лассаль выступил против весьма умеренной политики прогрессивной партии по отношению к канцлеру Бисмарку, требуя более решительного воздействия на правительство. Однако это требование не встретило сочувствия со стороны либеральной буржуазии. И тогда Лассаль покидает ряды прогрессистов и решает обратиться к рабочим. И очень быстро оказывается одним из самых ярких пропагандистов учения Маркса, превосходя в популярности самого автора революционного учения. Одновременно у самого Лассаля проявились серьезные теоретические расхождения с Марксом. Так, он не хотел звать рабочий класс к насильственной коммунистической революции, не верил в ее успех и не желал повторения «ужасов июньских дней» (жестокого подавления восстания парижского пролетариата в 1848 г.). Кроме того, значительно отличались от марксистских взгляды Лассаля на сущность и природу государства, которое он толковал скорее в духе Фихте и Гегеля. Поддержав «историческую миссию» прусской монархии в деле объединения Германии, Лассаль еще дальше отошел от своего старшего товарища. Наконец, между лассальяцами и

марксистами существовали расхождения по вопросу об отношении к всеобщему избирательному праву, которое сам Маркс полагал «мелкобуржуазной утопией».

Между тем, как политический организатор Лассаль снова обходит Маркса и его единомышленников. В 1863 г. он разворачивает свою политическую программу в «**Гласном ответе**» — письме Лейпцигскому рабочему комитету, задачей которого был созыв общегерманского рабочего конгресса. В этом письме Лассаль выдвигает проект создания самостоятельной рабочей партии. Эта партия, по его замыслу, должна была отделиться от прогрессистов, за которыми рабочие до этого шли. Лассаль считал, что политической программой рабочих должно было быть завоевание всеобщего избирательного права, которое бы позволило добиться от властей проведения ряда необходимых реформ. В результате, под влиянием Лассаля на рабочем конгрессе в Лейпциге в мае 1863 г. был создан Всеобщий германский рабочий союз, президентом которого на 5 лет с практически диктаторскими полномочиями избрали самого Лассаля.

Рост числа членов **Всеобщего германского рабочего союза** (1863–1875 гг.), в первое время чрезвычайно бурный, особенно в Рейнской области, оказался, однако, не столь масштабным, как этого хотелось Лассалю: значительная часть рабочих все еще шла за прогрессистами. Стремясь исправить ситуацию, Лассаль вступил в переговоры с Бисмарком, обещая ему поддержку рабочих при условии, если Бисмарк введет всеобщее избирательное право (что он и сделал в 1871 г. в обмен на поддержку депутатами — лассальянцами инкорпорации в Пруссию Шлезвиг-Гольштейна). В переписке с Бисмарком Лассаль рассуждает даже о возможности поддержки рабочим классом монархии, если бы она встала на подлинно революционный и национальный путь «и превратилась бы из монархии привилегированных сословий в социальную и революционную монархию». Од-

нако реализация этих планов была сорвана неожиданной гибелью Лассалья: 13 августа 1864 года неумный романтик был смертельно ранен на дуэли румынским дворянином, оспаривавшим у него невесту.

Но главная цель бурной деятельности Лассалья была все же достигнута: «железный канцлер» даровал стране и всеобщее избирательное право, и трудовое законодательство. Однако в 1878 г. Бисмарк прекратил политическую игру, введя «исключительный закон против социалистов»: ибо борьбу против либералов он уже выиграл, и последние были ему уже не нужны; этот рудимент «военно-полицейской» монархии сохранился вплоть до 1890 г.

После смерти Лассалья рабочее движение Германии развивалось под сильным влиянием лассальянских идей, воплощенных в программе «Всеобщего германского рабочего союза», представлявшего собой мощную силу. В то же время часть рабочих отвергла линию Лассалья и создала самостоятельную рабочую партию (оппозиционная Бисмарку Свободная народная партия — во главе с тяготевшим к марксизму саксонским мастером-токарем Августом Бебелем). Но влияние наследия Лассалья было еще сильным — под воздействием лассальянства первая общегерманская рабочая партия, созданная в городе Эйзенахе в 1869 г. («эйзенахцы»), взяла наименование «социал-демократическая», а также включила в свою программу пункт о государственной помощи производственным товариществам и назвала свою газету «Народное государство».

В этот же период времени Всеобщий германский рабочий союз во главе с такими лидерами, как Швейцер, Фрицше, Гезенклевер и др. проводили линию на поддержку объединения Германии. Бывший друг Лассалья Л. Бухер стал секретарем Бисмарка и работал над проектом закона о социальном страховании. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. лассальянец Швейцер звал рабочие массы сражаться во имя торжества «истинно немецкого духа», а

другие лассальянцы — члены Северо-германского рейхстага — голосовали за военные кредиты.

В 1875 г. «Социал — демократическая рабочая партия Германии», руководство которой (А. Бебель и В. Либкнехт) стояло на позициях марксизма, договорилось об объединении со Всеобщим германским рабочим союзом» на съезде в городе Гота. Подготовленная к съезду программа, наряду с традиционными марксистскими положениями, содержала также целый ряд идей Лассаля (например, идею создания производственных ассоциаций под патронажем государства), за что была подвергнута Марксом уничтожающей критике в работе **«Критика Готской программы»**.

Несмотря на эту критику, лассальянская линия прочно утвердилась в мировоззрении германской социал-демократии. Так, ревизионизм, провозглашенный в конце 1890-ых годов XIX в. Эдуардом Бернштейном, также предполагал переход от идей революционной к методам мирной парламентской борьбы и мирного же перехода к социализму («Цель — ничто, движение — все»). Следуя национал-патриотической линии Лассаля, лидеры правого крыла СДПГ (Ф. Эберт, Ф. Шейдеман, Г. Бауэр и др.), с началом Первой мировой войны голосовали в рейхстаге за военные кредиты и поддержку воюющего правительства; в то время как левые социал-демократы (во главе с К.Либкнехтом, Р.Люксембург и К.Цеткин) стояли на позициях пацифизма и интернационализма.

По окончании Первой мировой войны правое крыло германской социал-демократии, обосновывая свой национал — патриотизм и отказ от революции, провозгласила знаменитый лозунг **«Назад к Лассалю!»**. Весьма близка по духу к лассальянству была и составленная в 1891 году Карлом Каутским «Эрфуртская программа», в которой не было понятия «диктатура пролетариата» и ориентации на революционную борьбу. В итоге, Лассаль постепенно «съел» Маркса, что по праву позволяет ему считаться одним из

идейных предтеч правого крыла германской социал-демократии и идейной платформы современной СДПГ.

Однако этим фактом значение Лассаля для развития левой политической мысли, безусловно, не исчерпывается.

В чем же состояла принципиальная новизна взглядов «немарксистского» социалиста Лассаля? Согласно его исходному тезису, организующим и объединяющим началом общества на протяжении всей истории выступает государство. Здесь содержится существенный вызов «антигосударственной» политической философии Маркса. Государство, по Лассалю, представляет собой надклассовый институт или учреждение, осуществляющий «воспитание и развитие человеческого духа к свободе». Как уже отмечалось, в случае Лассаля это была не столько утопия в духе Гегеля, сколько реальное отражение роли государства в истории Германии в 1870–80-ые годы;

При этом современное Лассалю общество, с его точки зрения, перестало соответствовать своей цели и сущности своей цели и сущности, поскольку буржуазия подчинила государство «грубой материи денег». При помощи имущественного ценза на выборах она фактически превратило государство в своего слугу, охранника, «ночного сторожа».

В то же время, по убеждению Лассаля, реформированное государство способно привести рабочий класс к социализму через субсидируемые им «производственные ассоциации», гарантирующие рабочим «полный продукт труда» вместо борьбы за «частичное улучшение экономического положения». В связи с этим необходим отказ от революции и замена ее мирной борьбой на основе всеобщего избирательного права, а также признание приоритета интересов нации перед интересами рабочего класса (**«Государство принадлежит вам — потому что из вас оно и состоит. Государство — это вы, великая ассоциация беднейших классов»**).

Все перечисленные идеи дали мощные всходы в поли-

тической мысли, несмотря на столь раннюю смерть самого Лассалья. Ибо как идейную платформу современной социал-демократии, так и современную концепцию социализма сегодня сложно представить свободными от влияния лассальянского наследия.

Собственно, что можно инкриминировать хорошо забытому сегодня Лассалю с высоты прошедших лет и революционных потрясений прошлого века? Альянс с Бисмарком против либералов-прогрессистов в, явившийся основанием для обвинений в предательстве интересов трудящихся? Но благодаря этой лассалевской «измене» ненадежным и косным, опасавшимся всякой «чрезмерной новизны» либералам рабочие Германии получили избирательное право и трудовое законодательство, что было настоящим успехом в условиях бюрократически-милитаристской и «глубоко реакционной» прусской (впоследствии германской) монархии.

Среди «методологических ошибок» Лассалья также часто упоминают рассмотрение им государства как «надклассового института» (вполне в духе философии Гегеля), что в конце концов склонило его самого и его единомышленников к своеобразному «прусскому патриотизму». Однако последнее обстоятельство отражало объективную реальность Германии середины XIX в., ибо прусский (а вскоре и немецкий) рабочий, в отличие от описанного Марксом в «Капитале» английского, не чувствовал отчуждения от промышленного труда, ибо действительно испытывал национально-патриотический подъем вследствие успехов своей укрепляющейся страны (что, естественно, потребовало синтеза левой идеи с национальной).

Чем же ценен для нас Лассаль в контексте несостоявшегося становления консервативного центризма?

Во-первых, органичным сочетанием левой идеи и патриотизма — ведь именно раскол между рабочим движением и национальной идеей, произошедший во многих странах Ев-

ропы (когда выразители национальной идеи отказались от всякой социальности, а левые — и прежде всего коммунисты — от патриотизма как идеологии «реакционных классов»), привел в итоге к ситуации «европейской гражданской войны» и торжеству национальной и социальной идей в искаженной форме — фашизму и национал-социализму.

Во-вторых, Лассаль (наряду с одним из идейных отцов «консервативного социализма» XIX в. Лоренцем фон Штейном) одним из первых попытался примирить рабочее движение и государство, делая ставку не на его разрушение, а на эволюционное изменение его природы в пользу большинства, предвосхищая не только эволюционную стратегию социал-демократии, сформулированную в знаменитой максиме Бернштейна («Цель ничто — движение все»), но и современные концепции «гуманистического и эволюционного социализма».

Тем самым ему удалось пройти между Сциллой лево-радикального антигосударственного нигилизма и Харибдой тоталитарного этатистского социализма, столь сильно скомпрометировавшего левую идею в XX веке.

В-третьих, стремление Лассаля сочетать в своей доктрине элементы различных идеологем, перешагивая рамки идеологических догм (то, что Маркс и его единомышленники называли «эклектизмом»), позволили достигнуть необходимого в современную ему эпоху идейного синтеза и избежать искусов «экономизма», тоталитарного этатизма и разрушительного левацкого ультрадикализма, каждый из которых сам по себе был способен завести левое движение в тупик;

В-четвертых, именно политическая гибкость Лассаля, умение мыслить «поверх классовых барьеров» и готовность идти на неожиданные политические союзы (чего стоит один его альянс с «железным канцлером» Бисмарком) оказались весьма перспективными и в его эпоху, и особенно в XX веке, когда именно такой подход позволял

левым добиться гражданского мира в сложных и много-
составных обществах.

История, как известно, не терпит сослагательного на-
клонения. Однако если предположить, что если бы в основу
немецкой политической идеологии начала XX века был по-
ложен синтез идей в духе «государственного социализма»
Л. фон Штейна с идеей «социализма через государство» Ф.
Лассалья, Германии бы, вполне возможно, удалось бы пре-
одолеть поляризацию политического дискурса и общую
радикализацию германской политики в 20-30-е годы про-
шлого века (с возникновением вполне реальной угрозы
гражданской войны). А благодаря этому - избежать неадек-
ватного синтеза «левой» и «правой» идей в рамках идеоло-
гии национал-социализма, принесшей неисчислимые бед-
ствия самой Германии, Европе и всему миру.

Известным образом, некоторое подобие гипотетиче-
ского «штейновско-лассальянского» синтеза (без глубокой
рефлексии и перспективы) произошло в послевоенной За-
падной Германии, когда центристские по духу ХДС-ХСС и
СДПГ стали полюсами политической системы, совместно
участвуя в создании институтов социального государства и
социально ориентированной рыночной экономики. Однако
созданная в ФРГ система претерпела весьма глубокие и су-
щественные трансформации после объединения Германии
в 1990-м году. Современные трансформации германского
общества, его политической и социально-экономической
систем требуют, на взгляд автора, глубокой и основатель-
ной рефлексии наследия «консервативного социализма»
и «левого консерватизма», способного предложить кон-
структивные ориентиры в деле решения современных гер-
манских проблем внутреннего развития – от преодоления
кризиса социального государства до нового истолкования
национальной идентичности.

Глава 3.

Англия: консервативная рефлексия и политические трансформации

1.3. Консервативно-демократический проект Эдмунда Берка: консервативный синтез VS «война всех против всех»

Гражданское общество как «катастрофа»: несостоявшийся консервативный проект Томаса Гоббса

Томас Гоббс (1588 – 1679) – выдающийся английский философ и политический мыслитель эпохи Английской буржуазной революции, который мог, но по ряду причин так и не стал идеологом английского варианта «центристского консерватизма», отвечающего потребностям сложной трансформационной эпохи. Его изначальная позиция была близка к консервативной, ибо он воспринимал патриархальную теорию королевской власти. Суть последней сводилась к тому, что власть короля имеет божественное происхождение, и никто из людей не имеет права ее ограничивать и разрушать; любое же покушение на власть монарха означает попрание религии, государственности и всяких законов. Был близок к роялистским кругам Англии, и в начале революции демонстративно перевел с греческого сочинение Фукидида с критикой демократии. В период разгара революционных событий мыслитель вынужден был покинуть Англию и жил в Париже, будучи наставником и воспитателем наследника престола (Карла II). За это после реставрации монархии и возвращения в Англию король назначил ему пенсию и держал дома его портрет. В то же время командующий парламентской армии Оливер

Кромвель предлагал ему пост лорда канцлера за обоснование модели протектората. Исток учения Гоббса – резкое неприятие революции. А также неразрывно связанный с ним страх перед «гражданским обществом как состоянием «войны всех против всех». Революция представлялась философу проявлением темных страстей и склонностей человека, и поэтому в своем творчестве он пытался определить модель политического устройства, ограничивающей эти темные стремления.

В чем же состоял конкретно-исторический исток этого испуга?

Генезис английского гражданского общества (в его раннем варианте был неразрывно связан с событиями Английской буржуазной революции XVII века, а его основу первоначально составляли кальвинисты и другие радикальные сектанты. Самоутверждение данной «протоформы» гражданского общества априори означало не только цепочку гражданских войн, но также войну против традиционного общества «старой» Англии – традиционного крестьянства («огораживания», в ходе которого, согласно известному выражению, «овцы съели людей») и традиционного наследственного дворянства (лишенных всякого смысла и ценности «раскрашенных кукол» в кальвинистской терминологии). Для свершения столь глубокой социальной трансформации требовалось не просто идеологическое, но именно религиозно-метафизическое обоснование. В этой связи неслучайным является использование понятия «Пуританская война» (английский историк Кристофер Хилл), которая была не только особой формой политической и религиозной борьбы, но спором о самой природе английского общества и о его будущей структуре. Пуритане были радикальным течением в протестантизме, которое стремилось очистить Английскую церковь от католических традиций. Ознакомившись в период своего вынужденного исхода в Европу с учением Жана Кальвина из Женевы, английские принесли в свою страну новые религиозно-политические

идеи, связанные с неприятием монархии и пропагандой специфической разновидности республиканизма. Политической радикализации способствовали и сами установки кальвинистской этики (и прежде всего учение о предопределении, утверждающее «богоизбранность» (изначальную предопределенность к спасению) сильных и успешных, а равно и очевидное усиление элементов ветхозаветной этики в ущерб принципам этики новозаветной). Английская революция, а равно и последовавшая за ней социально-экономическая и политическая модернизации выступили как своеобразное средство подтверждения «исключительности» и «богоизбранности» нового социального слоя, который составили джентри (новое дворянство) и формирующийся буржуазный класс.

В то же время, гражданское общество, состоящее из последовательных кальвинистов (и близких им по духу сектантов, массово вовлекшихся в английскую революцию), неизбежно, по мнению Гоббса, приводило к состоянию «войны всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*).

Парадоксально, но в итоге атеист Гоббс создал образ государства-Левиафана, которое само по себе напоминает ветхозаветного Бога, который не знает жалости и к которому апеллировали сами кальвинисты, устанавливавшие в своих общинах-консисториях жесткие и едва ли не деспотические порядки.

Гоббс конструирует и обосновывает модель государства (которое он также называет терминами «суверен» (или политическое государство), «Левиафан», «царь над всеми сынами гордости»), создаваемого с целью избежания войны всех против всех и ограничения активности гражданского общества, в способность которого к самоорганизации и саморегуляции он изначально не верил.

В итоге Гоббс приходит к «чистому» этатизму, а не к последовательному «центристскому консерватизму», не доверяя началам социальной самоорганизации и естественному

разнообразию. В итоге Гоббс не становится английским Жаном Боденом. Воспользоваться этим шансом было представлено мыслителю более поздней эпохи – Эдмунду Берку.

Эдмунд Берк: критика французской революции и обоснование консерватизма

Эдмунд Берк (1729 – 1797) – один из наиболее самобытных и глубоких британских политических мыслителей эпохи, начавшейся по окончании Английской буржуазной революции. Примечательна сама его интеллектуальная биография. Необходимость для Берка, никогда не забывавшего о своих ирландских и католических корнях, приспособившись к специфической политической и культурно-идеологической реальности проходит через всю его жизнь. В конечном итоге, католическая традиция в значительной степени предопределила его консервативные убеждения, неприятие философии Просвещения и французских революционных практик.

Будущий идеолог английского консерватизма родился в Дублине в британизированной ирландской семье. Отец его был адвокатом и принадлежал к государственной (англиканской) церкви, хотя и воспитывался в детстве как католик; в то же время мать Берка была глубоко верующей католичкой. Сам будущий мыслитель также воспитывался как прихожанин англиканской церкви, хотя самим процессом его обучения руководил учитель – католик. В 1744 г. Берк поступил в знаменитый королевский Тринити – колледж в Дублине, по окончании которого в 1748 г. получил степень бакалавра.

В 1750 г. он отправляется в Лондон в целях приобретения права на адвокатскую практику, но не получает его. После этого Берк решает целиком посвятить себя политической и публицистической деятельности, начав ее как философ прогрессистского направления.

В 1756 г. он публикует свои первые литературные труды, выраженные в духе философии Просвещения - «Защита естественного общества» и «Философское исследование наших идей о высоком и прекрасном». Однако идейная повесть Просвещения оказалась для тогдашней Англии несколько устаревшей, и эти книги не принесли Берку широкого общественного признания.

Между тем, его политическая карьера развивалась стремительно и по восходящей. В 1759 г. он поступает секретарем к Уильяму Джеральду Гамильтону (1729 – 1796), который в 1761 г. стал главным секретарем при Галифаксе, лорде – лейтенанте Ирландии. Порвав с Гамильтоном в 1756 г., Берк стал личным секретарем маркиза Рокинхэма (1730 – 1782), назначенного Первым Лодом Казначейства (т.е. министром финансов). Благодаря связям в высших кругах, Берк в 1766 г. избирается в парламент от округа Уиндовер. Впоследствии он примкает к партии вигов (либералы), находившейся у власти с июня 1766 г. по июль 1767 г., а затем переходит вместе с ней в оппозицию. В 1774 г. он вступает в союз с Чарльзом Джеймсом Фоксом, вместе с которым возглавляет жесткую оппозицию главе королевской администрации в Америке лорду Нортю. Он выступает с целым рядом речей, требующих от властей более гибкой и мягкой политики в отношении колоний. Здесь сказалось его самоощущение как представителя национального и религиозного меньшинства, побуждающего противостоять мессианскому консерватизму тори.

Однако смерть лорда Рокинхэма в 1782 г. стала тяжелым ударом для его протеже Берка и затруднила реализацию планов молодого оппозиционного политика. После триумфа лидера тори (консерваторов) на парламентских выборах 1784 г. Берк оказался не у дел и постепенно утратил свою популярность. Когда в 1788 г. в период правительственного кризиса новый лидер вигов Фокс не включил Фокса в сформированный им кабинет, это означало конец его политической карьеры.

После этого Берк всецело отдается писательскому ремеслу и в течение первой половины 1790 г. пишет свои знаменитые «Размышления о революции во Франции». Это произведение, написанное «вдогонку за событиями» в соседней стране, вылилось в полноценный политико-философский трактат и содержит в себе весьма ценные наблюдения и обобщения о сущности французской революции и породивших ее идей. К написанию книги Берка побудило выступление англиканского проповедника, доктора Ричарда Прайса, в честь столетнего юбилея Славной революции. В этой речи Прайс, заявив о своей приверженности теории «естественных прав человека» и принципам «свободы, равенства и братства», фактически восславил свершившийся на его глазах французский революционный переворот и призвал британцев последовать примеру соседей. Как умеренный либерал и конституционалист, Берк резко выступил против столь радикальных и разрушительных, по его мнению, призывов.

В развернувшейся на его глазах революции мыслителя прежде всего напугали: дух всеобщего радикального обновления; отвержение всех предписанных прав; конфискация собственности; гибель религии, дворянства, семьи, традиций, нации, забвение предков – то есть все то, что противоречило эволюционным воззрениям Берка и на чем, по его убеждению, основывалось духовное здоровье общества. Тревожное развитие событий во Франции, ряд последовавших за первоначальным эмоциональным подъемом «ужасов революции» – сентябрьское побоище, казнь короля и королевы, воцарение террора, а затем и термидор – навели его на тяжелые размышления. Но более всего его беспокоила поддержка разрушительных французских прецедентов, заявленная либеральными британскими премьер – министрами Фоксом и Питтом, заставили Берка открыто заявить о своем неприятии революции как таковой. Его самого все более беспокоил рост числа «революционно и

нигилистически настроенных людей в самой Англии», грозивший разрушить сложившуюся по итогам двух революций модель политической стабильности.

Дальнейшее развитие дискуссии и порожденные ею социально-философские рефлексии привели Берка к социально-философским выводам, выходящими за рамки либерального и конституционалистского мировоззрений. Призрак новой гражданской войны, гоббсовской «войны всех против всех» словно бы снова возвращался к жизни. Требовалось нахождение противовеса «духу разрушительной свободы» – который не могла предложить либеральная социальная инженерия в духе «Двух трактатов о правлении» Джона Локка, делающая ставку не на общественные нравы, но на институты. В этой ситуации Берк делает решительный интеллектуальный шаг, заняв твердую консервативную позицию, которую он затем будет последовательно отстаивать, несмотря на преобладающее в английских политических кругах мнение. Он приходит к твердому убеждению в том, что никакие политические и правовые институты не строятся по простому рациональному плану и не способны защитить свободу и общественный порядок без опоры на здоровые политические традиции и нравы.

Особенно оригинальной и глубокой частью учения Берка является его «философия свободы». Мыслитель четко различает между «свободой от» и «свободой для». По его убеждению, жизнеспособна и конструктивна только такая свобода, которая вытекает из консервативного порядка и опирается на консервативные ценности, а не свобода как самодостаточное начало и как «вещь для себя». Ибо такая свобода разрушает всякое органическое и естественное общественное устройство.

Проследивая хронологический ход революции, Берк все более убеждался в том, что свобода, на которую ссылались ее творцы и приверженцы, дойдя до крайности, превратилась в анархическое и разрушительное начало. В

отличие от якобинцев (идейных наследников Вольтера и Руссо), по поводу идей которых мыслитель иронизирует, Берк истолковывает свободу не как вседозволенность, но как систему гарантированных прав личности. Свобода, по мнению мыслителя, требует от человека разумного самоограничения ради более надежного обеспечения самих оснований этой свободы: «Я представляю свободу как социальное освобождение. Это означает такой порядок вещей, при котором свобода сохраняется благодаря ограничению; это состояние, при котором ни один человек, ни человеческое сообщество, ни просто множество людей не могут нарушить права личности... Вы можете свергнуть монархию, но не получить свободы».

Примечательно, что Берк отрицает саму идею рационального реформирования общества на основе проектов в духе философии Просвещения, полагая, что существующие порядки и устои установлены Богом, органичны и не подлежат произвольному изменению: «Мы знаем, что не сделаем никаких открытий, и думаем, что нет никакой необходимости в каких – либо открытиях в морали, немного нужно открытий в великих принципах государственного устройства, и в сфере идей – о свободе, которые были поняты до того, как мы родились». В споре с французским рационализмом Берк выдвигает в качестве основы социальной жизни и «здорового философствования» верность предрассудкам, которые естественным образом зарождаются в обществе и выступают главными регуляторами жизни людей. По Берку, именно древность предрассудков выступает ключевым критерием их жизнеспособности и полезности. Предрассудок, как полагает мыслитель – проявление подлинной, а не отвлеченно– философской заботы о человеке, которому следует более четко осознавать ограниченность возможностей собственного разума. Он – не анахронизм, но готовая модель поведения в чрезвычайных обстоятельствах, в которых могут оказаться человек и общество

– включая сюда войны и революции. Таким образом, пред-
рассудок рассматривается Берком не как «обломок бывших
смыслов», но как полноценный функциональный элемент
общественной жизни, складывающийся естественно-эво-
люционным образом.

Рассуждая таким образом, Берк противопоставляет
опыт Английской революции и послереволюционное ан-
глийское политическое устройство французским, считая
необходимым сохранить традиции и порядки своей роди-
ны от тотального разрушения. По его мнению, недостатки
дореволюционного французского «старого режима» вовсе
не требовали «революционной ломки» и могли быть уstra-
нены эволюционным путем. Не в революционности, но в
опоре на традиционные устои усматривает Берк гарантию
всякой подлинной свободы.

Помимо публикации предостережений для Англии,
Берк пытался мобилизовать «контрреволюционное» обще-
ственное мнение правящих кругов Европы, заявляя об
опасности распространения «якобинской заразы» уже на
все ведущие державы континента. Именно в этой связи в
его сознании рождается идея альянса европейских монар-
хов с целью недопущения «экспорта революции». Наряду
с этим, Берк предъявляет развернутый счет якобинству
(«вся квинтэссенция моей политики – в антиякобинстве»)
за его ненависть к «почтенному католичеству» (к которо-
му сам Берк в силу его ирландского происхождения питал
очевидные симпатии), а также за тягу к разного рода кон-
фискациям («покушение на священный принцип частной
собственности»). В своем ключевом труде он так обобщает
свою позицию: «Мы не последователи Руссо, мы не учени-
ки Вольтера. Гельвеций не имел у нас никакого успеха. Ате-
исты не являются нашими проповедниками, а сумасшед-
шие – нашими законодателями».

Контрастность заявленной позиции сделали неизбеж-
ным политическое одиночество мыслителя – что, однако,

компенсировалось его возрастающим социальным признанием. Так, выступления Берка и его труды о Великой Французской революции ухудшили его отношения с прежним его «патроном» Фоксом и привели к окончательному разрыву с парламентом. Берк стал «политиком без партии», но развитие революции во Франции в соответствии с предсказанными им направлениями чрезвычайно повысило его репутацию среди британских консерваторов. Свое расположение выразил Берку и король. Главная книга Берка пользовалась огромным успехом, пусть он и пришел к писателю не сразу. Ее читали не только в Великобритании, но и на континенте. «Размышления о революции во Франции», равно как и котрреволюционные сочинения де Местра и де Бональда, воодушевляли лидеров и пропагандистов Священного союза.

Книга вызвала много печатных откликов, из которых наиболее известны «Права человека» (1791) Т. Пейна, «Защита прав человека» (1780) М. Уолстонкрафт и «*Vindiciae Gallicae*» (1791) Дж. Макинтоша. Однако попытки оппонентов представить Берка «врагом свободы» в целом не удалась.

Для нас же главное заключается в том, Берк верит в жизнеспособность идеи консервативного гражданского общества. Оно способно к самоорганизации и самоограничению, к преодолению в состоянии войны всех против всех за счет уважения к традиционным институтам и отношениям, которые уравнивают данные революцией свободы, не позволяя им перерасти в крайность и свою противоположность. Здесь закладывается своеобразный фундамент консервативной демократии – когда общество, организованное и консолидированное на базе консервативных ценностей, через демократические механизмы выражает свою волю, которая приобретает и именно приверженность консервативным ценностям позволяет ему не стать объектом манипуляции и не дает фальсифицировать его выбор.

Политическая модель, предлагаемая Берком, носит син-

тетический и компромис-сный характер, и консервативные элементы, согласно его замыслу, формируют общую благоприятную среду для реализации прав и свобод. Его идеи имели в свою эпоху непосредственное политическое значение. Для Англии выход из гражданской войны состоял именно в частичном реванше консервативных сил в период реставрации 1660-1688 годов, и после Славной революции. Политический смысл этого реванша заключался в добавлении консервативных элементов к завоеванным обществом свободам, закрепленным в Билле о правах 1689 года. Такой парадоксальный на первый взгляд синтез исключил не только гоббсовскую «войну всех против всех», но и революцию как явление в течение всей последующей истории Англии, обеспечив ей относительно стабильное внутривнутриполитическое развитие. Благодаря консервативному синтезу, значение которого подчеркнул Берк в своей главной книге, Англия вернулась к себе самой после глубочайшей революционной трансформации – учредив в итоге тип политического порядка, который до сих пор рассматривается многими исследователями в качестве эталона консерватизма.

Прошедший 23 июня 2016 года референдум в Великобритании о выходе из состава Европейского Союза также, на взгляд автора, подтверждает жизненность идей Эдмунда Берка как одного из первых идеологов консервативной демократии и предшественника идеи «Европы консервативных отечеств», которая постепенно приобретает реалистические черты.

2.3. О судьбах английского консерватизма: Бенджамин Дизраэли

Английский консерватизм: предыстория

Рассуждая о судьбах английского консерватизма, по

глубокому убеждению автора, следует прежде всего задаться вопросом о том, действительно ли последний представляет ли собой то самое гармоничное мировоззрение, основанное на убеждении в принципиальной возможности соединения начал порядка и свободы, как об этом писал в свое время духовный отец европейского консерватизма и критик Французской буржуазной революции Эдмунд Берк (1729-1797).

Напомним, что Берк в своих знаменитых «Размышлениях о Французской революции» (1790) противопоставляет опыт Английской революции и послереволюционное английское политическое устройство французским, считая необходимым защитить традиции и порядки своей родины от тотального разрушения, к которым призывали приверженные республиканизму настроенные английские радикалы. По мнению Берка, недостатки дореволюционного французского «старого режима» вовсе не требовали «революционной ломки» и могли быть устранены эволюционным путем. Не в революционности, но в опоре на традиционные устои видит Берк гарантию всякой подлинной свободы, закладывая тем самым основы идеологии либерального консерватизма: «Мы в Англии еще не полностью распотрашили наши национальные внутренности, мы все еще ощущаем, ценим и культивируем эти унаследованные от родителей чувства, которые являются для нас полными веры стражами, активными наставниками в наших обязанностях, действительными защитниками всех либеральных и гуманных моральных норм... Мы боимся Бога; мы смотрим с благоговением вверх на короля; с заинтересованностью – на парламентариев; с чувством долга – на магистратов; с почтением – на священников; и с уважением – на аристократию».

Однако каким образом сложились уникальные политические условия, сделавшие возможным английский консерватизм и как теорию, и как особую форму социально-по-

литической практики? Ответить на этот не представляется возможным без обращения к опыту и наследию Английской буржуазной революции, осмысление социальной сущности которой рождало едва ли не радикально противоположные по своему смыслу и содержанию политические теории – от абсолютистского этатизма «Левиафана» (1651) Томаса Гоббса до последовательного либерализма Джона Локка, обоснованного им в «Двух трактатах о представительном правлении» (1681).

Особняком от этатистских (так и не востребованных на практике) и противостоящих им либеральных теорий стоит английский консерватизм – поистине уникальное социально-политическое и историко-культурное явление, справедливо считающееся детищем религиозной Реформации и Английской буржуазной революции 1640-1660 гг. и Славной революции 1688 г., в которых, как принято считать, гражданское общество победило абсолютистское государство (в то время как в Франции победил находящийся в меньшинстве революционный авангард, опирающийся на институты государства и репрессивные механизмы), что сделало новое торжество этатизма и традиционного аристократического консерватизма практически невозможным.

Одной из ключевых особенностей Английской буржуазной революции было то, что возглавившая ее городская буржуазия выступала в тесном союзе с джентри (то есть средним и мелким дворянством, сумевшим приспособиться к развитию капитализма). На стороне революции также выступили крестьянство и мелкая городская буржуазия. Приверженцами «старого режима» и абсолютной монархии были старое родовое дворянство и верхи англиканской церкви.

При этом различные поддерживающие революцию группы имели собственную идеологию и по идеологическому принципу подразделялись на партии (движения). Интересы ее правого крыла (богатого купечества и бан-

киров Лондона, примкнувшей к ним части обуржуазившегося дворянства) выражала партия пресвитериан, идеологией которой стало учение кальвинизма – последние стремились к устранению элементов католицизма из богослужения, а также к созданию особой (государственной) церкви по образцу Шотландии, где выборные старейшины вместе со священниками составляли общий государственный синод. Позиции средней буржуазии и группировавшейся вокруг нее части джентри выражала партия индипендентов («независимых»). Их требованиями были самоуправление религиозных общин (соотносящихся друг с другом как самостоятельные республики), ликвидация централизованной государственной церкви, свобода совести и веротерпимость, республиканская либо конституционно-монархическая форма правления. Политической партией более радикально настроенных городских слоев являлись левеллеры (уравнители), являвшиеся радикальными сектантами. Они отстаивали демократическое политическое устройство, всеобщее избирательное право при однопалатном и ежегодно избираемом парламенте, возврата огороженных общинных земель, а также провозглашения свободы совести с отделением церкви от государства. Впоследствии от них отделилась еще более радикально настроенная партия (или группа) диггеров (копателей), отстаивавшие интересы беднейших слоев города и деревни – последние прославились тем, что занимали пустующие земли и устраивали на них общинное землевладение, проповедуя учение в духе «утопического коммунизма».

Революция 1640-1660 годов, приведшая в движение широкие средние и низшие классы и создавшая в стране демократическое движение, привела к падению абсолютистского режима Карла I, и – на нисходящей стадии - к установлению протектората Оливера Кромвеля, введшего революцию в относительно управляемое русло. В 1658 году Кромвель умер, и протектором сделался его посредственный сын, лишив-

шийся поддержки армии. В движение теперь уже пришли консервативные силы: сторонники неограниченной и умеренной монархии, англикане и пресвитериане, дворянство и лондонцы. Однако инициатива по-прежнему оставалась в руках индипендентской армии, несмотря на имевшиеся в ее рядах разногласия. В этой ситуации ответственность за политическое будущее страны взял на себя кромвелевский генерал Монк, занявший со своим отрядом Лондон. Он инициировал созыв т.н. «свободного парламента», лишеного всякого давления со стороны давления армии. Этот парламент (принявший название «Конвент» по аналогии с 1653 годом), состоявший наполовину из кавалеров (представителей традиционной дореволюционной аристократии), и наполовину - из пресвитериан, решил призвать на престол Карла Второго, сына казненного в 1649 году короля. Сам претендент, находясь еще в Голландии, в своей опубликованной «Декларации» обещал амнистию всем врагам монархии, сохранение конфискованных имуществ за новыми владельцами и свободу совести (1660). Парламент приветствовал этот манифест претендента на трон и постановил, что «на основании старинных и основных законов, а правительство состоит и должно состоять из короля, лордов и общин». Пуританская революция окончилась. Армия индипендентов, оставившая тяжелый след в стране, получила жалование и отставку; радикально настроенные сектанты мирно разошлись по домам.

Несмотря на крушение пуританской революции, королевская власть в Англии не могла восстановиться в прежнем виде. У возвращенных Стюартов не было больше коронных имуществ, распроданных во время революции; вместо этого парламент стал выдавать королю определенную сумму содержания. Призвавшие короля аристократы и англиканцы зорко берегли свои преимущества. Не будучи уверенным в прочности своих позиций, Карл II (1660—1685) не распускал свой первый кав-

лерский парламент в течение 18 лет. Новое издание Долгого парламента имело, в отличие от своего предшественника, ярко выраженный реакционный характер. При его содействии, как и в период Реставрации в соседней Франции, закрепились преимущества высших кругов общества.

Реакция зашла гораздо дальше, чем ожидали сами возвратившиеся Стюарты. Все те, кто был оттеснен от кормила власти и лишен статуса и привилегий завершившейся Революцией - сторонники епископальной церкви, аристократия и дворянство - вернулись теперь к власти и повели борьбу против произведенных перемен. Само мщение принимало как сугубо меркантильную, так и символически-зрелищную форму: возвратившиеся старые собственники выгоняли из владений новых, несмотря на амнистию; отместили «цареубийцам», казнили Вэна, повесили тела Кромвеля и Брэдшоу и вырыли прах Пима и Блейка. В первом парламенте, который собрался при Карле Втором, партия кавалеров составляла огромное большинство (1661). Они отстранили от всех должностей в городах не только индепендентов, но и пресвитериан; вступающий на службу должен был под присягой непротивления признать, что поднимал оружие против короля.

Как результат - лорды с феодальными титулами герцогов, виконтов, маркизов и баронетов, заботясь о сохранении в неприкосновенной целостности округ ленных больших имений, установили в своей среде обычай первородства. В самом начале правления Карла II они фактически отменили демократическую реформу избирательного права, проведенную при Кромвеле, и отняли у промышленных городов право посылать депутатов, возвратив его, напротив, малонаселенным «гнилым местечкам»; с помощью этой меры они отняли избирательное право у горожан и передали немногим крупным землевладельцам, собственникам «местечек», которые прямо назначали депутатов парламента из числа своих подчиненных. Еще одной новеллой стало

установление парламентом присяги, которые требовались при вступлении в должности государственные, земские и городские и в самую палату: в присягу было включено осуждение власти Папы Римского, которое было неприемлемым для католиков, и введено такое выражение о причастии, которого не могли произнести диссентеры (то есть сектанты, несогласные с англиканской церковью).

Состоящий из аристократов парламент не забыл и о своих интересах, назначив очень высокую пошлину на привозный хлеб, сделав фактически невозможным его ввоз в страну; вместе с тем он допустил свободный вывоз английского хлеба, что позволяло лордам поднимать его цену при продаже внутри страны. Аристократия поддерживала также купцов и судовладельцев Лондона и Бристоля; акт о мореплавании, изданный республикой в 1651 году, был несколько раз повторен при Карле II. Лорды и коммерсанты лондонского Сити соединялись в торговые компании по образцу голландцев. Рядом с ост-индской компанией возникла африканская, главным занятием которой был вывоз негров-невольников и продажа их на плантации Антильских островов⁵⁰. Таким образом, вернувшиеся в страну и к власти в период Реставрации наследственные аристократы-кавалеры (впоследствии разбавленные выходцами из других, более низких социальных классов) постепенно осваивавшие новые экономические занятия, стали главными политическими бенефициантами как в эпоху Реставрации 1660-1688, так и в период послереволюционной монархии Стюартов, используя в собственных интересах политические институты и правовые механизмы.

Однако реставрированная при поддержке аристократов монархия в силу одиозности политики не получила ожидаемой поддержки большинства общества. Стюарты, возвратившись после революции, хотели устроить себе независимое положение при помощи чуждых для большинства

50 *Виттер Р.Ю.* История Нового времени. – М.: ЧеРо, 1999. – С. 172.

населения Англии сил: папского двора и иезуитов, католической и абсолютной монархии Франции. Парламент, стремясь увеличить свое влияние, стал требовать у королевских советников отчета в употреблении денежных сумм, что очевидно удручало развращенного и расточительного Карла II, чьи праздные расходы наносили ущерб интересам безопасности страны. Довершением к этому стал тайный договор с Людовиком XIV, в силу которого Карл обязался перейти в католичество и помотать Франции. Чем дальше, тем больше верный кавалерский парламент стал раздражаться против королевской политики. Еще худшим, чем тайный договор с Францией, представлялся предстоящий переход престола к брату бездетного короля, Якову, герцогу Йоркскому, открытому и ревностному католику. Водворение католицизма в Англии представлялось торжеством враждебной стране силы, нарушением ее самостоятельности, всех ее обычаев. В ответ на это в парламенте сложилась партия, задумавшая лишить Якова прав на престол. Но сделать это открытым путем представлялось затруднительным, поскольку означало бы открытое нарушение присяги верности королю, и могло спровоцировать противостояние, грозящее вылиться в новую гражданскую войну. В силу этого формирующуюся оппозицию отказались поддержать все те, кто помнил революцию и боялся повторения ужасов предшествующих десятилетий: сторонники англиканства, духовенство государственной церкви, большая часть сельского дворянства. В то же время, за «сопротивление» королю были аристократические фамилии, которые добивались власти через парламент, а также торговое население лондонского Сити и все диссентеры. Во главе оппозиции стал один из бывших министров Карла II, Шефтебери, богатый аристократ, пользовавшийся популярностью в Лондоне (в ближайшее окружение которого входил основоположник английского либерализма Джон Локк). Не имея возможности игнорировать новое общественное движение, Карл II три раза

в течение короткого срока созывал парламент. В избирательной борьбе опять, как в 1641 г. появились две клички, сначала обидные, но потом совершенно утратившие первоначальный смысл и сохранявшиеся в течение нескольких десятилетий: **тори** («заговорщики») для сторонников неограниченной власти короля, и **виги** («разбойники») для сопротивляющихся. Виги сначала имели перевес, проведя через парламент в 1679 г. знаменитый, направленный против произвольных арестов сторонников оппозиции и требующий, чтобы при аресте предъявлялся письменный приказ от судьи, без представления которого задержанный должен был быть в течение суток освобожден. Наряду с этими, оформившиеся в консолидированную парламентскую группу виги предложили закон о лишении Якова права на престол, который не был поддержан депутатами-тори; как результат с каждым новым созывом парламента росло их число и их настойчивость.

Постепенно созрели предпосылки для Второй английской революции. Карл II правил последние четыре года до своей смерти без парламента, что вызывало растущее общественное недовольство. Несмотря на это, его преемник, Яков II (1685—1688) чувствовал себя настолько сильным, что приступил к официальному введению в Англии католического вероисповедания с одновременным наступлением на позиции парламента. Обходя законы о присяге, он стал путем королевских диспенсаций (изъятий от закона) назначать католиков на должности, а в высший тайный совет он ввел приближенного к нему патера-иезуита. В целях укрепления своей личной власти, минуя парламент, он издал «декларацию свободы совести», отменявшую ограничительные законы против католиков и диссентеров. Большинство диссентеров, не желая никакой общности с католиками, отказались от королевского дара, не утвержденного парламентским законом. Так как декларация угрожала господству английской церкви, ее отвергли и верхи

духовенства. В ответ на протест, поданный архиепископом Англии и еще шестью епископами, король привлек их к суду. Но присяжные оправдали их под одобрение большинства общественности, что означало утрату монархом прежнего авторитета. В отличие от кризисной ситуации 1681 года, теперь угроза от надвигающегося католичества казалась англичанам более значительной, чем последствия смещения короля. Как результат, большинство тори в этой ситуации отреклось от Якова II и согласилось принять изгнанника вигов, зятя короля, Вильгельма Оранского, который уже высадился в Англии; всеми покинутый король Яков бежал во Францию⁵¹.

Характерно, что Вильгельм III, высадившийся 5 ноября 1688 г. вместе со своим состоявшим в основном из голландцев войском на юго-западе Англии, мотивировал свое вторжение с помощью «консервативных» по своему смыслу аргументов – заявив о своем намерении защитить от «узурпатора» Якова II законы, правовые свободы и обычаи (*laws, liberties and customs*), а равно свободный парламент и протестантскую религию⁵². Примечательно, что в английской историографии данные события неизменно рассматриваются не как поражение, но как Славная революция (*Glorious Revolution*) – как практически бескровное основоположение современной либеральной мировой державы Англии (впоследствии Великобритании).

Весьма удачным для организаторов переворота оказался тот факт, что еще до своего бегства из Лондона король Яков утопил символы королевской власти в Темзе, что было истолковано лояльными парламенту юристами как его фактическое «отречение» от власти. Что позволило через некоторое время уже самому парламенту короновать Вильгельма Третьего и его жену Марию Стюарт (дочь Якова Второго), формально сохранив правящую династию и избежав

51 *Виннер Р.Ю.* История Нового времени. – М.: ЧеРо, 1999. – С. 175.

52 *Maissen Th.* Geschichte der Frühen Neuzeit. – C. H. Beck: München 2013. – S. 77.

обвинений в узурпации (но не позволило избежать заговоров, которые вплоть до 1746 года устраивали приверженцы беглого короля – якобиты).

Новый король Вильгельм III был принят на условия особого договора. Парламент предъявил ему Билль о правах, который и был королем опубликован в виде особой декларации прав. Здесь были повторены и расширены главные условия Петиции о праве 1628 года. В частности, запрещались всякие диспенсации и приостановка законов; в Англии, благодаря этому, окончательно установилось «господство права», т. е. безусловная сила законов, выработанных парламентом в согласии с королем. Одновременно королю было дозволено держать постоянную армию лишь с особого на каждый год раз решения парламента, и одновременно запрещалось взимать какие-либо подати без согласия парламента.

Любая попытка представителей династии Стюартов заявить о своих прерогативах сразу упиралась в содержащийся в Билле о правах принцип *king-in-parlament*, в соответствии с которым корона обладала суверенитетом только совместно с лордами и общинами, обладая отныне правом законодательствовать и осуществлять назначения на должности только по согласованию с последними. Использование же монархом его собственных полномочий с нарушением установленных законов изначально трактовалось как нелегитимное.

Декларация прав объявляла также свободу выборов в парламент, свободу граждан в подаче петиций, а также введение суда присяжных и свободы печати (благодаря отмене цензуры). Особым актом была признана веротерпимость за диссентерами, то есть предоставлено им право совершать беспрепятственно богослужение и выбирать своих священников я старейшин. При этом вторая английская мирная революция была гораздо одностороннее пуританской революции 40-х годов XVII века, в которой выставлены были требования полной свободы совести и демократии.

В результате Революции в лице тори и вигов сложились первые прообразы современных светских партий. Виги требовали толерантности в отношении диссентеров и сильных позиций для парламента, на что категорически не соглашался Яков II. Несмотря на эти глубокие различия, обе партии сходились в оценке намерений монарха передать трон по наследству своему сыну, учредив таким образом католическую династию, как проявление «папизма» и произвола. Неслучайно и то, что именно двое представителей тори вместе с пятью членами партии вигов составили так называемую «Бессмертную семерку» («Immortal Seven»), пригласившую Вильгельма Оранского к вторжению в Англию и к последующему занятию королевского престола с именем Вильгельма III.

В конечном итоге, консервативная реакция была налицо, и именно тори сумели перетолковать результаты Славной революции в свою пользу, несмотря на подчеркивание значимости ранее обретенных парламентом и нацией свобод. В перевороте 1688 г. торжествовали аристократия и англиканство; католики и диссентеры остались лишенными прав на должности, на участие в парламенте и в управлении (получив соответствующее разрешение только в первой четверти XVIII века). Главное значение революционного переворота 1688 года состояло в том, что верховная власть перешла от короля к парламенту. Аристократия, упрочивши свое господство в период реставрации, под видом восстановления монархии, подчинила себе теперь королевскую власть.

Специфика и парадоксы английского консерватизма

Таким образом, на основании изложенного выше можно заключить, что английский консерватизм, выросший из двух революций и попыток реставрации, а также связан-

ных с ними модификаций политического порядка, имел во многом компромиссный и связанный с изменениями политической конъюнктуры характер, тесно переплетаясь с английским либерализмом (который со времен Джона Локка был куда более последовательный характер и более ясные ценностно-идеологические основания).

Консерваторы-тори (наряду с либералами-вигами) стали главным бенефициантом Английской буржуазной революции, не уничтожив монархию, но ослабив ее до такой степени, что она могла использоваться ими как политический инструмент, не создавая в то же время угрозы для их собственных интересов.

Политические традиции, а также традиционные (либо считающиеся таковыми) институты (монархия, церковь) и механизмы (прецедентное право и избирательная система) рассматривались английскими консерваторами-тори не как неприкосновенные святыни, но сугубо утилитарно - как функциональные элементы существующего политического порядка, будучи призванными дополнить и отчасти уравновесить закрепленные в основополагающих до- и послереволюционных актах права и свободы, которые консерваторы-тори чтут наряду с либералами.

Английский консерватизм послереволюционной эпохи был нацелен на закрепление фактического привилегированного положения имущих классов (обуржуазившегося наследственного дворянства, а потом и поднявшейся в результате «революции машин» городской промышленной буржуазии), превращая членов этих групп в наследственный элитно-аристократический слой (своеобразную «наследственную меритократию»), стремясь добавить к своему экономическому господству политическое.

Английский послереволюционный консерватизм изначально не был связан с идеей сильной государственности – напротив, он последовательно отстаивал индивидуальные (а по факту и корпоративные свободы),

активно противодействуя в этом отношении институтам государства. Традиционные вольности использовались им к собственной пользе – как, например, некоторые рудименты избирательной системы.

Институты, почитаемые британскими консерваторами-тори в качестве традиционных (монархия, правовая и избирательная системы), по своей природе являлись не симулякрами, но своего рода политическими конструктами, пережившими ряд трансформаций в процессе приспособления к изменяющейся политической и социально-экономической реальности, в которой более активную роль играли английские либералы.

Система традиционных институтов и традиционных «аристократических» привилегий использовалась консерваторами-тори, с одной стороны, для блокировки одностороннего усиления общегосударственной власти (как потенциального экспроприатора их прав), и для сдерживания экспансии «снизу» со стороны либералов-вигов и стоящих за ними групп социально-экономических интересов – с другой стороны, превращая таким образом, тори в некоторый условный аналог «наследственной меритократии» (по сути, в этом отношении они следовали формулу английского либерального идеолога Дж. Ст. Милля, защищавшего индивидуальную свободу как против экспансии государства, так и притязаний со стороны «народного большинства» и его «коллективной воли»).

По своему социальному смыслу, английский консерватизм – нацеленная на избежание «войны всех против всех» (по Томасу Гоббсу) в обществе, построенном на основе специфической индивидуалистической этики кальвинизма и близких к нему вероисповеданий (но если Гоббс предлагал последовательное этатистское решение этой проблемы, английские консерваторы-тори нашли более гибкий и эффективный вариант решения).

При этом расхождении английских консерваторов-то-

ри с английскими либералами-вигами – не столько ценностно-идеологического (оба течения принимали индивидуалистическое мировоззрение и «дух капитализма» в смысле Макса Вебера), сколько социально-инженерного (проектного) плана – поскольку те права и свободы, которые тори стремились защищать с помощью традиционных институтов и механизмов, английские либералы со времен Дж. Локка и Д. Ст. Милля стремились защищать с помощью рациональной социальной инженерии, то есть выстраивая систему политических и правовых институтов (парламентских, судебных, электоральных, местных и др.) таким образом, чтобы сделать любое покушение на индивидуальные и корпоративные (элитарные) социально-классовые права невозможным

В то же время между английскими консерваторами и либералами существовал своеобразный консенсус, основанный на убеждении в том, что именно сочетание традиционных и новых (послереволюционных) политических и правовых институтов, обеспечивает известный баланс между началами порядка и свободы, позволяющий Англии развиваться эволюционно и стабильно без череды революций (в отличие от соседней Франции).

Вместе с тем, английские консерваторы неизменно противились попыткам глубокой модернизации (рационализации) политической и правовой системы своей страны, усматривая в этом угрозу не только социальному равновесию и «порядку вещей», но и своему привилегированному статусу и корпоративно-элитарным интересам, превратив подобное противодействие реформам в политическую традицию своего рода.

В силу своей «гибридной» природы английский послереволюционный консерватизм изначально мог трансформироваться лишь в направлении либерализма (что фактически и происходит в течение трех последних столетий), признавая известную конвергенцию взглядов, но не

полное ценностно-идеологическое слияние. Неслучайно, что наиболее последовательный выразитель идей и принципов английского (и шире – аглосаксонского) консерватизма Фридрих фон Хайек – сам называл себя «вигом», то есть либералом и представителем конкурирующей политической силы.

Политическое и социально-экономическое развитие второй половины XX века ясно показали, что следующий своей внутренней логике английский консерватизм – это последовательный либерализм в экономике, четкое следование модели минимального государства, отказ не только от социального государства, но и от самой идеи социальной ответственности, с сохранением некоторых традиционных элементов (культ семьи, честной предприимчивости, индивидуалистической религии, и др.) – что и показала практика социально-экономических реформ консервативного правительства Маргарет Тэтчер в 1979-1990 годы).

В свою очередь, известная «размытость» (вследствие тесного переплетения с либерализмом) идеологических оснований английского консерватизма компенсировалась с помощью социально-расовых теорий, постулирующих исключительность нового аристократического класса, сочетающего традиционные привилегии и сформированные новым капиталистическим способом богатства.

В чем же состоит причина враждебности английских консерваторов к России. Причина – в особом мессианском мироощущении, зиждущемся на кальвинистском мессианизме. Россия, с позиций этого специфического «элитарного мессианизма» – не просто конкурирующая, но также «неполноценная» и архаическая империя в культурно-цивилизационном и религиозно-мессианском смыслах, сугубо этатистская политическая конструкция без эмансипированной политической нации (освободившегося от пут тирании «богоизбранного народа», который провозглашали радикальные революционеры-сектанты), традиционных

для Запада классов, и главное - без «достойной аристократии» и элиты в качестве основы своего существования.

Бенджамин Дизраэли как лицо английского консерватизма

Бенджамин Дизраэли (1876-1904) виднейший член Консервативной партии Великобритании, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании (в1868), и с 1874 по1880 гг., член палаты лордов с 1876 года, заявивший о себе как одаренный писатель. В 13-летнем возрасте Дизраэли был крещен по воле своего отца, получил христианское воспитание, но сознание своего еврейского происхождения оказало сильное влияние на мироощущение будущего лорда Биконсфилда («Да, я еврей, и когда предки моего достоуважаемого оппонента были дикарями на никому не известном острове, мои предки были священниками в храме Соломона»).

Потомок коммерсантов (выходцев из Италии), оказавшийся в 18 лет в Англии, блестящий молодой адвокат и литератор, подверженный влиянию лорда Байрона, чья личная биография стало причиной написания Андре Моруа знаменитого романа по мотивам его биографии. Пришедший под знамена тори в 1837 году после неудачи на платформе либералов, он неизменно наращивал свой политический капитал, добившись лидерства в партии и достигнув поста премьер-министра.

Идеология Дизраэли – эстетизированный консервативный романтизм, дополненный социальной программой. Первый его социальный роман «Coningsby or the New Generations» (1844) провозглашает идеалы «Молодой Англии» — объединение всех социальных слоев нации под эгидой государственной англиканской церкви и под отеческим попечением земельной аристократии, тесно переплетенной своими коммерческими и политическими интересами с

новым классом промышленников, под общей протекцией природного и символического отца нации — монарха.

Используя консервативную и одновременно мессианскую аргументацию, Дизраэли одновременно отстаивал приоритет врождённых прав англичанина перед правами человека, подчеркивая таким образом специфическую богоизбранность последних (своеобразный отзвук кальвинистского мессианизма, заявившего о себе в годы Английской буржуазной революции, который сам в значительной степени представлял собой апелляцию к ветхозаветной традиции в ущерб традиции собственно евангелической). Величие Англии для Дизраэли было неразрывно связано с доминированием высшей расы: «Упадок расы неизбежен... если только она... не избегает всякого смешения крови», — утверждал он, некоторым образом предвосхищая положение учения Людвига Гумпловича о «борьбе рас». Таким образом им отстаивался закрытый характер английской аристократии («Знать и народ — это две нации в одном государстве», и ее претензии не просто на доминирование, но на мировое господство). Рассматривая англичан в качестве избранного народа, Дизраэли проводил известные параллели с богоизбранностью еврейского народа. Развивая теорию о том, что христианство — завершающая стадия иудаизма, Дизраэли неоднократно отстаивал первородство еврейского народа, которому в силу его духовности вверена особая миссия в мировой истории. Неслучайно, что в его романе «Танкред, или Новый крестовый поход» (1847) главный герой Сидония, молодой аристократ, уезжает в Палестину с целью вернуть христианской церкви ее иудейскую первооснову, в которой автор видит подлинный источник европейской цивилизации.

В то же время, тонко чувствуя изменяющуюся политическую ситуацию, Дизраэли пытался привлечь на сторону своего «национального дела» не только консервативную партию, но и рабочих. Свои политическую платформу Диз-

раэли изложил в публицистическом сочинении «Защита английской конституции» (1835), проповедуя принципы демократии и народности одновременно с принципом лояльности королевской власти. Таким образом Дизраэли стремился превратить партию тори из аристократической в «народную», усилив ее позиции в палате общин.

Для этой цели он включив в число своих политических требований улучшение гигиены труда в промышленности и обеспечение рабочих сносными жилищными условиями, заявляя программу своеобразного социализма, пересекающегося с умеренно-реформаторским социализмом в духе Л. фон Штейна и Дж. Ст. Милля, стремясь избежать социальных потрясений и революции. С помощью политики экспансии и «расовой иерархии» в мировом масштабе лорд Биконсфилд рассчитывал преодолеть глубокую социальную дистанцию между классами Англии, пригласив низшие классы к соучастию в имперском проекте. Социальный мир, иерархия и экспансия в масштабах всего мира – важные составные элементы его политико-экономической программы.

Таким образом, социально-политические идеал Дизраэли – это последовательный социальный элитизм с некоторыми элементами расовой теории и религиозно-политического мессианизма, имеющий своей целью соединение двух наций (собственников и трудящихся) в целях совместной успешной экспансии в мировом масштабе («Две нации, между которыми нет ни связи, ни сочувствия; которые так же не знают привычек, мыслей и чувств друг друга, как обитатели разных планет; которые по-разному воспитывают детей, питаются разной пищей, учат разным манерам; которые живут по разным законам... Богатые и бедные»).

На протяжении всей политической карьеры Дизраэли последовательно стремился воплотить в жизнь этот политический идеал. Будучи безродным и беспоместным (имение он приобрел благодаря своей последующей женитьбе

на миссис Вильямс), он сумел убедить высокомерных тори избрать его своим парламентским предводителем.

Тонкий тактик и политический стратег, он благодаря своим активным усилиям и инициативам удерживал партию тори на плаву даже в неблагоприятные периоды политической конъюнктуры, когда его партия была вынуждена занимать оппозиционные скамьи. В 1852 г. Дизраэли стал министром финансов и лидером палаты общин, но в том же году после отставки кабинета и в течение последующих 14 лет (с небольшим перерывом на год) правящей партией в Англии была партия вигов. Лишь в 1866 году, после новой победы тори, Дизраэли удалось вновь занять место министра финансов в 3-м кабинете Дерби. Именно в это время Дизраэли провел избирательную реформу, которая значительно увеличила число избирателей. В 1868 г. он впервые (и снова на короткий срок) занимает пост премьер-министра, но вскоре терпит поражение на всеобщих выборах, проведенных в соответствии с инициированным им законом. После смерти графа Дерби (23 октября 1869 года) Дизраэли становится единоличным лидером кон-сервативной партии, оставаясь им вплоть до своей смерти. После решающей победы консерваторов в 1874 г. Дизраэли снова стал премьером (1874–80) и приступил к осуществлению своей давно определенной социально-экономической программы, нацеленной на решение «рабочего вопроса» посредством обновленного социального законодательства.

В вопросах внешней политики Дизраэли исходил из стремления вернуть Англии величие, утраченное ею, по его глубокому убеждению, из-за либеральной пацифистской политики вигов. Главной же его целью было укрепление Британской империи, главной «жемчужиной» в короне которой он по праву считал Индию (также являвшуюся предметом интереса активно действующей на Востоке России). В свою очередь, приобретение британским правительством акций Суэцкого канала у египетского хедива в 1875 г. (при

финансовой помощи тесно связанной с ним британской ветви семьи Ротшильдов) было призвано обеспечить Британии контроль над стратегическим путем, идущем из Англии в Индию. В 1876 г., по инициативе Дизраэли, королеве Великобритании был присвоен титул императрицы Индии, а сам политик в качестве ответного жеста был возведен королевой в звание лорда Биконсфилда.

Стремясь воспрепятствовать усилению России в Средиземноморье, Дизраэли старался всячески поддерживать «больного человека Европы» - Османскую империю, предотвращая таким образом ее распад и раздел. Так, например, Сан-Стефанский мирный договор (1878), который предусматривал установление господства России над Балканами, был по настоянию Дизраэли передан на рассмотрение великих держав. Еще до открытия его заседаний Дизраэли вошел в тайное соглашение с Россией, сделав ей много важных уступок, а также с Турцией, которой за уступку Кипра Соединённому королевству гарантировал в будущем защиту всех остальных её владений от внешней агрессии.

Решения конгресса, закрепившего отказ России от одностороннего доминирования на Балканах, расценивались как личная победа Дизраэли в его борьбе с политикой «реакционного» русского правительства. По возвращении в Англию (16 июля 1878) он был встречен общим восторгом, как творец «почетного мира» («peace with honour»). В то же время, последовавшее вслед за этим поражение консерваторов на парламентских выборах 1880 года привело к отставке правительства и стало началом конца политической карьеры Дизраэли.

Так или иначе, но именно Дизраэли Англия в значительной степени была обязана своим расцветом и величием викторианской эпохи. За заслуги перед страной Королева пожаловала ему орден Подвязки, а город Лондон — диплом на звание почетного гражданина. В глазах своего поколения лидер тори стал на некоторое время едва ли не этало-

ном успешного политического деятеля. Однако бесславная война в Южной Африке, тяжелая и кровопролитная война в Афганистане, истощение государственного бюджета и замораживание внутренних реформ подорвали доверие общества к политике тори и заставили многих усомниться в достижениях совсем недавних времен.

Так или иначе, но именно Дизраэли сформировал в основных чертах своеобразный «ценностно-идеологический комплекс» английского консерватизма в отношении России. Причиной неприятия исторической России и ее политики Лондоном являлись не только геополитические расхождения (извечный спор между морскими и сухопутными державами, а равно и борьба за присутствие и доминирование в Азии) и мессианские претензии на богоизбранность, но само восприятие дореволюционной (а во многом – и послереволюционной) России как военно-бюрократической империи, не имеющей в своей основе «достойной элиты» и полноценной нации, как архаической силы – своеобразного аналога древних царств, мощь которого был призван сокрушить в свое время «богоизбранный народ», претендующий на мировое господство. Однако предприимчивые коммерсанты, претендующие на статус наследственной аристократии в пределах своей собственной страны, а также высшей расы и «богоизбранного народа» - во всемирном масштабе, едва ли могли воспринять и потерпеть амбиции конкурента, сами ценностные основания внешнеполитической стратегии и смысл существования имперского проекта которого оставались для них чуждыми и непонятными. Вследствие чего союз британских консерваторов с Россией мог иметь только временный характер, что наглядно продемонстрировал весь период истории после Второй Мировой войны. В то время как борьба была многовековой и бескомпромиссной, а компромиссы были сугубо тактическими.

Список используемой литературы

1. *Азаркин, Н.М.* История юридической мысли России: Курс лекций / Н.М. Азаркин. – М.: Юрид. лит., 1999. – 526 с.
2. *Алексеева, Т.А.* Справедливость: Морально-политическая философия Джона Ролза / Т.А. Алексеева. – М.: Наука, 1992.
3. *Алексеева, Т.А.* Современные политические теории / Т.А. Алексеева. – М.: РОССПЭН, 2001. – 342 с.
4. *Арендт, Х.* Истоки тоталитаризма / Х. Арендт; перевод с англ. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
5. *Арон, Р.* Демократия и тоталитаризм / Р. Арон; перевод с фр. – М.: Текст, 1993. – 304 с.
6. *Арон, Р.* Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. М.: Прогресс, 1993. – 608 с.
7. *Бердяев, Н. А.* Русская идея / Н. А. Бердяев. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 832 с.
8. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М.: МГУ, 1998. – 624 с.
9. *Бернштейн Э.* Возможен ли научный социализм / Э. Бернштейн // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. Т. 2. – С. 80 – 92.
10. *Бирнбаум, П.* Французский правящий класс / П. Бирнбаум. М.: Прогресс, 1981. – 254 с.
11. *Бурдьё, П.* Социология политики: Пер. с фр. / П. Бурдьё / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
12. *Вебер, М.* Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Пролгресс, 1990. – С. 707 – 735.
13. *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С. 61 – 344.
14. *Воротилин, Е.А.* Онтология права в теории институционализма: (М.Ориу) / Е.А. Воротилин // Правоведение. – 1990. – № 5. – С. 42 – 47.
15. Гарвардский анархист: американский философ Джованна Бордари беседует с Куайеном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто. Рорти. Тэйлором, Макинтайром, Куном. – М., 1998.

16. *Гароди, Р.* Марксизм XX века / Р. Гароди. М.: Прометей, 1994. – 175 с.
17. *Гофман, А. Б.* Семь лекций по истории социологии: Учебное пособие для вузов / А. Б. Гофман. М.: Университет, 2001. – 216 с.
18. *Грамши, А.* Тюремные тетради в трех частях / А. Грамши. – М.: Политиздат, 1991.
19. *Графский, В.Г.* Государство и технократия: историко-критическое исследование / В.Г. Графский. – М.: Наука, 1981. – 289 с.
20. *Грязин, И.Н.* Аналитическая философия права: Современные тенденции: (аналитический обзор) / И.Н. Грязин // Современная аналитическая философия: Сборник обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН, 1988. – Выпуск № 1. – С. 174 – 197.
21. *Давыдов, Ю. Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы / Ю. Н. Давыдов. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
22. *Давыдов, Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения / Ю. Н. Давыдов. – М.: Мартис, 1998. – 510 с.
23. *Даль, Р.* Демократия и ее критики: Пер. с англ. / Р. Даль. – М.: РОССПЭН, 2003. – 576 с.
24. *Дегтярев, А. А.* Основы политической теории / А. А. Дегтярев. М.: Высшая школа, 1998. – 239 с.
25. *Дюги, Л.* Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. – М.: Изд-во: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 957 с.
26. *Зарубина, Н. Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации / Н. Н. Зарубина. – СПб., 1998. – 288 с.
27. *Зотов, А. Ф.* Западная философия XX века / А. Ф. Зотов. – М.: Высш. шк., 2005. – 781 с.
28. История современной зарубежной философии. Компаративистский подход: в 2 т. / Колесников А.С. (ред. редкол.). – СПб.: Лань, 1998. – Т. 1. – 448 с.; Т. 2. – 320 с.
29. *Капустин, Б. Г.* Современность как предмет политической теории / Б.Г. Капустин. М.: РОССПЭН, 1998. – 308 с.
30. *Каутский, К.* Терроризм и коммунизм / К. Каутский // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 2. – С. 102 – 107.
31. *Каутский, К.* Эрфуртская программа / К. Каутский // Анто-

логия мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 2. – С. 98 – 102.

32. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1988. – 212 с.

33. Кельзен, Г. Коммунистическая теория права / Г. Кельзен // Правовая мысль XX века. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 41 – 48.

34. Козлихин, И.Ю. Правопонимание Ф.А. Хайека / И.Ю. Козлихин // Правоведение. – 1992. – № 5. – С. 67 – 75.

35. Козлихин, И.Ю. Право и политика / И.Ю. Козлихин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 193 с.

36. Козловски, П. Культура Постмодерна / П. Козловски. – М.: Республика, 1997. – 240 с.

37. Королева-Коноплянская, Г. И. Западная наука в XX в. / Г. И. Королева-Коноплянская. – М.: Луч, 1994.

38. Корягин, А.Г., Фролов Б.И. Социальная утопия Дж. Гелбрейта: критика концепции «нового индустриального общества» / А.Г. Корягин, Б.И. Фролов. – М.: Мысль, 1978. – 246 с.

39. Коузер Л. Основы конфликтологии / Л. Коузер. – СПб.: Светлячок, 1999. – 192 с.

40. Кузнецов, Э.В., Савельев, В.Ф. Правовое государство (из истории русской правовой мысли) / Э.В. Кузнецов, В.Ф. Савельев // Правоведение. – 1991. – № 1. – С. 49 – 53.

41. Кунц, К.-Л. Аналитическая теория права: «Правовая» теория без права? Систематическое изложение и критика / К.-Л. Кунц // Право XX века. Идеи и ценности. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 133 – 137.

42. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.

43. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодернизма / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

44. Луковская, Д. И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект / Д. И. Луковская. – Л., 1985. – 160 с.

45. Макаренко, В. П. Главные идеологии современности / В. П. Макаренко. – Ростов н/Д., 2000. – 480 с.

46. Мальцев, Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г.В. Мальцев. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.

47. Мангейм, Дж. Б., Рич Р.К. Политология. Методы иссле-

дования / Дж. Б. Мангейм, Р. К. Рич. – М.: Ищдательство «Весь мир», 1997. – 544 с.

48. *Маркузе, Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; перевод с англ. – М.: ООО «издательство АСТ», 2002. – 526 с.

49. *Марчук, В.П.* «Свободное право» в буржуазной юриспруденции: критика концепций Е. Эрлиха / В.П. Марчук. – Киев: Вища школа: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1977. – 167 с.

50. *Мельвиль, А. Ю.* США - сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х гг. / А. Ю. Мельвиль. – М.: Наука, 1986. – 215 с.

51. *Мизес, Л. фон.* Социализм. Экономический и социологический анализ /Л. фон Мизес. – М.: Изд-во Каталаксы, 1994. – 414 с.

52. *Миллс, Ч. Р.* Властвующая элита / Ч. Р. Миллс; перевод с англ. – М.: Изд-во Иностран. лит., 1959. – 544 с.

53. *Моисеев, С.В.* «Понятие права» Герберта Харта / С.В. Моисеев // Харт Г.Л.А. Понятие права. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – С. 268 – 282.

54. *Нерсесянц, В.С.* Право в системе социальной регуляции. История и современность / В.С. Нерсесянц.– М.: Знание, 1986. – 64 с.

55. *Нерсесянц, В.С.* Философия права / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 1997. – 652 с.

56. *Нерсесянц, В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 2002. - № 3. – С. 3 – 15.

57. *Никоненко, С.В.* Аналитическая философия: основные концепции / С.В. Никоненко. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – С. 3 – 18.

58. *Новгородцев, П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

59. *Окара, А.Н.* Правосознание – центральная категория философии права И.А.Ильина / А.Н. Окара // Государство и право. – 1999. - № 6. – С. 84 – 93.

60. *Острогорский, М. Я.* Демократия и политические партии / М. Я. Острогорский. – М.: РОССПЭН, 1997. – 640 с.

61. *Охотский, Е. В.* Политическая элита: сущность, структура, проблемы / Е. В. Охотский. М., 1995.
62. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 270 с.
63. *Поляков, А.В.* Может ли право быть неправым?: Некоторые аспекты дореволюционного российского правовопонимания / А.В. Поляков // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 83 – 101.
64. *Поляков, А.В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А.В. Поляков. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 864 с.
65. *Поппер, К. Р.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Р. Поппер. – М.: Междунар. фонд «Культ. инициатива» - «Феникс», 1992.
66. *Рассел, Б.* История западной философии: в Т. 2 т. / Б. Рассел. – М., 1994.
67. *Рахшмир, П.Ю.* Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Учебное пособие / П.Ю. Рахшмир. – 2-е изд., перераб.– Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. – 368 с.
68. Рациональный выбор в политике и управлении / Под ред. Л.В. Сморгунова. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1998.
69. *Роулс, Дж.* Теория справедливости / Дж. Роулс. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. – 536 с.
70. *Румянцева, В.Г.* Социологическая школа права с критикой «юриспруденции понятий» / В.Г. Румянцева // История государства и права. – 2004. - № 4. – С. 9-13.
71. *Руткевич, А.* Что такое консерватизм? / А. Руткевич. – М: Университетская книга, 1999.
72. *Степин, В. С.* Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс - Традиция, 2000. – 744 с.
73. *Сэндел, М.* Пределы справедливости / М. Сэндел // Современный либерализм: Ролз, Дворкин, Берлин, Кимлика, Сэндел, Уолдрон, Тейлор. – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-традиция, 1998. – С. 191 – 218.
74. *Тоффлер, Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: Издательство «АСТ», 2010. – 784 с.
75. Философия политики в 5-ти книгах / под ред. Б. Н. Бес-

сонова. – М.: Луч, 1994.

76. Философия права. Учебник / под ред. О.Г. Данильяна. – М.: Эксмо, 2005. – 416 с.

77. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.

78. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Издательство Прогресс, 1997. – 406 с.

79. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 592 с.

80. Хорин, Е.Н. Нормативистская теория права Г. Кельзена / Е.Н. Хорин // Правовая мысль XX века. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 49 – 65.

81. Четвернин, В.А. Современные концепции естественного права / В.А. Четвернин. – М.: Наука, 1988. – 144 с.

82. Чукин С.Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования / С.Г. Чукин // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия «Мыслители» Выпуск 11. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 76 – 97.

83. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 9 – 20.

84. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в современной России: Монография. – М.: Этносоциум, 2016. 266 с.

85. Рябова Е.Л. (рецензия на монографию) Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Этносоциум, 2015. // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №10 (88). – С. 175 - 179.

86. Рябова Е.Л. Межэтнические конфликты: к вопросу о причинах и путях преодоления // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. №1 (43). – С. 10 - 15.

87. Рябова Е.Л. Дискуссия о стратегии межнациональных отношений (редакционная статья) // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. №5 (47). – С. 7 - 8.

88. *Рябова Е.Л.* Национальные отношения и культура конфликтного взаимодействия // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2012. №1 (13). – С. 63 - 68.
89. *Суздалева Т.Р.* Миграционная политика: практика XXI века // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 1 (79). С. 9 – 15.
90. *Суздалева Т.Р.* Был ли СССР империей: национальный аспект // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 7 (61). С. 61 – 67.
91. *Дзуцев Х.В.* Этносоциологический портрет республик Северо-кавказского федерального округа Российской Федерации. М., РОССПЭН, 2012.
92. Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации Том 2. / Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.
93. Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации Том 3. / Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.
94. Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации Том 4. / Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2016.
95. Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации Том 5. / Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2016.
96. *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2009.
97. *Рябова Е.И., Болтенкова Л.Ф.* Основы государственного управления в России в их историческом развитии. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.
98. *Бормотова Т.М., Рябова Е.Л., Шикун И.Р., Радченко А.Ф., Суздалева Т.Р.* Управление миграционными процессами современной России: политическое прогнозирование / Коллективная монография / Под общей редакцией Е.Л. Рябовой, Т.М. Бормотовой. Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015. С. 90.
99. *Бирюков С.В., Рябова Е.Л.* Евразийская интеграция: Республика Казахстан как пример государственного строитель-

ства и участия в интеграционных процессах. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.

100. Терновая Л.О., Багаева А.В. Правовые основы европейской интеграции. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.

101. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика через призму исторических сравнений: первый послевоенный год и 70 лет спустя / Этносоциум и межнациональная культура. 2016. №4 (94). с. 9-16.

102. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. «Турецкий гамбит» Тайипа Эрдогана / Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №9 (87). с. 94-99.

103. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Взаимосвязи международной журналистики и международной аналитики: российский опыт / Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №8 (86). с. 154-161.

104. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Бисмарк: невыученные уроки истории? / Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №6 (84). с. 124-126.

105. Аминов И.Р. Государственная национальная политика как способ поддержания этнополитической стабильности в современной России. // Правовое государство: теория и практика. 2014 № 4 (38) С. 26-28.

106. Аминов И.Р. Этнополитические конфликты в условиях поликультурной среды: от «Арабской весны» до североатлантического миграционного кризиса // Вестник Башкирского университета. 2014 №2 (19) С. 666-670.

107. Бейсенбин К.А., Летуновский П.В. Проблемы совершенствования государственной национальной политики в постсоветской России // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 5 (95). С. 9 – 14.

108. Бейсенбин К.А., Летуновский П.В. Трансформация межнациональных отношений в условиях глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 5 (95). С. 47 – 52.

109. Анциферова И.В., Ермаков В.М. К вопросу о сущности и содержании понятий «менталитет» и «ментальность»: содержательный и структурно-функциональный аспекты // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 4 (94). С. 46 – 47.

110. Анциферова И.В., Ермаков В.М. Общее и особенное в мен-

талитете российского электората в разрезе кластерного анализа // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 37 – 42.

111. *Маркарян В.Р., Смирнова М.И.* Этнос и этническая идентичность в современной науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 4 (82). С. 81 – 87.

112. *Рябова Е.Л.* Экономика России: сопряжение космополитических и национальных проблем // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 1 (67). С. 9 – 11.

113. *Рябова Е.Л.* Экономика и миграция // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 2 (68). С. 9 – 15.

114. *Рябова Е.Л.* Экономика и миграция // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 3 (69). С. 9 – 15.

115. *Рябова Е.Л.* Целостный подход в науке и его перспективы // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 4 (70). С. 187 – 189.

116. *Рябова Е.Л.* Культура конфликтного взаимодействия как фактор политической стабилизации: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2009.

117. *Макаренков Е.В.* Чему научат кейсы по политологии будущих управленцев? // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. №6 (72). С. 45 - 53

118. *Макаренков Е.В.* Некоторые аспекты молодежного добровольческого движения в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №7 (85). С. 15 - 21

119. *Пустько В.С.* Российское общество и его идеология // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. №4 (82). С. 15 – 20

120. *Пустько В.С.* Философия богатства и бедности в современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. №1 (55). С. 15 – 20

121. *Протоиерей Димитрий Лескин,* Русский мир: историческая миссия // Журнал «Межконфессиональная миссия» 2016. №14. С. 6 - 13.

122. *Костюков А.Л.* Особенности экспорта российских образовательных услуг // Альманах Казачество 2016. №20 С. 51 - 65.

123. *Бредихин А.В.* Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // Альманах Казачество 2016. №19 С. 12 - 17.

С.В. Бирюков, Е.Л. Рябова

**Борьба идей и национальное
политическое развитие
(Франция, Германия, Англия)**

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: 8 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен

Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»

Отпечатано в типографии

Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Дизайн и верстка Т.А. Брик

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro R/9/10.

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500 Усл. п. л. 10,25

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru